

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА COMPARATIVE POLITICS RUSSIA

2024 • Т. 15 № 4

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77 – 81006 от 30 апреля 2021 г.
и Эл № ФС 77 – 63932 от 9 декабря 2015 г. (онлайн)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Оксана Викторовна Гаман-Голутвина
МГИМО (Россия, Москва)

ШЕФ-РЕДАКТОР

Максим Александрович Сучков
МГИМО (Россия, Москва)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Софья Константиновна Бабкина
МГИМО (Россия, Москва)

Председатель

Андрей Анатольевич Байков
МГИМО (Россия, Москва)

Татьяна Александровна Алексеева
МГИМО (Россия, Москва)

Вячеслав Яковлевич Белокреницкий
Институт востоковедения РАН (Россия, Москва)

Алексей Демосфенович Богатуров
Россия, Москва

Айше Дитрих
Ближневосточный технический университет
(Турция, Анкара)

Александр Жебит
Федеральный университет (Бразилия, Рио-де-Жанейро)

Виктория Ивановна Журавлева
РГГУ (Россия, Москва)

Клаус Зегберс
Свободный университет Берлина (Германия, Берлин)

Чарльз Зиглер
Университет Луисвилла (США, Луисвилл)

Ольга Владимировна Зиневич
НГТУ (Россия, Новосибирск)

Акихиро Ивасита
Университет Хоккайдо (Япония, Саппоро)

Михаил Васильевич Ильин
НИУ ВШЭ (Россия, Москва)

Гэй Кристофферсен
Университет Джона Хопкинса, Нанкинский Центр
(США-Китай)

Айгуль Кульназарова
Университет Тама (Япония, Токио)

Виктор Лаврентьевич Ларин
Институт истории археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН (Россия, Владивосток)

Валерий Георгиевич Ледаев
НИУ ВШЭ (Россия, Москва)

Марина Михайловна Лебедева
МГИМО (Россия, Москва)

Чинтамани Махалатра
Университет имени Джавахарлала Неру (Индия)

РЕДАКТОРЫ ВЫПУСКА

Максим Александрович Сучков
Софья Константиновна Бабкина

Дарья Павловна Жабина

Анастасия Вячеславовна Павлова

Анастасия Арсеньевна Сивова

Татьяна Яковлевна Щербак

Виктор Павлович Макаренко
ЮФУ (Россия, Ростов-на-Дону)

Василий Васильевич Михеев
ИМЭМО РАН (Россия, Москва)

Ефим Иосифович Пивовар
РГГУ (Россия, Москва)

Евгений Васильевич Попов
МГИМО (Россия, Москва)

Ли Син
Пекинский педагогический университет
(Китай, Пекин)

Леонид Владимирович Сморгун
СПбГУ (Россия, Санкт-Петербург)

Марина Вадимовна Стрежнева
ИМЭМО РАН (Россия, Москва)

Дмитрий Викторович Щербаков
МГИМО (Россия, Москва)

Иван Николаевич Тимофеев
РСМД (Россия, Москва)

Анн де Тинги
Сьянс По (Франция, Париж)

Алишер Файзуллаев
Университет мировой экономики и дипломатии
Узбекистана (Узбекистан, Ташкент)

Ши Чиюй
Тайваньский Национальный университет,
Университет Сунь Ятсена
(Китай, Тайвань, Тайбэй)

Чжао Хуашэн
Фуданьский университет (Китай, Шанхай)

Татьяна Алексеевна Шаплекина
МГИМО (Россия, Москва)

Людмила Ивановна Шерстова
ТГУ (Россия, Томск)

Джун Уилсон
Уитон Колледж; Гарвардский университет (США)

У Юйшань
Академия Синика (Китай, Тайвань, Тайбэй)

Дмитрий Евгеньевич Волков

Журнал основан в 2009 г. С начала издания – № 55

УЧРЕДИТЕЛИ

Издательская группа «Юрист»
МГИМО МИД России

Журнал издается при поддержке Программы
стратегического академического лидерства
«Приоритет-2030»

Мнения и оценки, содержащиеся в публикуемых материалах, могут не совпадать с позицией редакции,
учредителей в лице МГИМО МИД России и издательской группы «Юрист», а также организаций,
аффилированных с авторами.

ИНДЕКСИРОВАНИЕ

Журнал включен в международные и российские библиографические
базы данных, в том числе ESCI Web of Science Core Collection,
Google Scholar, ВАК, РИНЦ и другие.

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства
массовой информации ПИ № ФС 77 – 81006
от 30 апреля 2021 г. и Эл № ФС 77 – 63932 от 9 декабря 2015 г. (онлайн)

web-page: sravpol.ru

ISSN (print) 2221-3279

ISSN (online) 2412-4990

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и
множительной техники МГИМО МИД России.
119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76.

Тираж 2000 экз. Объем 18,08 усл. пл.
Заказ № _____

© Журнал «Сравнительная политика», 2024

© О.В. Гаман-Голутвина, 2024

© Издательская группа «Юрист», 2024

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА COMPARATIVE POLITICS RUSSIA

2024 • Volume 15 № 4

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77 – 81006 от 30 апреля 2021 г.
и ЭЛ № ФС 77 – 63932 от 9 декабря 2015 г. (онлайн)

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

EDITOR-IN-CHIEF

Dr Oksana V. Gaman-Golutvina
MGIMO-University (Russia, Moscow)

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Dr Maxim A. Suchkov
MGIMO-University (Russia, Moscow)

EXECUTIVE SECRETARY

Sofia K. Babkina
MGIMO-University (Russia, Moscow)

Chairman

Dr Andrey A. Baykov
MGIMO-University (Russia, Moscow)

Dr Tatiana A. Alekseeva
MGIMO-University (Russia, Moscow)

Dr Viacheslav Ya. Belokrenitsky
Institute for Oriental Studies, RAS (Russia, Moscow)

Dr Alexei D. Bogaturov
(Russia, Moscow)

Ayşe Dietrich
Middle East Technical University (Turkey, Ankara)

Alisher Faizullaev
University of World Economics and Diplomacy of
Uzbekistan (Uzbekistan, Tashkent)

Gaye Christoffersen
Johns Hopkins University, Nanjing Center
(USA-China, Nanjing)

Zhao Huasheng
Fudan University (PRC, Shanghai)

Dr Mikhail V. Ilyin
Higher School of Economics (Russia, Moscow)

Akihiro Iwashita
University of Hokkaido (Japan, Sapporo)

Dr Aigul Kulnazarova
Tama University (Japan)

Dr Viktor L. Larin
RAS (Russia, Moscow)

Dr Marina M. Lebedeva
MGIMO-University (Russia, Moscow)

Chintamani Mahapatra
Jawaharlal Nehru University (India)

Dr Victor P. Makarenko
Southern Federal University
(Russia, Rostov-on-Don)

Dr Vasily V. Mikheev
Institute of World Economy and International
Relations RAS (Russia, Moscow)

Dr Efim I. Pivovarov
Russian State University for the Humanities
(Russia, Moscow)

Dr Evgeny V. Popov
MGIMO-University (Russia, Moscow)

ASSOCIATE EDITORS

Dr Maxim A. Suchkov
Sofia K. Babkina

Daria P. Zhabina
Anastasia V. Pavlova
Anastasia A. Sigova
Tatiana Ya. Shcherbak

Klaus Segbers
Free University of Berlin (Germany, Berlin)

Dr Tatiana A. Shakleina
MGIMO-University (Russia, Moscow)

Chih-yu Shih
National Taiwan and National Sun Yat-sen
University (China, Taiwan, Taipei City)

Dr Lyudmila I. Sherstova
Tomsk State University (Russia, Tomsk)

Dr Leonid V. Smorgunov
Saint Petersburg State University
(Russia, Saint Petersburg)

Dr Marina V. Strezhneva
Institute of World Economy and International
Relations RAS (Russia, Moscow)

Dr Dmitry V. Streltsov
MGIMO-University (Russia, Moscow)

Dr Ivan N. Timofeev
Russian International Affairs Council
(Russia, Moscow)

Anne de Tinguy
Sciences Po (France, Paris)

Jeanne L. Wilson
Wheaton College; Harvard University (USA)

Yu-Shan Wu
Institute of Political Science, Academia Sinica
(China, Taiwan, Taipei City)

Li Xing
Beijing Normal University (PRC, Beijing)

Alexander Zhebit
Federal University of Rio de Janeiro
(Brazil, Rio de Janeiro)

Dr Viktoriya I. Zhuravleva
Russian State University for the Humanities
(Russia, Moscow)

Charles E. Ziegler
University of Louisville (USA)

Dr Olga V. Zinevich
Novosibirsk State Technical University
(Russia, Novosibirsk)

COMPUTER LAYOUT

Dmitry E. Volkov

Журнал основан в 2009 г. С начала издания – № 55

PUBLISHERS
Publishing Group "Yurist"
MGIMO-University

The journal is published with the support
of the "Priority 2030" Strategic Academic Leadership
Program

INDEXING

The journal is included in international and Russian bibliographic databases,
including ESCI Web of Science Core Collection, Google Scholar, Higher
Attestation Commission, RSCI and others.

web-page: sravpol.ru

ISSN (print) 2221-3279

ISSN (online) 2412-4990

Printed at the Department of Operational
Polygraphy and Multiplication Technology,
MGIMO University,
76 Prospect Vernadskogo, Moscow,
Russia, 119454.
Circulation 2000 copies.
Order No. ____

The opinions expressed in *Comparative Politics Journal* are those of the authors and contributors, and do
not necessarily reflect those of the editors, the editorial board, MGIMO University, Publishing Group "Yurist",
or the organizations to which the authors are affiliated.

© Comparative Politics, 2024
© O.V. Gaman-Golutvina, 2024
© Publishing Group "Yurist", 2024

МИРОВОЕ БОЛЬШИНСТВО
В ЧАЯНИИ ПАССИОНАРНОСТИ

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

ПРЕДСТАВЛЯЯ НОМЕР

Мировое большинство в чаянии пассионарности
О.В. Гаман-Голутвина
(МГИМО МИД России)

«МИРОВОЕ БОЛЬШИНСТВО» В СВОЕМ МНОГООБРАЗИИ:
РЕГИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Регион как «двойная периферия»
(на примере российского Дальнего Востока)
А.А. Киреев
(ДФУ)

Взгляды Китая и России на глобализацию
и регионализацию и их влияние
на евразийскую интеграцию
Вэйцзин Дай
(Пекинский университет, КНР)

Влияние качества политических
и экономических институтов на рост ВВП
С.В. Расторгуев, Е.В. Бродовская, Р.В. Парма
(Финансовый университет)

Проект ЕС – Африка: изменение стратегии
в условиях конкуренции
О.Е. Трофимов, Н.А. Подчасов, А.Д. Кулинич
(ИМЭМО им. Е.М. Примакова)

Гендерное измерение международных отношений:
южноафриканки на руководящих постах
в структурах ООН
Л.Я. Прокопенко
(Институт Африки РАН)

Треугольник Индия – Китай – США в Южной Азии
С.И. Лунев, А.Ю. Давыденко
(МГИМО МИД России)

МОЗАИЧНОЕ ПОЛЕ РОССИЙСКОЙ
И МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Дилеммы европейской безопасности:
сравнение подходов Германии и Франции
к соотношению роли ЕС и НАТО в Европе после 2022 г.
П.П. Тимофеев, М.В. Хорольская
(ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН)

Защита от иностранного вмешательства:
двухуровневая логика внешнеполитического
планирования Британии
К.А. Годованюк
(Институт Европы РАН)

Инновационно-цифровой потенциал
мировой космической деятельности:
особенности современного этапа
Л.В. Панкова, О.В. Гусарова
(ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН)

НАУЧНЫЙ ДЕБЮТ

Влияние антироссийских санкций ЕС
на торговлю энергоносителями между Россией
и ее ключевыми партнерами
С.И. Балахонова, Е.С. Князькина, Е.Я. Арапова
(МГИМО МИД России)

THE "GLOBAL MAJORITY"
IN THE ASPIRATION OF PASSIONARITY

CONTENTS

EDITORIAL NOTE

4 The "Global Majority" in the Aspiration of Passionarity
Dr. Oksana V. Gaman-Golutvina
(MGIMO University)

THE "GLOBAL MAJORITY" IN ITS DIVERSITY:
THE REGIONAL DIMENSION

11 Region as a "Double Periphery"
(on the Example of the Russian Far East)
Dr. Anton A. Kireev
(Far Eastern Federal University)

33 Chinese and Russian Perspectives on Globalization
and Regionalization and the Implications
for Eurasian Integration
Weijing Dai
(Peking University, China)

48 Influence of Quality of Political
and Economic Institutions on GDP Growth
Dr. Sergey V. Rastorguev, Dr. Elena V. Brodovskaya,
Dr. Roman V. Parma
(Financial University)

66 Project EU-Africa:
Changes of Strategy in Competitive Environment
Dr. Olga E. Trofimova, Dr. Nikolai Al. Podchasov,
Alexander D. Kulnich
(MEMO RAS)

91 The Gender Dimension of International Relations:
South African Women in Leadership Positions
in United Nations Structures
Dr. Lyubov Ya. Prokopenko
(Institute of African Studies RAS)

113 The India-China-USA Triangle in South Asia and Russia
Dr. Sergey I. Lunev, Dr. Anatoly Yu. Davydenko
(MGIMO University)

MOSAIC FIELD OF RUSSIAN
AND WORLS POLITICS

132 European Security Dilemmas: A Comparison of Germany
and France's Approaches to the Relationship of the EU
and NATO Roles in Europe after 2022
Dr. Pavel P. Timofeev, Dr. Maria V. Khorolskaya
(MEMO RAS)

155 Defense against Foreign Interference:
The Two-Tier Logic of UK Foreign Policy Shaping
Dr. Kira A. Godovanyuk
(Institute of Europe RAS)

172 Innovation and Digital Potential of the Global Space
Activities: Peculiarities of the Current Stage
Dr. Ludmila V. Pankova, Olga V. Gusarova
(MEMO RAS)

SCIENTIFIC DEBUT

188 Impact of EU Anti-Russian Sanctions on Energy Trade
between Russia and Its Key Partners
Svetlana I. Balakhonova, Ekaterina S. Knyazkina,
Dr. Ekaterina Ya. Arapova
(MGIMO University)

МИРОВОЕ БОЛЬШИНСТВО В ЧАЯНИИ ПАССИОНАРНОСТИ

Термин «мировое большинство» прочно утвердился в актуальном дискурсе международных отношений в качестве зонтичного понятия для определения *незападного мира*. Порой этот термин стремятся представить как имеющий выраженный *антизападный характер*. Однако это вольная интерпретация: представители крупнейших участников данного условного – как не имеющего интеграционного знаменателя – сообщества в лице Индии, Китая, да и России – неоднократно акцентировали альтернативный по отношению к Западу вектор эволюции этого сообщества – *альтернативный, но не антагонистический*. В представляемом выпуске мировое большинство включает рассмотрение реалий России, Китая, Индии, Африки.

Рассмотрение мирового большинства предполагает плюрализм ракурсов, но объективно ключевым для утверждения этого сообщества в качестве перспективной силы является его способность / неспособность достичь экономического роста. Экономический рост традиционно рассматривается как производное от качества политических и экономических институтов. В данном выпуске эта взаимосвязь подвергается эмпирической проверке в статье С.В. Расторгуева, Е.В. Бродовской, Р.В. Пармы в формате верификации гипотезы о взаимозависимости качества институтов и темпов роста ВВП в период после глобального экономического кризиса 2008–2009 гг. Предпринятый авторами корреляционный анализ показал, что в период после глобального экономического кризиса наибольшие темпы роста демонстрировали страны с достаточно низкими позициями в «Индексе демократии» и «Индексе бизнеса», тогда как лидеры рейтингов показывали более низкие темпы экономического роста. Обнаруженные расхождения авторы пытаются объяснить как эффектом низкой базы ряда стран-лидеров по темпам роста, так и эффективной экономической политикой их элит. При этом кейс России демонстрирует

положительную корреляцию между низкой позицией в «Индексе демократии» и низкой позицией по темпам экономического роста, а также отрицательную корреляцию между относительно неплохой позицией в «Индексе бизнеса» и низкой позицией по темпам экономического роста. В поисках объяснения авторы апеллируют как к значительным негативным эффектам глобального экономического кризиса и антироссийским санкциям, так и к, увы, к неэффективной экономической политике. Двойственность гипотез аргументирует необходимость дальнейшего развития методологии исследований на стыке политологии и экономики для более глубокого понимания нелинейной динамики макроэкономических показателей.

Продолжая российскую тематику, А.А. Киреев обращается к рассмотрению нового феномена Центр-периферийных отношений, а именно, феномена «двойных периферий», изучение которого осложняется рядом трудностей методологического порядка. На материале российского Дальнего Востока А.А. Киреев предпринимает попытку методологически обоснованной идентификации двойной периферии. Предлагая рабочее определение двойной периферии, автор фиксирует сложившуюся в постсоветский период двойную периферийность макрорегиона Дальнего Востока в отношении стран СВА-3 (Китай, Япония, Республика Корея) и России, рельефно проявляющуюся в сферах вывоза товаров и выездного туризма. Автор намечает возможные пути политического стимулирования социально-экономического развития дальневосточного макрорегиона в условиях задаваемых его периферийным положением объективных ограничений. Представляет интерес обоснование целесообразности перехода от проводившейся с начала 2010-х гг. селективной политики локальных преференций к плановому освоению Дальнего Востока посредством введения на территории ДФО особого режима управления.

В любом ракурсе рассмотрения позиций мирового большинства неоспоримо значение взаимоотношений России и Китая. Вэйцзин Дай из Пекинского университета рассматривает отношение этих держав к перспективам глобальных и региональных процессов в контексте практической неизбежности деглобализации. При всех различиях Китай и Россия одинаково привержены идеям евразийской интеграции. Сопоставление китайского и российского подходов к глобализации и регионализации позволяет выявить влияние этих подходов на государственную политику двух стран в сфере евразийской интеграции. Скрупулезный анализ показывает, что, несмотря на некоторые различия в китайском и российском взглядах на глобализацию и регионализацию, у обеих стран сходные позиции по ключевым аспектам: глобализация призвана максимизировать общечеловеческие выгоды, а региональная интеграция

не должна противоречить глобализации. Это образует прочную основу сотрудничества Москвы и Пекина в евразийских интеграционных процессах, институтах и проектах – ШОС, ЕАЭС и ОПОП.

Рассмотрение регионализации и глобализации в ракурсе противостояния/взаимозависимости сверхкрупных стран региона побуждает обратиться к более широкому контексту трансформации государств Южной Азии и особенностям внешнеполитических стратегий великих держав, что представлено в статье С.И. Лунева и А.Ю. Давыденко. Данный регион в определенной мере отражает изменившееся глобальное соотношение сил: здесь расположены государства, существенно отличные друг от друга по численности населения, географическим масштабам, военной и экономической мощи, научно-техническому потенциалу, цивилизационным особенностям и другим параметрам, определяющим ключевые аспекты межгосударственных отношений. Нервом международных отношений в регионе остаются коллизии китайско-индийских взаимодействий. Несмотря на определенную нормализацию двусторонних отношений на данном этапе, многие факторы ограничивают связи Китая и Индии, причем большинство из них является производным от базового противоречия – соперничества азиатских гигантов. Обоснованно идентифицируются стратегические цели становления (Индия) и укрепления (Китай) в качестве мировых держав. Авторы обоснованно предполагают, что после становления полицентрического мира китайско-индийские противоречия будут иметь очевидную тенденцию к углублению. Не последнюю роль в определении перспектив играет тот факт, что в случае реализации формата полицентрического мира Индия и Китай постараются получить дополнительные выгоды от резко усложнившейся геополитической ситуации.

Особую роль в конституировании мирового большинства играют страны Африки. Последняя, некогда бывшая, согласно меткому определению А.М. Васильева, «падчерицей глобализации», неожиданно даже для себя самой обрела шансы стать золушкой. Одним из средств столь радикального преобразования стало взаимодействие Африки со странами ЕС, члены которого со времен классического колониализма заинтересованы в богатствах континента. Актуальной современной задачей африканистики предстает выявление динамики африканской стратегии ЕС, стремящегося сохранить свои позиции на континенте в условиях возрастающего давления со стороны США и Китая, а также понимание воздействия интеграционных процессов на отношения ЕС – Африка. Применение междисциплинарных подходов позволяет О.Е. Трофимовой, Н.А. Подчасову, А.Д. Кулиничу выявить ключевой фактор эффективности европеизации,

состоящий в переносе европейской системы ценностей и демократии на африканскую почву и определить границы применимости этой технологии. Авторы правомерно отмечают, что процессы региональной интеграции в Африке – один из результатов углубления взаимосвязей при сохраняющейся их асимметрии и одновременно важное отличие проекта ЕС – Африка от других моделей взаимодействия. Асимметрия проявляется в экономических отношениях, признании различных позиций в новом мировом порядке и внутристрановых условиях развития, а также финансовых и кадровых возможностях стран Африки. Не менее актуальным является анализ усиливающейся конкуренции ЕС с США и Китаем в Африке, выявление специфики их связей с континентом, перспектив развития сотрудничества ЕС с Африкой в новых условиях и перспектив реализации очередной версии проекта ЕС – Африка.

В немалой степени укрепление позиций Африки достигается посредством диверсификации внешних связей стран континента. В контексте характерного для XXI века расширения политического участия женщин в мировой политике не удивительно возрастание представительства африканок в органах власти различного уровня. Некоторые из них занимали руководящие посты в структурах ООН. Л.Я Прокопенко посредством функционального и биографического методов исследования проанализировала деятельность южноафриканок, активно вовлеченных в продвижение тематики прав человека, борьбы с голодом, ВИЧ / СПИД на национальном и международном уровнях, в том числе в рамках ООН и Африканского союза. Особое внимание автор уделяет отношению южноафриканок к теме гендерного равенства, которое они рассматривают в качестве необходимого условия демократического развития. На различных многосторонних площадках представители Юга африканского континента выступали за расширение прав и возможностей женщин во всех областях политической, экономической и общественной жизни общества, как находясь на руководящих постах в ООН, так и по завершению срока полномочий. Принципиальное значение этой деятельности состоит в том, что многосторонняя и многотрудная деятельность южноафриканок в рамках ООН в борьбе за права человека, в борьбе с голодом и ВИЧ / СПИД помимо достижения профильных целей, демонстрирует потенциал гендерного равенства при решении глобальных проблем.

Рассмотрение актуальных измерений мирового большинства было бы невозможно вне глобального контекста, формируемого его альтер-эго – западным миром. Вопреки множеству пророчеств, последний не намерен отступить, скорее, он готов простудиться на похоронах этого «большинства», воспринимаемого им именно так – в кавычках. Тем не менее,

осознавая ослабление собственных позиций в глобальной конкуренции, государства ЕС прилагают усилия по стратегической обороне. П.П. Тимофеев и М.В. Хорольская прослеживают различия стратегий Германии и Франции в рамках этого общего курса. До начала украинского кризиса политика безопасности упомянутых государств имела сходный характер; в настоящее время расхождения по вопросам безопасности между странами углубляются. Франция, опирающаяся на собственный ВПК и ядерное оружие, стремится развивать европейскую оборону, активно продвигает инициативные проекты в Европейском союзе с целью получения финансовых дивидендов и укрепления «стратегической автономии». Не имеющая таких возможностей Германия делает упор на структуры НАТО и вооруженные силы США, что находит отражение в ее политическом курсе, весьма зависимом от американского ВПК.

Несколько иначе выражается влияние международной турбулентности на внутривнутриполитические процессы и внешнеполитическое планирование в Великобритании. Похоже, истеблишмент этой страны стал жертвой собственных нарративов – нарочитое разделение международных игроков на демократические и авторитарные режимы проецируется в утверждении о злонамеренном влиянии последних на внутреннюю политику Великобритании. К.А. Годованюк показала, как многократно тиражируемый тезис об «иностранных вмешательствах» в дела Соединенного Королевства стимулировал появление новых политических и правовых практик внутри страны и усилил зависимость внешнеполитического курса от внутренних нарративов в пользу значительно менее гибкого. Россия приобрела в британской стратегической культуре статус вселенской угрозы, а роль Китая в сфере безопасности свелась к угрозе промышленного шпионажа, что актуализировало задачу «нейтрализации влияния КНР и ее агентов» в их попытках воздействия на британский истеблишмент. Данные сдвиги стимулировали обновление внутреннего законодательства Британии в части «противодействия иностранному вмешательству».

Одним из способов противостояния внешнему вмешательству» (которое по факту отсутствовало) стали беспрецедентные антироссийские экономические санкции ЕС и Британии, приоритетным объектом которых предстала российская энергетическая отрасль. С целью адаптации к новым реалиям российский нефтяной экспорт был переориентирован из Европы в Азию. Е.Я. Арапова, С.И. Балахонова, Е.С. Князькина подвергли рассмотрению недостаточно изученные вопросы эффективности российской стратегии адаптации к ограничениям ЕС в данной сфере, в том числе посредством оценки воздействия санкций ЕС в отношении российского топливно-энергетического комплекса с учетом объема и тенденций

эволюции торговых отношений России с Китаем, Индией и Турцией в области энергетики. Проведенный анализ показывает, что в краткосрочной перспективе отечественной нефтяной отрасли удалось оперативно отреагировать на возникшие вызовы за счет предоставления значительных скидок новым партнерам. Круг ключевых бенефициаров последствий санкционной политики ЕС очевиден – это Индия, Китай и Турция.

Всеохватный формат глобальной конкуренции обуславливает неизбежное вовлечение в эту конкуренцию и космической сферы. Милитаризация космического пространства – очевидный факт, свидетельствующий о нарастающей конфликтности в космосе. Не случайно в 2022 г. в НАТО разработана новая концепция использования космоса. Обращение к изучению новых космических технологий О.В. Гусаровой и Л.В. Панковой свидетельствует как о новых сферах и технологиях конкуренции в космосе, так и о возможном новом формате стабильности в этой сфере, не случайно в этой связи постановка вопроса о «космическом сдерживании», которое фокусируется преимущественно на предотвращении нападений на системы космического базирования, а не только на использовании космических средств для сдерживания агрессии обычными средствами. Эксперты обращают внимание на необходимость изучения последствий военного использования космических средств, использования направленной энергии, средств радиоэлектронного противодействия, возможностей кибер-атак и спутников-инспекторов. Острота и сложность темы определяют востребованность более интенсивных дискуссий по тематике развития космических вооружений с целью предотвращения милитаризации космического пространства.

Затронутые сюжеты показывают, что сложность феномена мирового большинства ничуть не уступает таковой применительно к пресловутому «меньшинству», в качестве которого позиционируется Запад. В данном случае «размер не имеет значения», и составляющий порядка одной восьмой населения мира «политический Запад», охватывающий различные географические ареалы мира от Австралии и Японии до Канады, определенно не готов уступать и демонстрирует недюжинную волю к выживанию. Эта выражено нелинейная логика вопреки известному высказыванию наполеоновского маршала подтверждает: Бог не всегда на стороне больших батальонов, а численный перевес отнюдь не гарантирует победы. И потому мировому большинству не стоит рассматривать свою значительную численность в качестве фактора автоматической победы. Ибо, как справедливо заметил один из крупнейших поэтов Запада И.В. Гете, «...Лишь тот достоин жизни и свободы, // Кто каждый день за них идет на бой»... Эта пассионарность в сочетании с уникальными

историческими обстоятельствами обеспечила численному меньшинству Запада в прошлом обретение доминирования в мировом масштабе. Трудно ожидать, что история изменит свою логику в случае большинства...

О.В. Гаман-Голутвина,
главный редактор журнала «Сравнительная политика»,
зав. кафедрой МГИМО МИД России, президент РАПН,
заместитель председателя Общественного Совета
при Минобрнауки РФ, член Общественной палаты РФ и ОП Москвы,
член-корреспондент РАН

РЕГИОН КАК «ДВОЙНАЯ ПЕРИФЕРИЯ» (НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА)

Антон КИРЕЕВ
Дальневосточный федеральный университет

Аннотация: Изучение «двойных периферий» является одним из новых направлений центр-периферийных исследований, становление которого осложняется сегодня рядом трудностей методологического порядка. К их числу относятся вопросы концептуализации и эмпирической интерпретации «двойной периферии» как научного понятия. На материале российского Дальнего Востока в статье предпринимается попытка методологически обоснованной идентификации конкретной двойной периферии. На основе результатов современных центр-периферийных исследований автором предлагается рабочее определение двойной периферии, исходя из которого выделяются статистические показатели, необходимые для оценки принадлежности социально-географического объекта к перифериям названного типа. Опираясь на сравнительно-исторический анализ количественных данных о состоянии общественного потенциала российского Дальнего Востока в 1990–2020 гг. и динамике его торговых, инвестиционных и миграционных связей, автор фиксирует сложившуюся в постсоветский период двойную периферийность макрорегиона в отношении стран СВА-3 (Китай, Япония, Республика Корея) и России, наиболее определенно проявляющуюся в таких сферах, как вывоз товаров и выездной туризм. В заключении статьи намечаются возможные пути политического стимулирования социально-экономического развития дальневосточного макрорегиона в условиях объективных ограничений, задаваемых его периферийным положением. Сделан вывод о необходимости перехода от проводившейся с начала 2010-х гг. селективной политики локальных предпочтений к площадному плану освоению Дальнего Востока на основе введения на территории ДФО особого режима управления.

Ключевые слова: центр-периферийные отношения, двойная периферия, региональное развитие, региональная политика, граница, трансграничные отношения, российский Дальний Восток, Северо-Восточная Азия

Антон Александрович Киреев – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии, Дальневосточный федеральный университет.
ORCID: 0000-0003-0274-4030. E-mail: antalkir@yandex.ru
690922, Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10.

Поступила в редакцию: 22.02.2024

Принята к публикации: 16.06.2024

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Термин «двойная периферия», появившийся в российских научных публикациях с начала 2000-х гг.¹, получает все более широкое и мультидисциплинарное употребление. И, как это нередко происходит в процессе распространения любого термина, его значение постепенно размывается. Крайним проявлением этой тенденции является превращение «двойной периферии» в экспертном и политическом дискурсе в клишированный образ, выражающий особенно высокую степень маргинализации определенной территории или экстерриториального объекта².

Впрочем, происходящее размывание значения термина «двойная периферия» нельзя объяснить только его использованием в риторических целях. Главной предпосылкой к этому выступает объективная сложность самого феномена «периферийности», многообразии его конкретных проявлений. В условиях такого многообразия исследователи как в России, так и за рубежом фокусируются на существенно различающихся формах «двойной периферийности», под общим терминологическим обозначением подразумевая фактически несовпадающие понятия.

Так, в рамках регионоведения на сегодня наметились по меньшей мере три возможных трактовки «двойной периферийности» регионов различного уровня и типа. Согласно первой из них, двойной периферией регион становится в результате взаимоналожения и кумуляции двух (или более) разновидностей пространственной стратификации между ним и «центром» (Межевич & Болотов, 2021; Mikhailova & Wu, 2022). Исследователи, придерживающиеся второй трактовки, исходят из того, что отношения центра и периферии могут быть не только многомерными, но и многоуровневыми, опосредованными субцентрами. В такой ситуации двойной периферийностью характеризуется периферия субцентра, или, иными словами, периферия второго уровня (Мкртчян & Карачурина, 2014; Миньяр-Белоручев, 2019). В соответствии с третьей трактовкой двойная периферийность региона задана существованием двух (или более) внеположенных центров, в той или иной зависимости от которых данный регион одновременно находится (Федоров, 2010; Kuhrt, 2012; Ильин & Барсукова, 2019).

Не отрицая значимости других толкований «двойной периферии», каждое из которых, по существу, служит основой для самостоятельного направления исследований, автор считает третью трактовку данного явления наиболее актуальной и перспективной для отечественного регионоведения.

¹ Первой известной автору отечественной публикацией, содержащей данный термин, была статья Н.В. Смородиной «Калининград в условиях объединения Европы: вызов и ответ». В ней рассматривались проблемы воздействия европейских интеграционных процессов на западное порубежье России. См. Смородиная, 2001.

² Острякова Е. (2022) Антироссийский демарш «вахтерши ЕС» по шенгенским визам не нашел поддержки. *Политнавигатор*. Available at: <https://www.politnavigator.net/antirossijskij-demarsh-vakhtershi-es-po-shengenskim-vizam-ne-nasel-podderzhki.html> (дата обращения: 12.12.2023).

Очерченная ею предметная область выходит за пределы исходной для центр-периферийного подхода интраграницной тематики, включая в себя интенсивно разрабатываемый в последние десятилетия комплекс проблем государственных границ, пограничий и трансграничных отношений. С этой предметной областью неразрывно связана и пронизывающая все современное общественное сознание проблематика международной интеграции, регионализации и регионализма (Börzel & Risse-Kappen, 2016).

Как в российских, так и в зарубежных публикациях термин «двойная периферия» в рассматриваемой трактовке чаще всего используется применительно к западному пограничью России, к регионам, сопредельным со странами ЕС (Ильин & Барсукова, 2019; Gower, 2000). При этом первоочередное внимание среди них привлекает к себе Калининградская область (Сморodinская, 2001; Zverev, 2007). Однако, по крайней мере не меньшую методологическую ценность данное понятие может иметь при изучении регионов азиатской части страны. Особый интерес с этой точки зрения представляет российский Дальний Восток (далее – РДВ)³, находящийся в сфере трансграничного влияния субглобального Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) и уже на протяжении более 30 лет вовлеченный в весьма противоречивые по своей динамике и результатам интеграционные процессы. Первые случаи описания территорий РДВ в качестве «двойной периферии» относятся еще к концу 2000-х гг.⁴ Тем не менее специальных исследований, в которых бы обосновывалась возможность приложения этого понятия к дальневосточному макрорегиону, до сих пор не предпринималось.

Целью настоящего исследования является проверка соответствия состояния и отношений дальневосточного макрорегиона России в постсоветский период его истории (1990–2010 гг.) содержанию понятия «двойная периферия». Достижение заявленной цели требует решения трех основных задач: 1) уточнения определения «двойной периферии» в указанном ранее значении этого термина; 2) эмпирической интерпретации этого определения и выделения выражающих его существенное содержание измеримых показателей; 3) оценки на основе сравнительно-исторического анализа выделенных показателей меры «двойной периферийности» РДВ в изучаемый период.

³ В данной статье под российским Дальним Востоком понимается территория Дальневосточного федерального округа (ДФО) в границах, установленных в ноябре 2018 г.

⁴ Так, о рисках «двойной периферийности» одного из регионов РДВ упоминалось в принятой в 2009 г. Стратегии социального и экономического развития Хабаровского края на период до 2025 года. См. *Официальный интернет-портал правовой информации* (n.d.) О стратегии социального и экономического развития Хабаровского края на период до 2025 года. Available at: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&backlink=1&nd=180022887&page=1&rdk=1&ysclid=m1g6l8t07s198254987#10 (дата обращения: 20.09.2024). Одним из первых примеров употребления этого термина исследователями РДВ было выступление директора Тихоокеанского центра стратегических разработок М.В. Терского. См. Эксперт: Владивосток находится в ситуации двойной периферии как для России, так и для стран Азиатско-Тихоокеанского региона (2012) ДВ-РОСС, 2 октября. Available at: <http://trud-ost.ru/?p=154792&ysclid=lxfxao0xee812031788> (дата обращения: 20.09.2024).

Определение понятия «двойная периферия»

Исследователи, использующие понятие «двойная периферия» в интересующем нас значении, как правило, не формулируют четких определений, ограничиваясь фиксацией тех или иных признаков этого явления. Такие признаки обычно извлекаются из более общего понятия «периферия», различные описания и дефиниции которого разрабатывались в социологических и экономических центр-периферийных концепциях с середины XX в. (Kaps & Komlosy, 2013; Lang, Henn, Sgibnev & Ehrlich, 2015).

Одним из основных признаков «периферии», акцентируемом в особенности в либеральной (позитивистской) парадигме ее изучения⁵, выступает отсталость периферийной территории, ее неравенство «центру» по уровню своего социально-экономического, и шире – общественного, развития, по какой бы конкретной шкале этот уровень не измерялся. Именно отсталость, понимаемая как исходная данность, рассматривается в этой парадигме как объективный источник «периферийности» страны или региона. При этом в отношениях, возникающих между центром и периферией (торговых, инвестиционных, миграционных) видится механизм модернизации последней, т.е. постепенного сокращения дистанции в уровнях развития между ней и центром (Friedmann, 1996; Hägerstrand, 1967).

Другим ключевым признаком «периферии», фундаментальная роль которого наиболее активно подчеркивается представителями неомарксизма⁶, является зависимость, обусловленность динамики и самого существования периферии динамикой и интересами господствующего над ней центра. В свете этой парадигмы положение периферии оказывается не данностью, но результатом самих центр-периферийных отношений, имеющих неэквивалентный, эксплуататорский характер и тормозящих развитие одной из сторон (Wallerstein, 1997; Chilcote, 2019).

В современных центр-периферийных исследованиях либеральный и неомарксистский подходы редко прямо противопоставляются друг другу и все чаще соединяются в той или иной комбинации. В основе такой тенденции лежат обнаруженные за десятилетия этих исследований огромное разнообразие периферий и вариативность факторов и путей их возникновения и развития (Kaps & Komlosy, 2013). Сегодня представляется уже достаточно очевидным, что и отсталость как выражение внутренних параметров социально-географического объекта, сравнительной величины его общественного потенциала и зависимость как характеристика позиции этого объекта в структуре внешних отношений, направления и силы его связей с другими социально-географическими объектами – это равно и взаимно необходимые

⁵ Традиции этой парадигмы в центр-периферийных исследованиях продолжают представители транснационализма, неофункционализма, неоклассической и институциональной экономической науки.

⁶ К марксистской парадигме тяготеют теория зависимости, мир-системный анализ, историческая макросоциология и различные течения радикальной политической экономии.

составляющие феномена «периферии»; поэтому крайне важно, чтобы они обе были отражены в любом определении общего понятия «периферия», а также в определениях его типологических разновидностей.

Следует отметить, что и отсталость, и зависимость как основные, сущностные признаки всякой периферии сами по себе не определяют количество центров, в сравнении с которыми может быть отсталой или в отношении с которыми может быть зависимой данная периферия. Теоретически, в число таких центров могут входить все социально-географические объекты (страны, регионы, поселения), чей общественный (социально-экономический) потенциал по какому-либо параметру превосходит потенциал данного объекта. Отсюда вытекает вероятность существования типов периферий с одним, двумя, тремя и более центрами. Общим условием наличия у периферии не одного, а двух (или более) центров является сопоставимость последних по интенсивности связей с периферийной территорией.

Сказанное выше позволяет сформулировать предварительное, рабочее определение понятия «двойная периферия». В соответствии с ним «двойная периферия» – это социально-географический объект, в существенной мере отстающий по величине своего общественного потенциала от двух (или более) других социально-экономических объектов и на этой основе связанный с ними устойчивыми и значимыми в масштабе его потенциала отношениями зависимости.

Эмпирические показатели «периферийности»

Исследователи, изучающие различные «двойные периферии», нечасто обращаются для их идентификации к каким-либо точным, количественным показателям (Зотова, Себенцов & Головина, 2015). Если же подобные показатели используются, то их набор обычно не опирается на ясно выраженное определение «двойной периферии», а значит по существу является произвольным. Отчасти это положение обусловлено общим состоянием современных исследований центров и периферий, где на базе многих концепций и подходов сложился целый спектр методик выявления изучаемых ими объектов. В совокупности эти методики предлагают на выбор десятки эмпирических индикаторов периферийности и центральности (Анохин & Кузин, 2019; Преображенский, 2016).

Вместе с тем обилие приводимых количественных показателей как таковое не сообщает идентификации двойной периферии достаточной обоснованности. Обоснованность обеспечивается способностью показателей выражать сущностные признаки изучаемого явления, поэтому так важно установить логическую связь между применяемыми эмпирическими показателями и содержанием понятия «двойная периферия».

Учитывая, что в представленном выше определении были выделены две основных характеристики «двойной периферии», – отсталость, с точки зрения сравнительной величины общественного потенциала, и зависимость,

с точки зрения относительной интенсивности взаимодействия с центрами, – конкретизирующие это понятие показатели также требуется разделить на две соответствующие группы.

Оценка меры отсталости региона может осуществляться множеством способов. Главной проблемой при этом является достижение полноты и точности эмпирического описания его общественного потенциала, т.е. совокупности всех типов ресурсов, вовлеченных в текущее функционирование и воспроизводство региональной системы. Иными словами, оценка отсталости региона требует использования интегрального по охвату показателя, величина которого отвечала бы критериям однозначности и сопоставимости.

Названным требованиям наиболее близко соответствует показатель величины валового продукта. Несмотря на ряд свойственных ему недостатков, из-за отсутствия столь же доступных и удобных альтернатив, ВРП (ВВП) остается самым распространенным средством сравнения уровней общественных потенциалов регионов и стран (Кузнецова & Кузнецов, 2016).

Для оценки сравнительного уровня развития стран и регионов особенно широко используется величина душевого валового продукта (Зотова, Себенцов & Головина, 2015; Barbero & Rodríguez-Crespo, 2022). Вместе с тем его пригодность для масштабных географических сопоставлений, в особенности применительно к России с ее резкими межрегиональными перепадами в плотности населения, сомнительна. В результате обращения к этому показателю существенно повышается «центральность» многих ресурсодобывающих регионов позднего освоения⁷, а их малонаселенность, по сути, становится важным социально-экономическим преимуществом (Чернова, 2013: 129). Кроме того, следует учитывать, что численность населения – это относительно изменчивая, эндогенная переменная, колебание значений которой тесно увязано с динамикой самого валового продукта.

Более приемлемой базой для определения сравнительного уровня потенциалов регионов может служить величина их площади. Показатели площади, как правило, достаточно устойчивы и экзогенны по отношению к общественной деятельности. Вычисляемые на их основе значения экономической плотности (ВРП на км²) обычно хорошо согласуются с исторической последовательностью освоения разных территорий.

Оценки периферийности, получаемые с помощью удельных показателей валового продукта, носят крайне общий, огрубленный характер, поэтому их приходится дополнять и уточнять посредством структурных индикаторов развития (Котляков, Швецов & Глезер, 2020: 157–164). Зачастую для этой цели применяют те или иные показатели отраслевой структуры экономики регионов. Вместе с тем такие показатели скорее подходят для детального анализа типологического разнообразия периферий и центров, нежели для собственно их выявления, сравнения и первичной дифференциации – этой задаче лучше

⁷ Следует отметить, что по душевому ВРП РДВ в 1990 и в 2020 гг. превосходил среднероссийские показатели.

отвечают показатели укрупненной факторной структуры общественного потенциала, фиксирующие ту роль, которую выполняют в его формировании природные ресурсы, население, капитал и технологии. Величины указанных факторов также могут быть взвешены относительно площади изучаемых территорий.

Оценки общественного потенциала позволяют, строго говоря, выявить только возможность периферийности региона, обусловленную его относительной отсталостью. Для того чтобы констатировать реализацию этой возможности, необходимо обнаружить зависимость, связывающую предполагаемую периферию с некоторым центром (центрами). Решение этой задачи требует использования различных показателей центр-периферийных отношений (Гусев, 2011).

Материальные потоки, соединяющие периферию и центр, можно охарактеризовать с точки зрения их абсолютного и относительного объема (физического и стоимостного), географической и внутренней (содержательной) структуры, темпов роста и т.д. По своему составу и форме центр-периферийные отношения, включающие спектр товарных, инвестиционных, миграционных, информационных и иных потоков, чрезвычайно вариативны. Тем не менее ключевое значение для идентификации периферийного положения территории имеют два показателя. Первым из них является отношение (удельный вес) объема потока (ввоза, вывоза или оборота) определенного типа ресурсов к величине общественного потенциала региона (ВРП). Этот показатель выражает общую меру зависимости развития данного региона от динамики его внешних контрагентов. Вторым показателем служит доля каждого из этих контрагентов в совокупном объеме потока ресурсов изучаемого типа. Сравнение значений данного показателя может быть основанием для определения количества «центров», с которыми выделенная периферия связана отношениями зависимости.

Интра- и трансграничная периферийность РДВ в долгосрочной перспективе (1990–2020 гг.)

Формирование периферийного положения региона, установление отношений его зависимости от внешних центров – это, как правило, исторически длительные процессы. Периферийность РДВ уходит корнями в почти четырехвековую историю его заселения и освоения. Тем не менее предметом интереса настоящего исследования является прежде всего постсоветский период, когда в результате радикального пересмотра государственной региональной и пограничной политики на рубеже 1980–1990-х гг. дальневосточный макрорегион вновь стал активным участником социально-экономического взаимодействия не только национального, но и международного уровня (Трейвиш & Литвиненко, 2014: 54).

Для общей характеристики последствий «открытия границ» РДВ сравним уровни развития общественных потенциалов (выраженные в показателях экономической плотности) макрорегиона, России и трех стран СВА (Китай,

Республика Корея (РК) и Япония⁸) в 1990 и 2020 гг. Как следует из значений в Таблице 1, отставание РДВ от России и международных контрагентов, имевшее место уже в 1990 г., к 2020 г. только усилилось⁹. Наиболее стремительно с 1990 по 2020 гг. увеличивалась дистанция в уровнях развития между РДВ и Китаем. В итоге на 2020 г. величина отставания РДВ по плотности валового продукта от среднероссийского уровня составила 7,6 раз, а от стран СВА-3 – от 130 до 1 406 раз.

Таблица 1. Показатели общественного потенциала РДВ, России, Китая, РК и Японии в 1990 и 2020 гг.¹⁰

Table 1. Indicators of the social potential of the Russian Far East, Russia, China, the Republic of Korea and Japan in 1990 and 2020

Показатели	1990					2020				
	РДВ	Россия	Китай	РК	Япония	РДВ	Россия	Китай	РК	Япония
Плотность ВРП (ВВП), тыс. долл. на км ²	5,74*	31,53	38,28	2937,67	8592,48	11,94	90,88	1558,42	16795,49	13827,46
Плотность населения, чел. на км ²	1,3	9,03	120,45	444,43	338,67	0,99	8,8	149,72	531,54	346,39
Плотность инвестиций в основной капитал, тыс. долл. на км ²	5,29	9,05	9,18	1096,72	3054,5	3,07	19,58	662,11	5225,61	3507,2
Плотность внутренних затрат на НИР, тыс. долл. на км ²	0,02	0,6	0,29	58,79	228,73	0,04	1	37,42	808,7	452,85

Примечание: * – данные за 1992 г.

Прояснить внутренний механизм в целом усилившегося за 1990–2020 гг. отставания РДВ в уровне общественного развития и от России, и от азиатских соседей позволяет сравнение показателей плотности таких факторов этого развития, как человеческие ресурсы, инвестиции и технологии (см. Таблицу 1). Из них приоритетное внимание исследователей РДВ, как правило, привлекает демографический фактор. Действительно, с 1990 по 2020 гг. плотность населения в макрорегионе сократилась на треть – с 1,3 до 0,99 чел. на км². Де-

⁸ В экономической литературе, посвященной проблемам РДВ, Китай, Республика Корея и Япония часто фигурируют под общим наименованием «большой тройки СВА» или «СВА-3». Тем самым подчеркивается, с одной стороны, ведущее положение этих трех стран в экономической жизни СВА в целом, а с другой, устойчиво принадлежащая им роль главных внешнеторговых контрагентов РДВ. См., например, Минакир, 2022.

⁹ Исключением из этой тенденции стала Япония.

¹⁰ Источник: составлено автором по данным Регионы России. Социально-экономические показатели (2021) М.; ЕМИСС (n.d.) Инвестиции в основной капитал по источникам финансирования. Available at: <https://www.fedstat.ru/indicator/33644> (дата обращения: 20.09.2024); The World Bank (n.d.) Available at: <https://data.worldbank.org/indicator> (accessed 20 September 2024); OECD Data (n.d.) Gross domestic spending on R&D. Available at: <https://data.oecd.org/rd/gross-domestic-spending-on-r-d.htm> (accessed 20 September 2024); Гордиенко Д.В., Лузянин С.Г. (2014) *Оценка уровня экономической безопасности приграничных дальневосточных регионов Российской Федерации. Сводный аналитический доклад*. М.: ИДВ РАН; Минакир, 2006.

мографический спад в общенациональном масштабе был не столь глубоким, в результате чего разница между среднероссийской плотностью населения и дальневосточной увеличилась. Еще более заметно в изучаемый период возрос демографический градиент между РДВ и СВА-3: к 2020 г. Китай, Япония и РК превосходили макрорегион по плотности населения в диапазоне от 151 до 537 раз.

Очевидно, что снижающаяся плотность населения является ограничителем социально-экономического развития РДВ и важным фактором его прогрессирующей периферийности, однако более весомым фактором «периферизации» РДВ в 1990–2020 гг. был недостаток капитальных вложений. Плотность инвестиций в основной капитал макрорегиона с 1990 по 2020 гг. уменьшилась более чем на 40%. В итоге, к 2020 г. разрыв по этому показателю между РДВ и другими объектами сравнения увеличился особенно ощутимо: с Японией – в 2 раза, с Россией – в 3,7 раза, с РК – в 8,2 раза, с Китаем – в 124,3 раза. В 2020 г. по плотности инвестиций в основной капитал РДВ уступал России в 6,4 раза, Китаю – в 215,7 раза, Японии – в 1 142,4 раза, а РК – в 1 702,1 раза.

На фоне других факторов общественного потенциала, динамика состояния технологической базы макрорегиона выглядит более позитивной. Плотность затрат на НИР на РДВ с 1990 по 2020 гг. удвоилась, что, в частности позволило несколько сократить отставание макрорегиона по данному показателю от России и Японии. Тем не менее в абсолютных величинах роль научных исследований и разработок в производственном и, в конечном счете, общественном потенциале РДВ остается ничтожной. Масштабы отставания РДВ по плотности затрат на НИР от России (в 25 раз), Китая (в 935,5 раз), Японии (в 1 1321,2 раз) и РК (в 20 217,5 раз) по-прежнему огромны.

Оценки общественного потенциала и его основных факторов указывают на усиливавшееся (в демографической и инвестиционной области) или непреодоленное (в технологической сфере) в постсоветский период отставание дальневосточного макрорегиона относительно России и в особенности стран «большой тройки» СВА. Вместе с тем они не раскрывают характера социально-экономических отношений, сложившихся в этот период между РДВ, другими макрорегионами России и азиатскими соседями.

Наиболее содержательной формой этих отношений, оказывавшей самое мощное воздействие на развитие РДВ, на протяжении всего рассматриваемого периода была торговля. В этой связи особое значение для определения модели периферийности РДВ имеет анализ географической структуры дальневосточной торговли и прежде всего соотношения международного и межрегионального компонентов вывоза макрорегиона. Как показывает Таблица 2, доля экспорта в ВРП РДВ, в 1990 г. составлявшая около 6% (Минакир, 2006: 446), в последующие годы устойчиво росла, во втором десятилетии XXI в. достигнув трети величины макрорегионального продукта (32%). При этом большая часть дальневосточного экспорта (около четверти ВРП в 2011–2020 гг.) приходилась на страны СВА-3.

**Таблица 2. Динамика средней доли экспорта в ВРП РДВ
в 1996–2020 гг., по пятилетиям, %¹¹**

*Table 2. Dynamics of the average share of exports
in the GRP of the RFE in 1996–2020, by five years, %*

Годы	1996–2000	2001–2005	2006–2010	2011–2015	2016–2020
Общий экспорт РДВ	21,6	22,9	23,7	32	32
Экспорт РДВ в СВА-3	13,5	17,3	17,7	25,5	24,1

В связи с отсутствием систематической официальной статистики межрегионального вывоза, описать его динамику можно только на основе расчетов исследователей, использовавших различные данные и методы. По мнению дальневосточных экономистов, вывоз РДВ в другие регионы страны, в 1990 г. равный 75% его валового продукта, к середине 1990-х гг. уменьшился до 6%, а к 2000 г. до 4,3% ВРП (Минакир, 2006: 446). На 2009 г., по некоторым оценкам, по-видимому, все же заниженным, объем межрегионального вывоза РДВ определялся в 0,45% его ВРП (Гусев, 2011: 53). В 2010-е гг. под влиянием роста международной напряженности и усилий правительства по реинтеграции РДВ в национальную экономику доля межрегиональной торговли начинает возрастать. Так, по расчетам, выполненным на 2014 г., объем вывоза РДВ в другие регионы России оценивался примерно в 14,9% его валового продукта (Минакир, Исаев, Демьяненко & Прокапало, 2020: 82)¹².

Таким образом, даже учитывая приблизительность и недостаточную сопоставимость приводимых оценок, можно констатировать, что на протяжении подавляющей части постсоветского периода в структуре дальневосточного вывоза его международная составляющая (две трети которой формировал экспорт в СВА-3) как минимум двукратно преобладала над межрегиональной.

Следует отметить, что вплоть до конца 2000-х гг. совокупная доля международного и межрегионального вывоза РДВ в его ВРП (в 1990 г. превышавшая 80%) снижалась. Тем не менее эта тенденция к вынужденной «автаркии» оказалась неустойчивой и неспособной обеспечить подлинную самодостаточность дальневосточного макрорегиона. По мере выхода из трансформационного кризиса и оживления экономики РДВ ее зависимость от вывоза узкой номенклатуры топливно-сырьевой продукции вновь обнаружила свой фундаментальный характер (Изотов, 2020: 130–135). В результате, расширив географию своих поставок и перераспределив основную их долю в направлении СВА-3, РДВ сохранил положение периферии, около половины производства которой обслуживает ресурсные потребности внешних для нее рынков.

¹¹ Источник: составлено автором по данным *Дальневосточное таможенное управление* (n.d.) Годовая динамика субъектов ДФО. Available at: <https://dvtu.customs.gov.ru/folder/235861> (дата обращения: 20.09.2024); *ERINA* (n.d.) Economic Statistics for the Countries of Northeast Asia. Available at: https://www.erina.or.jp/en/data/asia/economic_statistics/ (accessed 20 September 2024); Внешнеэкономическое сотрудничество Дальневосточного федерального округа: Атлас. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2006. С. 14–15.

¹² Авторами использовался близкий к ВРП показатель «валовой стоимости продукции и услуг».

Сходные с торговлей процессы можно было наблюдать в сфере инвестиционных связей РДВ. На рубеже 1980–1990-х гг. доминирующим источником вложений в хронически капиталододефицитный макрорегион оставался государственный бюджет. Объемы иностранных инвестиций в РДВ в этот период были незначительны. В начале 1990-х гг. наметилось увеличение потока иностранных инвестиций, и уже в 2001–2010 гг.¹³ их средняя доля в ВРП РДВ стала сопоставима с суммарной долей инвестиций в макрорегион из федерального бюджета и собственных средств предприятий (см. Таблицу 3).

Таблица 3. Динамика средней доли инвестиций из разных источников в ВРП РДВ в 1996–2020 гг., по пятилетиям, %¹⁴
Table 3. Dynamics of the average share of investments from different sources in the GRP of the Russian Far East in 1996–2020, by five years, %

Годы	1996–2000	2001–2005	2006–2010	2011–2015	2016–2020
Инвестиции из федерального бюджета	2	2,1	4,5	5	1,7
Инвестиций из собственных средств предприятий	8,8	9,6	10,3	10,5	11,2
Иностранные инвестиции	5	14,1	14	н.д.	н.д.
в т.ч. прямые иностранные инвестиции	3,6	9,5	6,1	5,4	6,9

В 1990-е гг. ведущими донорами такой важнейшей разновидности иностранного капитала как прямые иностранные инвестиции (ПИИ) на РДВ выступали США и Япония. Позднее, по мере все более частого применения офшорных схем, круг государств-доноров расширился, однако и в 2010-е гг. основными источниками офшорных ПИИ на РДВ по-прежнему оставались США и Япония, к которым (вероятно) примыкал Китай (Изотов, 2020: 173).

Напротив, роль вложений из федерального бюджета в развитии РДВ в постсоветский период существенно снизилась. Со второй половины 1990-х гг. их средняя доля в ВРП РДВ стабильно уступала не только общей доле иностранного капитала, но и доле ПИИ.

Характерным трендом в динамике инвестиций на РДВ в 1990–2020 гг. являлся неуклонный рост доли собственных средств предприятий, которые концу изучаемого периода стали ведущим источником инвестиций в основной капитал РДВ. Этот рост был еще одним проявлением вынужденной «автаркии». По сути, он компенсировал дефицит капиталовложений, поступавших

¹³ За последующие годы данные отсутствуют.

¹⁴ Источник: составлено автором по данным ЕМИСС (n.d.) Инвестиции в основной капитал по источникам финансирования. Available at: <https://www.fedstat.ru/indicator/33644> (дата обращения: 20.09.2024); Регионы России. Социально-экономические показатели [Regions of Russia. Socio-economic indicators]. М., 1999, 2002, 2005; Банк России (n.d.) Прямые инвестиции в Российскую Федерацию: операции по субъектам, в которых зарегистрированы резиденты. Available at: https://cbr.ru/vfs/statistics/credit_statistics/direct_investment/dir_inv_reg-in.xlsx (дата обращения: 20.09.2024).

в макрорегион извне, и прежде всего федеральных инвестиций, поток которых, увеличившийся в условиях инициированного Москвой в 2006 г. «поворота на Восток», во второй половине 2010-х гг. с переходом к т.н. селективной политике практически иссяк (Киреев, Золотухин & Левушкина, 2020: 70–71). Вместе с тем дальневосточные предприятия объективно не в состоянии решить проблему дефицита капитала на РДВ, восполнить который могут только совместные действия федерального центра и иностранных инвесторов.

Наряду с диверсификацией торговых и инвестиционных отношений РДВ, результатом либерализации пограничной политики стало изменение пространственной конфигурации его миграционных связей. В частности, это проявилось в миграциях с целью смены постоянного места жительства. Известно, что с 1989 г. миграционное сальдо РДВ является отрицательным. Массовый отток населения с РДВ, как правило, изучается в ракурсе межрегиональных отношений, однако в 1990–2020 гг. постоянной составляющей этого оттока была и международная миграция.

Хотя доля уезжавших за границу среди выбывающих с РДВ в постсоветский период была в целом весьма мала, в 1990-е, а затем в 2010-е гг. имел место ее относительный рост (см. Таблицу 4). При этом если в 1990-е гг. основными направлениями эмиграции дальневосточников являлись такие страны, как Израиль, Германия и США, то в 2010-е гг. они стали чаще выбирать для переезда восточноазиатские государства¹⁵.

Таблица 4. Динамика средней доли выбывших по разным направлениям в населении РДВ в 1996–2020 гг., по пятилетиям, %¹⁶
Table 4. Dynamics of the average share of those who left in different directions in the population of the Russian Far East in 1996–2020, by five years, %

Годы	1996–2000	2001–2005	2006–2010	2011–2015	2016–2020
Выбывшие в другие регионы России	1,7	1,1	1	1,8	1,8
Выбывшие за пределы России	0,3	0,07	0,04	0,2	0,5

Доля выезжающих из РДВ на постоянное место жительства в СВА-3 пока слишком мала для того, чтобы рассматривать эти страны в качестве центра миграции, сопоставимого с Европейской Россией. Вместе с тем важно отметить, что, несмотря на сдерживающее воздействие культурно-языковых и политических факторов, география миграционных отношений РДВ постепенно эволюционирует в том же направлении, в котором уже изменилась пространственная структура его экономических связей.

¹⁵ ЕМИСС (n.d.) Число выбывших. Available at: <https://www.fedstat.ru/indicator/43513> (дата обращения: 20.09.2024).

¹⁶ Источник: составлено автором по данным ЕМИСС (n.d.) Число выбывших. Available at: <https://www.fedstat.ru/indicator/43513> (дата обращения: 20.09.2024).

С этой точки зрения еще более показательна динамика такой разновидности миграционных потоков, как туристические. Данные систематической статистики этой динамики доступны лишь с середины 2000-х гг. Из Таблицы 5 следует, что в 2006–2020 гг. наиболее существенную долю в населении РДВ составляла категория туристов, отправлявшихся в зарубежные туры. В разные пятилетия их доля превосходила по величине долю туристов, отправлявшихся в туры по России, от 3,4 до 14,7 раз. Примечательно также, что среди отправлявшихся с РДВ за рубеж туристов стабильно преобладали выезжавшие в Китай. Преобладание китайского направления в дальневосточном выездном туризме остается неоспоримым даже с учетом существования такого явления как «псевдтуризм», основную часть которого формируют поездки лиц, занятых в «челночной торговле»¹⁷.

В последние годы снижение курса рубля, а затем и антиковидная барьеризация границ привели к заметному ослаблению потока международных туристов из макрорегиона. Тем не менее эти ситуативные факторы едва ли способны стать причиной тому, чтобы азиатские страны и прежде всего Китай сошли с уже прочно занятого ими места главного центра притяжения для туристов РДВ.

Таблица 5. Динамика средней доли туристов, отправленных в туры по разным направлениям, в населении РДВ в 2006–2020 гг., по пятилетиям, %¹⁸

Table 5. Dynamics of the average share of tourists sent on tours in different directions in the population of the Russian Far East in 2006–2020, by five years, %

Годы	2006–2010	2011–2015	2016–2020
Туристы, отправленные в туры по России	0,8	0,8	0,7
Туристы, отправленные в зарубежные туры	11,8	8,2	2,4
в т.ч. отправленные в туры по Китаю	10,8	4,4	1,3

Таким образом, при всей автономности своей динамики миграционные отношения РДВ так же, как и его торговые и инвестиционные связи, испытали на себе определенное гравитационное воздействие стран СВА-3. Социальные эффекты (уровень доходов и потребления, плотность социальной инфраструктуры) высокого экономического развития Японии, РК, а с конца 2000-х гг. во все большей степени и Китая, в постсоветский период сделали эти страны одним из самых привлекательных направлений безвозвратной и туристической миграции дальневосточников.

¹⁷ До середины 2000-х гг. «челноки» могли составлять, по разным оценкам, от 30 до 70% турпотока, направлявшегося с РДВ в Китай, однако с конца 2000-х гг., в т.ч. ввиду ужесточения российской пограничной политики, их доля в этом потоке существенно снизилась. См. Ларин, 2011: 94, 105.

¹⁸ Источник: составлено автором по данным: ЕМИСС (n.d.) Число отправленных в туры российских туристов. Available at: <https://www.fedstat.ru/indicator/31591> (дата обращения: 20.09.2024).

Заключение

К концу советской эпохи дальневосточный макрорегион очевидным образом представлял собой периферийную часть страны, которая по многим социально-экономическим показателям отставала не только от Европейской России, но и от Сибири, а также в критической степени зависела от стабильных отношений с ними. Вместе с тем в долгосрочном масштабе, благодаря целенаправленной перераспределительной политике государства, мера отставания Дальнего Востока от макрорегионов к западу от него постепенно сокращалась.

На рубеже 1980–1990-х гг. государство взяло курс на интеграцию РДВ в АТР. Этот курс, проводившийся в целях ускорения развития макрорегиона, в последующие десятилетия кардинально изменил положение РДВ, но далеко не так, как это планировалось его инициаторами.

Прежде всего, отставание РДВ по уровню комплексного развития от России и ключевых соседей по АТР (Китая, РК, Японии) за три постсоветских десятилетия не уменьшилось, но увеличилось. С 1990 по 2020 гг. величина разрыва между ними в значениях показателей плотности ВРП, населения и инвестиций существенно возросла.

Впрочем, самые важные изменения произошли в структуре отношений дальневосточного макрорегиона. В постсоветский период в вывозе продукции РДВ так же, как и во ввозе в макрорегион капитала на первое место вышли трансграничные потоки. Одновременно и в торговле, и в инвестициях усилилась роль сырьевого сектора. Так, в конце третьего десятилетия в экспорте РДВ резко преобладали углеводороды, металлы, лес и рыба, а большая часть иностранных инвестиций направлялась на их добычу и транспортировку. К 2020 г. в дальневосточном экспорте превалировали рынки СВА-3, а среди источников иностранного капитала СВА-3 делили доминирующую позицию с США и ЕС.

В миграционных отношениях историческим результатом постсоветского периода явилось превращение РДВ из центра переселенческой миграции в зону депопуляции. Хотя отток жителей РДВ имел преимущественно межрегиональный характер, в 1990–2020 гг. в нем усилился и международный компонент, в котором лидирует доля СВА. Масштабной реструктуризации в 1990–2020 гг. подверглись и туристические связи РДВ. Если в начале данного периода в их структуре доминировал внутренний туризм, то к его окончанию главным направлением туристических поездок дальневосточников стали страны зарубежной Азии, ведущее место среди которых со второй половины 2000-х гг. занял Китай.

Таким образом, к настоящему времени в торговых и туристических связях двойная периферийность дальневосточного макрорегиона (в отношении СВА-3 и России) в целом является свершившимся фактом. В сферах же

инвестиций и долгосрочной миграции при существующих тенденциях СВА-3 может стать для РДВ сопоставимым с Россией по силе зависимости центром в среднесрочном будущем.

Необходимо еще раз подчеркнуть: двойная периферийность как таковая – это не синоним маргинальности и депрессивности. В конечном счете важно не количество центров, а то, обладает ли периферия возможностями для развития, что, в свою очередь, определяется характером ее отношений с этими центрами. Ключевая проблема РДВ состоит в том, что в 1990–2010-х гг. оба центра отводили ему, по сути, одну и ту же роль – поставщика узкого набора продуктов низкого передела. Предельно упрощенная структура центр-периферийных отношений воспроизводила соответствующую ей внутреннюю социально-экономическую структуру макрорегиона, которая не оставляла места не только для его качественного развития, но и для достаточно быстрого количественного роста.

Актуальное состояние РДВ не дает оснований рассчитывать на скорое достижение им самодостаточности. Тем не менее сценарий периферии развивающегося, а не стагнирующего типа для РДВ по-прежнему возможен. Его вероятность будет обусловлена, прежде всего, действиями российского центра дальневосточной периферии в лице федеральной власти.

Переход РДВ к новой, более перспективной модели периферийности возможен при условии, что федеральная политика в макрорегионе будет нацелена на выполнение следующих основных задач:

1) Географическая диверсификация внешних отношений РДВ. Макрорегиону необходимо преодолеть чрезмерную сфокусированность на СВА-3 и особенно все более доминирующем в «большой тройке» Китае, усиливая связи с другими странами Азии (включая ЮВА¹⁹ и Индию), уровни развития которых более сопоставимы с ним;

2) Балансирование внутренней (товарной, отраслевой, секторальной) структуры отношений РДВ с внешним миром. Место РДВ в межрегиональных и международных отношениях не должно определяться динамикой спроса на четыре-пять типов сырьевых продуктов²⁰. Расширение состава предложения дальневосточных товаров и услуг является условием и географической диверсификации контрагентов РДВ, и большей уравновешенности, симметричности (в категориях добавленной стоимости) отношений с ними;

3) Содействие формированию устойчивых центр-периферийных отношений внутри макрорегиона. Без повышения внутренней интегрированности РДВ за счет агломерирования локальных узлов и «точек роста» вокруг ряда региональных центров, выполняющих роль порталов и регуляторов

¹⁹ С точки зрения долгосрочных тенденций, наиболее перспективно развитие торговых, инвестиционных и миграционных связей с такими странами ЮВА как Таиланд, Малайзия, Индонезия, Сингапур и Вьетнам. См. Байков & Гневашева, 2020.

²⁰ В настоящее время это нефть и нефтепродукты, газы нефтяные, рыба и морепродукты, древесина.

в отношениях с внешним миром (Владивосток, Хабаровск, Благовещенск, Южно-Сахалинск), его превращение в самостоятельного субъекта развития и международной кооперации невозможно.

Следует подчеркнуть, что названные и иные задачи социально-экономической политики в макрорегионе могут быть успешно реализованы только при условии существенной корректировки самого порядка управления РДВ. Сегодня уже вполне очевидно, что прежняя стратегия «поворота на Восток» (в том виде, в каком она осуществлялась в ДФО) исчерпала себя (Савченко & Зуенко, 2020: 121; Киреев, 2019: 166–169). «Селективный» подход, являвшийся базовым для этой стратегии с начала 2010-х гг., был направлен на создание в макрорегионе с помощью институтов развития архипелага полюсов роста. Последовательно развернутый впервые в Госпрограмме 2014 г.²¹ (появившейся в условиях резкого сокращения возможностей бюджетных вложений в макрорегион) селективный подход к РДВ оставался основой и всех касавшихся его последующих плановых документов, включая Стратегию пространственного развития РФ 2019 г.²² и Национальную программу социально-экономического развития Дальнего Востока 2020 г.²³ Подобная политика точечного стимулирования в конечном итоге была призвана решить задачу межрегионального «выравнивания», а точнее приближения дальневосточной периферии к социально-экономическим показателям европейского центра страны. Тем не менее селективный подход, предполагающий приоритет рыночных механизмов развития и рассчитанный на интенсивный приток частных, в особенности иностранных инвестиций, так и не смог обеспечить макрорегиону опережающие темпы роста ВРП. Как представляется, это было обусловлено переоценкой готовности иностранных инвесторов (в т.ч. из «дружественных» стран) вкладывать капиталы в «точки роста» РДВ, для экономики которого характерны такие специфические ограничения как разреженность социально-экономического пространства, повышенный уровень производственных и транспортных издержек, узость внутреннего рынка.

Глобальный политический кризис 2022 г., заблокировавший трансграничный потенциал западного порубежья России, кардинально меняет геоэкономический и геополитический статус РДВ. Став на длительную перспективу, по сути, главным окном России в мир, Дальний Восток требует иного подхода к своему развитию. На смену селективной политике локальных преференций должна прийти политика «площадного» планового переосвоения,

²¹ Правительство России (2014) Государственная программа РФ «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона». Available at: <http://government.ru/media/files/RoWSHHM7NUM.pdf> (дата обращения: 20.09.2024).

²² Министерство экономического развития Российской Федерации (2019) Стратегия пространственного развития РФ на период до 2025 года. Available at: https://www.economy.gov.ru/material/dokumenty/raspozgazhenie_ot_13_fevralya_2019_g_207_r.html (дата обращения: 20.09.2024).

²³ Правительство России (2020) Национальная программа социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 года и на перспективу до 2035 года. Available at: <http://static.government.ru/media/files/NAISPJ8QMRZUPd9LIMWJoeVhn16eGqD.pdf> (дата обращения: 20.09.2024).

комплексной реиндустриализации макрорегиона. Долгосрочным ориентиром для этого курса, основанного на едином для всего ДФО (но территориально дифференцированном) административно-правовом режиме, должна быть не просто модель развивающейся, догоняющей центр периферии, но появление на тихоокеанском побережье России (прежде всего, на юге РДВ) второго, восточного ядра страны. Ключевым критерием возникновения этого ядра будет формирование у него собственной социально-экономической периферии²⁴, по отношению к которой данное ядро способно быть источником ускорения развития. Важной проблемой в этой связи является обоснованный выбор отраслевого профиля, в рамках которого возникающий центр может транслировать модернизационный импульс, агрегируя и перерабатывая сырье и полуфабрикаты своей периферии и взаимовыгодно (в т.ч. для всех сторон центр-периферийных отношений) участвуя в международном разделении труда. По мнению автора, таким профилем может стать морехозяйственная экономика, охватывающая быстрорастущий спектр направлений ресурсного (добыча минеральных и биологических ресурсов вод, шельфа и дна), инфраструктурного (транспорт и расселение) и технологического (морское машиностроение и робототехника) освоения Мирового океана.

Список литературы

1. Анохин А.А., Кузин В.Ю. (2019) Подходы к выделению периферии и периферизация в пространстве современной России. *Известия Русского географического общества* 1(151): 3–16. DOI: 10.31857/S0869-607115113-16.
2. Байков А.А., Гневашева В.А. (2020) Эконометрические оценки «поворота России на Восток»: опыт многофакторного анализа. *Вестник МГИМО-Университета* 6(13): 175–207. DOI: 10.24833/2071-8160-2020-6-75-175-207.
3. Гусев А. (2011) Ослабленная экономическая интеграция регионов России – угроза территориальной целостности страны. *Общество и экономика* 10: 50–66.
4. Зотова М.В., Себенцов А.Б., Головина Е.Д. (2015) Калининградская область в окружении Европейского союза: приграничное сотрудничество и социально-экономические контрасты. *Вестник Забайкальского государственного университета* 3(118): 145–157.
5. Изотов Д.А. (2020) *Экономическая интеграция России со странами АТР: проблемы и перспективы*. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН.
6. Ильин М.В., Барсукова А.В. (2019) Концептуальная карта Европы Стейна Роккана. Развертывание в пространстве и времени. *Международные процессы* 4(59): 6–21. DOI: 10.17994/IT.2019.174.59.1.
7. Киреев А.А. (2019) Структурные стимулы и ограничения политики развития российского Дальнего Востока. *Проблемы национальной стратегии* 4: 156–171.
8. Киреев А.А., Золотухин И.Н., Левушкина А.О. (2020) Макрорегиональная система институтов развития как фактор трансграничных отношений российского Дальнего Востока. *Государственное управление. Электронный вестник* 81: 66–90. DOI: 10.24411/2070-1381-2020-10079.

²⁴ Потенциальной периферией для юга РДВ, помимо северных территорий макрорегиона, являются тяготеющие к Тихому и Ледовитому океанам регионы Восточной и Западной Сибири, такие страны СВА, как Монголия и КНДР, а также ряд стран ЮВА.

9. Котляков В.М., Швецов А.Н., Глезер О.Б. (ред.) (2020) *Вызовы и политика пространственного развития России в XXI веке*. М.: Товарищество научных изданий КМК.
10. Кузнецова О.В., Кузнецов А.В. (2016) *Системная диагностика экономики региона*. М.: URSS.
11. Ларин В.Л. (2011) *Тихоокеанская Россия в контексте внешней политики и международных отношений в АТР в начале XXI в.: избранные статьи и доклады*. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН.
12. Межевич Н.М., Болотов Д.А. (2021) Двойная периферия: феномен российско-белорусского пограничья. *Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития* 1(64): 117–122.
13. Минакир П.А. (2006) *Экономика регионов. Дальний Восток*. М.: ЗАО «Издательство «Экономика».
14. Минакир П.А. (2022) *Исследования проблем международных экономических взаимодействий: глобальные, национальные, региональные аспекты: монография*. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН.
15. Минакир П.А., Исаев А.Г., Демьяненко А.Н., Прокапало О.М. (2020) Экономические макрорегионы: интеграционный феномен или политико-географическая целесообразность? Случай Дальнего Востока. *Пространственная экономика* 1(16): 66–99. DOI: 10.14530/se.2020.1.066–099.
16. Миньяр-Белоручев К.В. (2019) Ядро и периферия системы международных отношений: характер взаимодействия. *Новая и новейшая история* 6: 5–18. DOI: 10.31857/S013038640007606–4.
17. Мкртчян Н.В., Карачурина Л.Б. (2014) Центры и периферия в странах Балтии и регионах Северо-Запада России: динамика населения в 2000–е годы. *Балтийский регион* 2(20): 62–80. DOI: 10.5922/2074-9848-2014-2-4.
18. Преображенский Ю.В. (2016) Подходы к выявлению Центра и Периферии. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Науки о Земле* 4(16): 216–221. DOI: 10.18500/1819-7663-2016-16-4-216-221.
19. Савченко А.Е., Зуенко И.Ю. (2020) Движущие силы российского поворота на Восток. *Сравнительная политика* 11(1): 111–125. DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10009.
20. Смородинская Н.В. (2001) Калининград в условиях объединения Европы: вызов и ответ. *Вопросы экономики* (11): 106–127.
21. Трейвиш А.И., Литвиненко Т.В. (2014) Восточная Россия: уточнение понятия и некоторые особенности современного развития. *Региональные исследования* 3(45): 51–57.
22. Федоров Г.М. (2010) Калининградская дилемма: «коридор развития» или «двойная периферия»? Геополитический фактор развития российского эксклава на Балтике. *Балтийский регион* 2(4): 5–15.
23. Чернова Л.С. (2013) Взаимосвязь типологии субъектов Российской Федерации и методов оценки экономического развития страны. *Проблемы прогнозирования* 2(137): 127–139.
24. Barbero J., Rodríguez-Crespo E. (2022) Technological, institutional, and geographical peripheries: regional development and risk of poverty in the European regions. *Ann. Reg. Sci* 69: 311–332. DOI: 10.1007/s00168-022-01127-9.
25. Börzel T.A., Risse-Kappen T. (eds.) (2016) *The Oxford handbook of Comparative Regionalism*. Oxford: Oxford University Press.
26. Chilcote R. (2019) *Theories of Comparative Politics*. London: Routledge, Taylor & Francis Group.
27. Friedmann J. (1966) *Regional Development Policy: A Case Study of Venezuela*. MIT Press.
28. Gower J. (2000) EU–Russian relations and the eastern enlargement: Integration or isolation? *Perspectives on European Politics and Society* 1(1): 75–93. DOI: 10.1080/1570585008458744.
29. Hägerstrand T. (1967) *Innovation Diffusion as a Spatial Process*. Chicago: University of Chicago Press.

30. Kaps K., Komlosy A. (2013) Centers and Peripheries Revisited: Polycentric Connections or Entangled Hierarchies? *Review (Fernand Braudel Center)* 3–4(36): 237–264.
31. Kuhrt N. (2012) The Russian Far East in Russia's Asia Policy: Dual Integration or Double Periphery? *Europe-Asia Studies* 3(64): 471–493. DOI: 10.1080/09668136.2012.661926.
32. Lang T., Henn S., Sgibnev W., Ehrlich K. (2015) *Understanding Geographies of Polarization and Peripheralization: Perspectives from Central and Eastern Europe and Beyond*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
33. Mikhailova E., Wu C.-T. (2022) Urban Shrinkage in the Double Periphery: Insights from the Sino-Russian Borderland. In: Wu C.-T., Gunko M., Strykiewicz T., Zhou K. (eds.) *Shrinking Cities in China, Russia and East-Central Europe. Post-Socialist Diversity*. P. 115–133.
34. Wallerstein I. (1997) *The capitalist world-economy: essays*. Cambridge: Cambridge University Press; Paris, Editions de la Maison des Sciences de l'Homme.
35. Zverev Y. (2007) Kaliningrad: Problems and paths of development. *Problems of Post-Communism* 2(54): 9–25.

Comparative Politics. Volume 15. No. 4. October–December / 2024
DOI 10.46272/2221-3279-2024-4-15-2

REGION AS A "DOUBLE PERIPHERY" (ON THE EXAMPLE OF THE RUSSIAN FAR EAST)

Dr. Anton A. KIREEV – Associate Professor, Department of Political Science, Far Eastern Federal University.

ORCID: 0000-0003-0274-4030. E-mail: antalkir@yandex.ru
10, Ajax, Russky Island, Vladivostok, Russia, 690922.

Received February 22, 2024

Accepted June 16, 2024

Abstract: The study of "double peripheries" is a new area of center-periphery research, the development of which is currently hampered by several methodological difficulties, including the problems of conceptualization and empirical interpretation of the "double periphery" as a scientific concept. Citing Russian Far East as an example, the article attempts to provide methodologically founded identification of a specific double periphery. Drawing on the results of contemporary center-periphery studies, the paper advances a working definition of a double periphery. This allows for identifying statistical indicators that are necessary to assess whether a socio-geographical object belongs to the peripheries of the named type. After that the author conducts a comparative historical analysis of quantitative data on the societal potential of the Russian Far East in 1990–2020 and the dynamics of its trade, investment and migration ties. The analysis concludes that the macroregion represents a double periphery which has developed in the post-Soviet period in relation to the NEA-3 countries (China, Japan, the Republic of Korea) and Russia. Today it is most clearly manifested in the export of goods and outbound tourism. Finally, the article outlines possible ways to stimulate development of the Far Eastern macroregion under the objective constraints imposed by its peripheral position. The implication to be made is that it is necessary to move from the selective policy of local preferences, which has been carried out since the beginning of the 2010s, to the areal planned development of the Russian Far East based on the introduction of a special administrative regime on the its territory.

Keywords: center-periphery relations, double periphery, regional development, regional policy, border, transborder relations, Russian Far East, Northeast Asia

References:

1. Anokhin A.A., Kuzin V.Yu. (2019) Podkhody k vydeleniyu periferii i periferizatsiya v prostranstve sovremennoy Rossii [Approaches to identifying the periphery and periphery in the space of modern Russia]. *Izvestiya Russkogo geograficheskogo obshchestva [News of the Russian Geographical Society]* 1(151): 3–16. DOI: 10.31857/S0869-607115113-16. (In Russian).
2. Barbero J., Rodríguez-Crespo E. (2022) Technological, institutional, and geographical peripheries: regional development and risk of poverty in the European regions. *Ann. Reg. Sci* 69: 311–332. DOI: 10.1007/s00168-022-01127-9.
3. Baykov A.A., Gnevasheva V.A. (2020) Ekonometricheskiye otsenki «povorota Rossii na Vostok»: opyt mnogofaktornogo analiza [Econometric assessments of "Russia's turn to the East": experience of multifactor analysis]. *Vestnik MGIMO-Universiteta [MGIMO Review of International Relations]* 6(13): 175–207. DOI: 10.24833/2071-8160-2020-6-75-175-207. (In Russian).
4. Börzel T.A., Risse-Kappen T. (eds.) (2016) *The Oxford handbook of Comparative Regionalism*. Oxford: Oxford University Press.
5. Chernova L.S. (2013) Vzaimosvyaz' tipologii sub'yektov Rossiyskoy Federatsii i metodov otsenki ekonomicheskogo razvitiya strany [The relationship between the typology of constituent entities of the Russian Federation and methods for assessing the economic development of the country]. *Problemy prognozirovaniya [Problems of Forecasting]* 2(137): 127–139. (In Russian).
6. Chilcote R. (2019) *Theories of Comparative Politics*. London: Routledge, Taylor & Francis Group.
7. Fedorov G.M. (2010) Kaliningradskaya dilemma: "koridor razvitiya" ili «dvoynaya periferiya»? Geopoliticheskiy faktor razvitiya rossiyskogo eksklava na Baltike [Kaliningrad dilemma: "development corridor" or "double periphery"? Geopolitical factor in the development of the Russian exclave in the Baltic]. *Baltiyskiy region [Baltic Region]* 2(4): 5–15. (In Russian).
8. Friedmann J. (1966) *Regional Development Policy: A Case Study of Venezuela*. MIT Press.
9. Gower J. (2000) EU–Russian relations and the eastern enlargement: Integration or isolation? *Perspectives on European Politics and Society* 1(1): 75–93. DOI 10.1080/1570585008458744.
10. Gusev A. (2011) Oslablennaya ekonomicheskaya integratsiya regionov Rossii – ugroza territorial'noy tselostnosti strany [Weakened economic integration of Russian regions is a threat to the territorial integrity of the country]. *Obshchestvo i ekonomika [Society and Economics]* 10: 50–66. (In Russian).
11. Hägerstrand T. (1967) *Innovation Diffusion as a Spatial Process*. Chicago: University of Chicago Press.
12. Ilyin M.V., Barsukova A.V. (2019) Kontseptual'naya karta Yevropy Steyna Rokkana. Razvertyvaniye v prostranstve i vremeni [Conceptual map of Europe by Stein Rokkan. Deployment in space and time]. *Mezhdunarodnyye protsessy [International Trends]* 4(59): 6–21. DOI: 10.17994/IT.2019.17.4.59.1. (In Russian).
13. Izotov D.A. (2020) *Ekonomicheskaya integratsiya Rossii so stranami ATR: problemy i perspektivy [Economic integration of Russia with the countries of the Asia-Pacific region: problems and prospects]*. Khabarovsk: IEI DVO RAN. (In Russian).
14. Kaps K., Komlosy A. (2013) Centers and Peripheries Revisited: Polycentric Connections or Entangled Hierarchies? *Review (Fernand Braudel Center)* 3–4(36): 237–264.
15. Kireyev A.A. (2019) Strukturnyye stimuly i ogranicheniya politiki razvitiya rossiyskogo Dal'nego Vostoka [Structural incentives and limitations of development policy in the Russian Far East]. *Problemy natsional'noy strategii [National Strategy Issues]* 4: 156–171. (In Russian).

16. Kireyev A.A., Zolotukhin I.N., Levushkina A.O. (2020) Makroregional'naya sistema institutov razvitiya kak faktor transgranichnykh otnosheniy rossiyskogo Dal'nego Vostoka [Macroregional system of development institutions as a factor in cross-border relations in the Russian Far East]. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik [Public administration. Electronic Bulletin]* 81: 66–90. DOI: 10.24411/2070-1381-2020-10079. (In Russian).
17. Kotlyakov V.M., Shvetsov A.N., Glezer O.B. (eds.) (2020) *Vyzovy i politika prostranstvennogo razvitiya Rossii v XXI veke [Challenges and policies of spatial development of Russia in the 21st century]*. M.: Tovarishchestvo nauchnykh izdaniy KMK [Partnership of scientific publications KMK]. (In Russian).
18. Kuhrt N. (2012) The Russian Far East in Russia's Asia Policy: Dual Integration or Double Periphery? *Europe-Asia Studies* 3(64): 471–493. DOI: 10.1080/09668136.2012.661926.
19. Kuznetsova O.V., Kuznetsov A.V. (2016) *Sistemnaya diagnostika ekonomiki regiona [System diagnostics of the regional economy]*. M.: URSS. (In Russian).
20. Lang T., Henn S., Sgibnev W., Ehrlich K. (2015) *Understanding Geographies of Polarization and Peripheralization: Perspectives from Central and Eastern Europe and Beyond*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
21. Larin V.L. (2011) *Tikhookeanskaya Rossiya v kontekste vneshney politiki i mezhdunarodnykh otnosheniy v ATR v nachale XXI v.: izbrannyye stat'i i doklady [Pacific Russia in the context of foreign policy and international relations in the Asia-Pacific region at the beginning of the 21st century: selected articles and reports]*. Vladivostok: IIAE DVO RAN. (In Russian).
22. Mezhevich N.M., Bolotov D.A. (2021) Dvoynaya periferiya: fenomen rossiysko-belorusskogo pogranich'ya [Double periphery: the phenomenon of the Russian-Belarusian borderland]. *Ekonomika Severo-Zapada: problemy i perspektivy razvitiya [Economy of the North-West: problems and development prospects]* 1(64): 117–122. (In Russian).
23. Mikhailova E., Wu C.-T. (2022) Urban Shrinkage in the Double Periphery: Insights from the Sino-Russian Borderland. In: Wu C.-T., Gunko M., Strykiewicz T., Zhou K. (eds.) *Shrinking Cities in China, Russia and East-Central Europe. Post-Socialist Diversity*. P. 115–133.
24. Minakir P.A. (2006) *Ekonomika regionov. Dal'niy Vostok [Regional Economics. Far East]*. M.: ZAO Publishing House «Economy». (In Russian).
25. Minakir P.A. (2022) *Issledovaniya problem mezhdunarodnykh ekonomicheskikh vzaimodeystviy: global'nyye, natsional'nyye, regional'nyye aspekty: monografiya [Research on the problems of international economic interactions: global, national, regional aspects: monograph]*. Khabarovsk: IEI DVO RAN. (In Russian).
26. Minakir P.A., Isayev A.G., Dem'yanenko A.N., Prokapalo O.M. (2020) Ekonomicheskiye makroregiony: integratsionnyy fenomen ili politiko-geograficheskaya tselesoobraznost'? Sluchay Dal'nego Vostoka [Economic macroregions: integration phenomenon or political-geographical expediency? The case of the Far East]. *Prostranstvennaya ekonomika [Spatial Economics]* 1(16): 66–99. DOI: 10.14530/se.2020.1.066-099. (In Russian).
27. Min'yar-Beloruhev K.V. (2019) Yadro i periferiya sistemy mezhdunarodnykh otnosheniy: kharakter vzaimodeystviya [Core and periphery of the system of international relations: the nature of interaction]. *Novaya i noveyshaya istoriya [New and Contemporary History]* 6: 5–18. DOI: 10.31857/S013038640007606-4. (In Russian).
28. Mkrtchyan N.V., Karachurina L.B. (2014) Tsentry i periferiya v stranakh Baltii i regionakh Severo-Zapada Rossii: dinamika naseleniya v 2000-ye gody [Centers and peripheries in the Baltic countries and regions of North-West Russia: population dynamics in the 2000s]. *Baltiyskiy region [Baltic Region]* 2(20): 62–80. DOI: 10.5922/2074-9848-2014-2-4. (In Russian).
29. Preobrazhenskiy YU.V. (2016) Podkhody k vyavleniyu Tsentra i Periferii [Approaches to identifying the Center and Periphery]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Nauki o Zemle [News of Saratov University. New episode. Series: Geosciences]* 4(16): 216–221. DOI: 10.18500/1819-7663-2016-16-4-216-221. (In Russian).

30. Savchenko A.Ye., Zuyenko I.Yu. (2020) Dvizhushchiye sily rossiyskogo povorota na Vostok [Driving forces of the Russian turn to the East]. *Sravnitel'naya politika [Comparative Politics]*11(1): 111–125. DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10009. (In Russian).
31. Smorodinskaya N.V. (2001) Kaliningrad v usloviyakh ob»yedineniya Yevropy: vyzov i otvet [Kaliningrad in the context of European unification: challenge and response]. *Voprosy ekonomiki [Economic Issues]*(11): 106–127. (In Russian).
32. Treyvish A.I., Litvinenko T.V. (2014) Vostochnaya Rossiya: utochneniye ponyatiya i nekotoryye osobennosti sovremennogo razvitiya [Eastern Russia: clarification of the concept and some features of modern development]. *Regional'nyye issledovaniya [Regional Studies]* 3(45): 51–57. (In Russian).
33. Wallerstein I. (1997) *The capitalist world-economy: essays*. Cambridge: Cambridge University Press; Paris, Editions de la Maison des Sciences de l'Homme.
34. Zotova M.V., Sebentsov A.B., Golovina Ye.D. (2015) Kaliningradskaya oblast' v okruzhenii Yevropeyskogo soyuza: prigranichnoye sotrudnichestvo i sotsial'no-ekonomicheskiye kontrasty [Kaliningrad region surrounded by the European Union: cross-border cooperation and socio-economic contrasts]. *Vestnik Zabaykal'skogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Transbaikal State University]*3(118): 145–157. (In Russian).
35. Zverev Y. (2007) Kaliningrad: Problems and paths of development. *Problems of Post-Communism* 2(54): 9–25.

ВЗГЛЯДЫ КИТАЯ И РОССИИ НА ГЛОБАЛИЗАЦИЮ И РЕГИОНАЛИЗАЦИЮ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ЕВРАЗИЙСКУЮ ИНТЕГРАЦИЮ

Вэйцзин ДАЙ
Пекинский университет

Аннотация: Великие державы играют важную роль в глобальных и региональных процессах. На фоне поворота западных стран к деглобализации Китай и Россия сохраняют приверженность ориентирам на экономическую глобализацию и реализуют свои идеи по продвижению евразийской интеграции. Цель данного исследования – сформулировать и сопоставить китайский и российский подходы к глобализации и регионализации и выявить влияние этих подходов на государственную политику двух стран в сфере евразийской интеграции. На основе сравнения официальных позиций и позиций экспертно-политического сообщества двух государств автор приходит к выводу, что, несмотря на некоторые различия в китайском и российском взглядах на глобализацию и регионализацию, у обеих стран общие позиции по двум важным аспектам: глобализация должна нести максимальный набор выгод для всего человечества, региональная интеграция не противоречит глобализации. В этом, по мнению автора, состоит основа сотрудничества Москвы и Пекина в евразийских интеграционных процессах, институтах и проектах – ШОС, ЕАЭС и ОПОП.

Ключевые слова: регионализация, глобализация, евразийская интеграция, Китай, Россия, Евразия

Введение

На сегодняшний день государства, компании и граждане разных стран в той или иной форме тесно связаны друг с другом. Происходит размывание границ между внутренней и внешней политикой государства, региональной и международной сферами. Китай и Россия являются участниками разноформатных процессов глобализации и одновременно членами многих региональных интеграционных объединений, в том числе на пространстве Евразии.

Вэйцзин Дай – кандидат политических наук, ассистент-профессор Школы международных отношений, Пекинский университет.

ORCID: 0009-0000-0840-0015. E-mail: daiweijing@pku.edu.cn
100871, Пекин, Китай, дорога Ихэюань, д. 5.

Поступила в редакцию: 05.06.2024

Принята к публикации: 12.10.2024

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Евразийские интеграционные процессы многочисленны, но не все региональные группы и объединения одинаково эффективны. В наиболее успешных региональных интеграционных объединениях в Евразии заметной является роль Китая и России как локомотивов развития. Более того, две страны выражают намерение по координации своих политик в области региональной интеграции. Однако участие великих держав само по себе не обеспечивает эффективность интеграционных процессов, а сами великие державы не всегда способны достигать договоренностей об интеграционном сотрудничестве: требуются мотивированные, целенаправленные усилия обеих сторон. Таким образом, важный исследовательский вопрос – что является залогом успеха интеграционных проектов Китая и России и необходимым условием их сопряжения? В качестве таких условий исследователи зачастую называют традиционное влияние России в регионе (Ли, 2015), нарастающую экономическую мощь Китая и партнерские отношения двух стран. В данной работе мы детально проанализируем бытующие в Китае и России взгляды на глобализацию и регионализацию, предпримем попытку выявить, каким образом подходы двух стран влияют на евразийскую интеграцию. Выяснение данного вопроса способствует пониманию не только китайской и российской региональных стратегий, но и возможных направлений дальнейшего развития евразийской интеграции.

Диалектика глобализации-регионализации и позиции Китая и России

Глобализацию можно рассматривать в экономическом, культурном (социальном) и политическом измерениях. Экономическая глобализация означает переход от национальных экономик к глобальной экономике, в которой производство и рынок носят международный характер, а финансовые потоки перетекают из страны в страну. Культурная (социальная) глобализация в условиях неограниченного распространения информации делает возможным то, что культурные различия между нациями сглаживаются, а мобильность индивидов и общественных групп увеличивается. Символ политической глобализации – растущее значение международных организаций, таких как Организация Объединенных Наций (ООН), Всемирный банк, Международный валютный фонд (МВФ) и Всемирная торговая организация (ВТО) (Цыганков, 2014).

Глобализация меняет экономические и политические отношения между государствами и другими негосударственными акторами в международной системе. С одной стороны, глобализация открывает новые возможности для международного сотрудничества. С другой – вызывает международную конкуренцию, увеличивает риски из-за более тесной взаимосвязи между участниками: например, сегодня в условиях экономической глобализации степень и охват влияния экономического кризиса гораздо больше, чем сто лет назад. Ни одна страна не может в одиночку даже на национальном уровне справиться с критическими вызовами нашего времени, в том числе и страна со значительным экономическим потенциалом и динамикой роста.

Практически все государства мира, особенно развивающиеся, пытаются найти способы собственной адаптации к глобализации; одни выбирают для этого вступление в ВТО, другие пытаются утвердить некие выгодные им нормы и правила, а третьи – создать региональные (интеграционные) группы.

Сотрудничество государств может реализовываться на двустороннем, субрегиональном, региональном и трансрегиональном уровнях. Среди них региональная интеграция является наиболее распространенной и эффективной формой сотрудничества. Большинство региональных интеграционных объединений были созданы для реализации экономических целей. Региональные торговые соглашения (РТС) – это соглашения о свободной торговле, таможенные союзы, общие рынки в составе двух или больше стран (Goode, 2020: 426). По состоянию на 7 марта 2024 г., в мире насчитывается 365 активных РТС¹. Более развитую форму имеют региональные интеграционные соглашения (РИС) – двусторонние или региональные экономические соглашения, которые могут выходить за рамки РТС. Они, как правило, направлены на экономическую интеграцию на основании гармонизации различных национальных политик или принятия политик, направленных на достижение аналогичных результатов (Goode, 2020: 425).

Со времен мирового экономического кризиса 2008–2009 гг. наблюдается устойчивая тенденция к деглобализации. Если глобализация представляет собой процесс увеличения взаимозависимости между странами, то деглобализация – процесс ослабления такой взаимозависимости (Witt, 2019). Во многих странах предприняты меры протекционизма, ограничение передвижения людей, регулирование потоков капитала и попытки ограничить доступ к информации (James, 2017).

Соотношение глобальных и региональных процессов касается двух моментов: динамики глобализации и регионализации, фактора деглобализации.

Во-первых, существует сложная связь между глобальным и региональным процессами. Мнения об их соотношении разделяются на две группы: противоречивость или совместимость двух процессов. В 1991 г. экономист Дж. Бхагвати задал известный вопрос: являются ли региональные торговые соглашения (РТС) «строительными блоками» или «камнем преткновения» Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ)? По мнению Бхагвати, региональные блоки становятся «камнем преткновения», если они предотвращают или замедляют снижение тарифов, и, наоборот, служат «строительными блоками», когда ускоряют или, по крайней мере, не препятствуют многосторонности (Bhagwati, 2014).

Этот вопрос начал многолетнюю дискуссию о соотношении между глобализацией и регионализацией, на вопросы которой до сих пор отвечают по-разному. Многие считают регионализм «приложением» для про-

¹ WTO (n.d.) Regional Trade Agreements Database. <http://rtais.wto.org/UI/PublicMaintainRTAHome.aspx> (accessed 7 March 2024).

цессов многосторонности (мультилатерализма), потому что участники региональной интеграции могут быстрее извлекать выгоды из регионализма, чем из многостороннего процесса. Другие полагают, что на самом деле многосторонние результаты просто требуют более продолжительного периода времени, чтобы стороны договорились (Goode, 2020: 425–426). Как справедливо указывает П. Катценштайн, глобализация и регионализация являются взаимодополняющими процессами, они происходят одновременно и усиливаются друг от друга, что в конечном итоге приводит к росту напряженности между экономическим регионализмом и экономической многосторонностью (Katzenstein, 1996).

Некоторые подчеркивают противоречивость двух процессов, в особенности негативное влияние регионализации на глобализацию. Региональная интеграция замедляет процессы глобализации, поскольку способствует развитию локализации и фрагментации из-за роста противоречивости глобализации и регионализации (Сопилко, Еремина & Мясникова, 2021). Следует отметить, что такое мнение становится менее распространенным среди ученых. На практическом уровне глобализация и регионализация не являются для государств бинарным выбором в пользу одного за счет другого.

Во-вторых, по мере того, как глобализация соединяет мировое сообщество, она также вызывает такие новые проблемы, как международный терроризм, транснациональная организованная преступность, торговля наркотиками и пр., которые стали «темной стороной глобализации» (Heine & Thakur, 2011; Talani & Rocca, 2019). На фоне деглобализации действительно наблюдается тенденция поворота к регионализму, режимам региональной безопасности и региональным торговым блокам (James, 2017). В данном случае региональные организации в той или иной степени смягчают влияние негативных эффектов глобализации (Langenhove & Scaramagli, 2011).

При рассмотрении деглобализации и поворота к регионализму американский профессор Г. Джеймс заметил, что движущими силами и глобализации, и деглобализации исторически были великие державы. Таким образом, черты обоих процессов неизбежно отражали внутренние политические приоритеты этих государств (James, 2017). В 1990-е гг. американский поворот от многосторонности к регионализму служил важным фактором развития региональных объединений, а президент Д. Трамп выступил против глобализации и многосторонних соглашений. В 2016 г. состоялся референдум о членстве Великобритании в ЕС, на котором победили сторонники Брекзита. США и Великобритания, одни из главных архитекторов мирового порядка после Второй мировой войны, стали, таким образом, и пионерами деглобализации. Это нужно иметь в виду при оценке взглядов и позиций незападных стран на процессы деглобализации.

Китай призывает к общедоступной и инклюзивной экономической глобализации. В видении Пекина это такой тип глобализации, который удовлетворяет общие потребности большинства стран, особенно развивающихся, и надлежащим образом устраняет возникающие в результате глобального

распределения ресурсов дисбалансы как между странами, так и внутри государств. На состоявшемся в Пекине в декабре 2023 г. Центральном рабочем совещании по вопросам иностранных дел было акцентировано: «Важно решительно противостоять деглобализации... решительно содействовать либерализации и упрощению процедур торговли и инвестиций... и продвигать экономическую глобализацию в более открытом, инклюзивном, общедоступном и сбалансированном направлении»². Данный принцип был также закреплен в первом Законе о внешних отношениях КНР³.

Аналогичным образом региональная экономическая интеграция является одним из магистральных направлений китайской внешней политики. Китай не только активно участвует во многих региональных интеграционных процессах, но и сам инициирует ряд новых механизмов регионального сотрудничества.

Россия рассматривает глобализацию иначе, фокусируясь преимущественно на ее негативных аспектах. В Концепции внешней политики РФ 2023 года указано, что «усиливается кризис экономической глобализации... злоупотребление отдельных государств своим доминирующим положением в некоторых сферах усиливает процессы фрагментации мировой экономики ... Россия намерена уделять приоритетное внимание адаптации мировых торговой и валютно-финансовой систем к реалиям последствий кризиса экономической глобализации». Иными словами, Россия рассматривает региональные и трансрегиональные механизмы в качестве ответа на кризис и внешнее давление, и одновременно поощряет отвечающие интересам России процессы региональной и межрегиональной экономической интеграции⁴.

Резюмируя, можно констатировать, что соотношение глобальных и региональных процессов носит диалектический характер, а любое дихотомическое деление не отражает полностью суть вопроса. Многие суждения исходят из предположения, что глобализация, как само собой разумеющееся, является самой развитой формой сотрудничества, что игнорирует те проблемы, в разрешении которых до сих пор трудно достигнуть консенсуса. «Закрытый регионализм» также не отвечает тенденции глобализации, а пересекающиеся региональные институты создают новые проблемы для глобального управления. Глобализация и регионализация – не единичное явление, а динамически изменяющийся процесс, направление развития которого зависит

² CGTN (2023) Центральное рабочее совещание по вопросам иностранных дел состоялось в Пекине. 29 декабря. Available at: <https://russian.cgtn.com/news/2023-12-28/1740343672213483522/index.html> (дата обращения: 21.07.2024).

³ *The National People's Congress of the People's Republic of China* (2023) The Law on Foreign Relations of the People's Republic of China. Available at: http://en.npc.gov.cn/cdAvailable at.cn/2023-06/28/c_898457.htm (accessed 21 July 2024).

⁴ *Министерство иностранных дел России* (2023) Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.). Available at: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586> (дата обращения: 21.07.2024).

от внешнеполитических и внешнеэкономических предпочтений большинства государств, особенно экономических гигантов. Для максимальной реализации национальных интересов государства должны одновременно участвовать в обоих процессах.

Китайская теория глобализма и регионализма

Исследование регионализма в Китае началось с середины 1990-х гг., его историю можно поделить на три периода: с 1991 г. по 2000 г., с начала XXI в. по 2010 г., с 2011 г. до сегодняшнего дня (Geng, 2023a). Развитие китайского регионализма тесно связано с участием Китая в региональном сотрудничестве. Важным событием были создание ШОС в 2001 г., когда Китай стал активнее реагировать на волну регионализма и постепенно трансформировать свою роль из рядового участника в инициатора новых проектов. Этот процесс требовал разработки региональной стратегии. Так, исследование регионализма в Китае стало обретать бóльшую практическую значимость. Именно с тех пор резко увечилось количество научных работ по региональному экономическому сотрудничеству и региональной интеграции.

В последние годы китайские ученые сосредотачиваются на проработке десяти вопросов: старый и новый регионализм; взаимосвязь между регионализмом, глобализмом и национализмом; открытый регионализм; восточно-азиатское сообщество; сравнение европейского и азиатского регионализма; межрегионализм; восточноазиатский порядок; региональная институциональная сложность; региональные общественные блага; взаимосвязанность (Geng, 2023b).

Выяснение соотношения глобализма и регионализма имеет не только теоретическое, но и прикладное значение для разработки политики Китая в глобальных и региональных процессах. Одни специалисты отмечают, что в то время как модель глобализации во главе с западными странами трудно адаптировать к всеобщим, стабильными сбалансированным условиям развития, модель экономического развития, возглавляемая западными странами, также постепенно приходит в упадок, а модель регионального сотрудничества и с широким участием развивающихся рыночных экономик играет все более важную роль (Xu & Fu, 2020). Другие исследователи подчеркивают, что сегодняшнюю глобализацию скорее было бы правильным называть реглобализацией (*re-globalization*). На этом фоне регионализация имеет три новых направления развития: переход сферы сотрудничества региональных организаций от экономики, политики к безопасности; ускорение экономической регионализации, которая сталкивается с проблемами, вызванными неполным распадом неолиберальной системы экономической глобализации; геополитическое вмешательство со стороны внерегиональных стран, которая препятствует дальнейшему развитию регионализации (Ван & Ли, 2022).

Это не означает, что региональные группы выступают против глобализации, но свидетельствует о том, что государства могут в коллективном формате противостоять негативным эффектам глобализации: в этом смысле

регионализм служит защитным механизмом для государства. С другой стороны, страны в региональных организациях ищут и апробируют новые механизмы координации, которые пока трудно достичь между всеми участниками международных отношений. Постепенно региональное сотрудничество может перейти на более высокий уровень – на трансрегиональный, и, как итог, на глобальный. С этой точки зрения регионализм не замедляет глобализм, а служит «экспериментальным полем» глобализации.

Резюмируя, рациональный консенсус китайских исследователей о взаимосвязи глобализации и регионализации состоит в том, что новый регионализм может не только служить основой и продвижением глобализации, но и повышать способность страны реагировать на вызовы, тем самым выступая в роли «моста» между страной и глобализацией. Соответственно, региональное управление, основанное на регионализме, будет реализовать легче и более эффективным способом, чем глобальное управление, что также поможет преодолеть дилемму глобального управления. При том что региональное, национальное и глобальное управление взаимосвязаны и однонаправлены, доминирующим направлением в китайской внешней политике будет именно региональное управление (Geng, 2023b).

Российская теория глобализма и регионализма

Важный вклад российских исследователей в изучение региональной интеграции заключается в двух аспектах. Во-первых, они дополняют теоретические исследования российской призмой и эмпирические исследования – опытом постсоветской интеграции. Во-вторых, они разрабатывают «геополитический вариант» региональной теории – неоевразийство.

В 1950-х гг. в советском руководстве начали обращать внимание на западноевропейские интеграционные альянсы, которые были восприняты как попытка «американского империализма» усилить свои геостратегические позиции (Шишков, 2006). Это во многом предопределяло идеологические рамки любых исследований интеграции в Советском Союзе. Кроме того, из-за дипломатического непризнания Европейского сообщества СССР советские учреждения не могли устанавливать прямых контактов с ним (Максимова, 2007). Все это составляло трудности для рождения российской теории интеграции. ИМЭМО РАН стал первой школой интеграционных исследований в СССР. Академик А.А. Арзуманян, директор ИМЭМО Академии наук СССР (1956–1965), писал, что «интеграция – это попытка "примирить" частнокапиталистическую форму хозяйства с переросшими национальные границы производительными силами» (Шишков, 2006). Группа ученых под его руководством, преодолевая стену трудностей, пыталась понять суть нового феномена и заложила основу для дальнейшего развития российской теории интеграции.

После распада Советского Союза Россия выбрала своим ориентиром преобразования по «западному образцу», стала активно вовлекаться в процессы и институты глобализации. С другой стороны, Россия противостояла полному принятию западных ценностей и адаптации нормативных идей

Запада в мировой политике – т.е. принимая глобализацию экономическую, отрицала «глобализацию ценностей» (Kochtcheeva, 2020). Это двойственное отношение России к глобализации совпадает с современным процессом «смены» глобализации регионализацией и продолжающимся расколом мира на противоборствующие военно-политические, финансово-экономические и технологические блоки (Тренин, 2022: 27). В обозримой перспективе преобладающая часть интеграционных усилий, полагают, будет предпринята скорее на региональном, чем на глобальном уровне (Загашвили, 2023).

Имеется достаточно широкое поле взаимодействия между возникновением т.н. неоевразийства и развитием региональных процессов (новый регионализм). Оба этих явления представляются ответной реакцией российской политики на натиск глобализации (Глинкина & Зевин, 2011: 51–66). В этом смысле неоевразийство можно рассматривать в рамках теории региональной интеграции и развития евразийской интеграции.

Неоевразийство появилось в конце 1980-х – начале 1990-х гг., оно стало очень популярным среди российских интеллектуалов середины 1990-х. В современной России выделились по крайней мере четыре группы евразийцев, которые можно классифицировать как «экспансионистов», «цивилизационщиков», «стабилизаторов» и геоэкономистов (Цыганков & Цыганков, 2006: 46–51).

Для «экспансионистов» Россия является культурно антизападным государством и империей, стремящейся к постоянному приращению территорий. По мнению А.Г. Дугина, только интеграция Евразии с Россией в качестве центра может гарантировать подлинную безопасность и суверенитет. Причем «дугинская Евразия» простирается далеко за пределы постсоветского пространства – на весь евразийский континент (Цыганков & Цыганков, 2006: 46–51).

«Цивилизационщики» склонны представлять Россию в качестве социально самодостаточного и культурно антизападного образования. Подобно «экспансионистам», «цивилизационщики» видят будущую Россию империей, но в более ограниченном смысле, как восстановление СССР. Такой позиции придерживаются коммунист Г.А. Зюганов и интеллектуал Н.А. Нартов. Евразийский проект А.С. Панарина также носит черту цивилизационно-культурного анализа и предполагает решение двух основных задач: восстановление целостности постсоветского пространства и восстановление «духовного тонуса» нации. Суть проекта для России состоит в развитии всесторонних контактов с Индией, Китаем, мусульманскими странами (Цыганков & Цыганков, 2006: 46–51).

«Стабилизаторы», как К.С. Гаджиев, настаивают на необходимости «стабилизации Евразии», а миссия России – преследовать цели политической стабилизации в Евразии. Для этого Россия должна стать лидером на постсоветском пространстве, развивать механизмы контроля и стабильности,

к примеру, систему коллективной безопасности. Для углубления внутренней стабилизации бывшего СССР стабилизаторы выступают за экономическую и военно-политическую интеграцию (Цыганков & Цыганков, 2006: 46–51).

Представителями геоэкономистов являются В.А. Колосов и Н.С. Мироненко. Они убеждены, что постсоветское пространство – место встречи различных геоэкономических потоков и Россия должна воспользоваться своим месторасположением в середине евразийского «хартленда». Отсутствие стратегии экономической интеграции чревато и опасностями внутреннего распада страны, поэтому Россия должна эффективно играть организующую роль в регионе.

Можно констатировать, что у неоевразийцев есть много общего по поводу региональной интеграции: все они выступают за евразийскую интеграцию (расходятся по географическому охвату «Евразии» от постсоветского пространства до евразийского континента); за политическую, экономическую и цивилизационную целостность евразийских государств; за лидерство России в этих процессах.

Несмотря на то, что трудно доказать прямое воздействие неоевразийства на принятие внешнеполитических решений России, некоторые исследователи и практики утверждают взаимосвязь между ними и оценивают внешнеполитический курс В.В. Путина как евразийский. М.И. Кротов считает евразийскую идею теоретической основой евразийской интеграции и интерпретирует ее как «взаимоотношения в рамках СНГ и с участием соседних государств», однако не соглашается с трактовкой евразийской идеи А. Дугина (Кротов, 2012).

Китай и Россия в евразийской интеграции

Китай и Россия за последние годы все более активно участвовали в многосторонних взаимодействиях на таких региональных площадках, как АТЭС, БРИКС и *G20*, и одновременно выдвигали новые интеграционные инициативы для евразийского региона. Евразийский регионализм включает в себя многие региональные механизмы, среди которых Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), Евразийский экономический союз (ЕАЭС) и «Один пояс, один путь» (ОПОП) заслуживают особого внимания для понимания влияния китайского и российского взглядов на глобализацию и регионализацию на практику.

Тандем Китай и Россия особенно важен в рамках ШОС. Вопрос о роли ШОС как региональной или международной организации отражает различные взгляды Китая и России на регионализм. Китай считает, что ШОС может играть свою роль как на региональном, так и на глобальном уровнях, но придает большее значение региональному аспекту. В выступлениях на Совете глав государств ШОС на протяжении многих лет представители Китая упоминали «региональный» чаще, чем «глобальный» и «международный», в особенности региональные вопросы, такие как «региональная безопасность» и «региональная экономика». Китайские ученые в целом также считают, что ШОС следует позиционировать как региональную организацию. Россия же,

судя по официальным позициям, надеется, что ШОС постепенно превращается в глобальную организацию. В Концепции внешней политики РФ 2023 года указано, что Россия «намерена уделять приоритетное внимание... укреплению потенциала и повышению международной роли межгосударственного объединения ШОС»⁵. Российские исследователи также считают, что ШОС является одним из быстро формирующихся центров многополярного мира (Лузянин и др., 2015).

Что касается ЕАЭС, по-прежнему множество интерпретаций вокруг целей России в создании данной организации: является ли ЕАЭС прежде всего экономической интеграцией, или имеют место политические и геополитические цели (Börzel & Risse, 2016: 210–212). А. Либман подходит к данному вопросу с точки зрения риторики. Само понятие «Евразия», которое сегодня используется для описания постсоветского регионализма, подчеркивает статус великой державы России и ее неизбежный антагонизм с Западом, оно приемлемо как для российских элит, так и для общественности. Для России регионализм – это прежде всего инструмент увеличения своего влияния, а лучший шанс добиться успеха в ЕАЭС – дистанцироваться от любой идеологической основы, представляя его как чисто технократическое предприятие, то есть «деполитизировать» евразийский регионализм (Libman, 2022).

Инициатива ОПОП была выдвинута в 2013 г., за свое десятилетнее существование она придала новый импульс развитию глобализации и регионализации. В Азии ОПОП ускоряет процесс глобализации и резонирует с различными инициативами регионализации из Центральной Азии в Юго-Восточной Азии (Mayer, 2018). С точки зрения формы глобализации ОПОП – это «инклюзивная глобализация», отличная от «неолиберальной глобализации». Во-первых, ОПОП подчеркивает роль государства и придает большое значение межправительственному сотрудничеству. Во-вторых, взаимосвязь инфраструктуры является важной целью ОПОП, которая обеспечивает в слаборазвитых районах надежную и доступную инфраструктуру, игнорируемую рынком капитала. В-третьих, ОПОП не позиционирует себя в качестве единственного пути развития для всех стран, а поощряет каждое государство найти собственный путь развития. В-четвертых, ОПОП не является закрытым блоком и инициатива открыта для всех интересующихся сторон на равной основе. В-пятых, ОПОП уважает культурную ценность и подчеркивает стремление к общему развитию, процветанию и миру на основе сохранения культурного разнообразия (Liu, Dunford & Gao, 2017). Со стороны регионализации Китай активно продвигает сопряжение ОПОП со стратегиями других участников инициативы, не намерен заместить или соперничать с ними.

⁵ Министерство иностранных дел России (2023) Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.). Available at: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586> (дата обращения: 21.07.2024).

По данным на август 2023 года, Китай подписал более 200 документов о сотрудничестве по инициативе ОПОП со 152 странами и 32 международными организациями⁶.

Актуальное соперничество между великими державами отражается в конкуренции между региональными группами, однако в эпоху глобализации закрытый блок не представляется «выгодным выбором» для развивающихся экономик. Между двумя потенциальными странами-лидерами могут быть отношения «восходящей державы» и «доминирующей державы». Для восходящих держав существуют три возможных модели влияния на эволюцию регионального порядка: 1) восходящая держава может интегрироваться в регионе в качестве подчиненной доминирующей державе; 2) восходящая держава может заменить доминирующую державу, стать новой единственной державой в регионе; 3) восходящая держава может работать вместе с доминирующей державой и другими странами (Gu, 2018). В евразийском пространстве для восходящей державы Китая и доминирующей державы России наиболее взаимовыгодным выбором является третий путь.

Заклучение

История доказывает, что экономически успешные страны одинаково эффективно интегрируются как в процессы глобализации, так и в процессы регионализации, в то время как менее успешным странам не удастся участвовать ни в одном из двух процессов. Как отметил председатель Си Цзиньпин на встрече с президентом В. Путиным в мае 2024 года, Китай и Россия сделали общий стратегический выбор в пользу исторической тенденции формирования многополярного мира и экономической глобализации⁷. Несмотря на некоторые различия в китайском и российском взглядах на глобализацию и регионализацию, у них есть общие позиции по двум важным аспектам. Во-первых, глобализация должна быть максимально выгодной для всего человечества, во-вторых, региональная интеграция не противоречит глобализации. И в этом состоит основа сотрудничества двух стран евразийских интеграционных процессах. Рациональное разделение ролей России и Китая в евразийских интеграционных процессах максимально способствует реализации национальных интересов двух стран в пересекающихся проектах, созданию возможностей сотрудничества и снижению риска конкуренции.

⁶ 我国已与152个国家、32个国际组织签署共建“一带一路”合作文件。[Китай подписал документы о сотрудничестве со 152 странами и 32 международными организациями для совместного строительства «Пояса и пути».] 中国政府网。[Сайт Правительства Китая]. Available at: https://www.gov.cn/lianbo/bumen/202308/content_6899977.htm (accessed 21 July 2024).

⁷ 习近平同普京总统会谈。[Си Цзиньпин провел переговоры с Президентом РФ Владимиром Путиным] 人民日报。[Жэньминь жибао] 17 мая 2024 года, Available at: http://paper.people.com.cn/rmrb/html/2024-05/17/nw.D110000renmrb_20240517_1-01.htm (accessed 21 July 2024).

Список литературы

1. Байков А.А. (2012) *Сравнительная интеграция. Практика и модели интеграции в зарубежной Европе и Тихоокеанской Азии*. М.: Аспект Пресс.
2. Глинкина С.П., Зевин Л.З. (2011) *Евразия в поисках идентичности*. СПб.: Нестор-История.
3. Загашвили В.С. (2023) Регулирование международной торговли: глобальный и региональный аспекты. *Российский внешнеэкономический вестник* (8): 22–32. DOI: 10.24412/2072-8042-2023-8-22-32.
4. Кротов М.И. (2012) Евразийская идея – теоретическая основа евразийской экономической интеграции. *Евразийская интеграция: экономика, право, политика* (12): 158–166.
5. Лузянин С.Г. и др. (2015) *Шанхайская организация сотрудничества: модель 2014–2015: рабочая тетр. № 21/2015*. М.: Спецкнига.
6. Максимова М. (2007) К вопросу об отечественной теории интеграции. *Мировая экономика и международные отношения* (6): 104–113.
7. Сопилко Н.Ю., Еремина И.Ю., Мясникова О.Ю. (2021) Противоречивость глобализации и региональной интеграции в контексте интеграционных процессов ЕАЭС. *Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право»* (3): 238–248. DOI: 10.28995/2073-6304-2021-3-238-248.
8. Тренин Д. (2022) «Переиздание» Российской Федерации: Контуры внешней политики России для периода гибридной войны. *Россия в глобальной политике* 20(2): 27–33. DOI: 10.31278/1810-6439-2022-20-2-27-33.
9. Цыганков А.П. (ред.) (2014) *Международные отношения и мировая политика: учебно-методический комплекс*. М.: РОССПЭН.
10. Цыганков А.П., Цыганков П.А. (2006) *Социология международных отношений: Анализ российских и западных теорий*. М.: Аспект Пресс.
11. Шишков Ю. (2006) Отечественная теория региональной интеграции. *Мировая экономика и международные отношения* (4): 54–63.
12. Шишков Ю. (2008) Регионализация и глобализация мировой экономики: альтернатива или взаимодополнение. *Мировая экономика и международные отношения* (8): 3–20.
13. Bhagwati J. (2014) *The World Trading System at Risk*. Princeton University Press (originally published in 1991).
14. Börzel T.A., Risse T. (eds.) (2016) *The Oxford Handbook of Comparative Regionalism*. Oxford: Oxford University Press.
15. De Lombaerde P. et al. (2010) The Problem of Comparison in Comparative Regionalism. *Review of International Studies* 36(3): 731–753. DOI: 10.1017/S0260210510000707.
16. Goode W. (2020) *Dictionary of Trade Policy Terms (Sixth Edition)*. Cambridge University Press.
17. Heine J., Thakur R. (eds.) (2011) *The Dark Side of Globalization*. Tokyo, New York, Paris: United Nations University Press.
18. James H. (2017) Deglobalization as a Global Challenge. *CIGI Papers* No. 135 – June 2017.
19. Katzenstein P.J. (1996) Regionalism in Comparative Perspective. *Cooperation and Conflict* 31(2): 123–159.
20. Kochtcheeva L.V. (2020) *Russian Politics and Response to Globalization*. Cham: Palgrave Macmillan.
21. Libman A. (2022) Does Integration Rhetoric Help? Eurasian Regionalism and the Rhetorical Dissonance of Russian Elites. *Europe-Asia Studies* 74(9): 1574–1595. DOI: 10.1080/09668136.2022.2120184.
22. Mayer M (ed.) (2018) *Rethinking the Silk Road: China's Belt and Road Initiative and Emerging Eurasian Relations*. Palgrave Macmillan.
23. Talani L.S., Roccu R. (eds.) (2019) *The Dark Side of Globalisation*. Palgrave Macmillan.
24. Van Langenhove L., Scaramagli T. (2011) Regional Integration as a Response to Globalization. Heine J., Thakur R. (eds). In: *The Dark Side of Globalization*. Tokyo, New York, Paris: United Nations Press, 191–207.

25. Witt M.A. (2019) De-globalization: Theories, Predictions, and Opportunities for International Business Research. *Journal of International Business Studies* 50: 1053–1077.
26. 耿协峰. [Гэн С.] (2023a) 中国地区主义研究30年. [30 лет исследований регионализма в Китае] *国际政治科学 [Международная политика]* 28(4): 54–86. DOI:10.16513/j.cnki.qjip.20221115.001.
27. 耿协峰. [Гэн С.] (2023b) 中国地区主义研究的十大争论及其进展. [Десять дискуссионных вопросов по исследованию регионализма и его развития в Китае] *清华大学学报 (哲学社会科学版)* [*Вестник Университета Цинхуа (Философия и общественные науки)*] 38(2): 168–182. DOI:10.13613/j.cnki.qhdz.003235.
28. 顾炜. [Гу В.] (2018) 中俄战略协作与欧亚地区秩序的演进. [*Китайско-российское стратегическое партнерство и эволюция евразийского порядка*] 北京: 中国社会科学出版社. [Пекин: Издательство общественных наук Китая]
29. 李永全. [Ли Ю.] (2015) 和而不同: 丝绸之路经济带与欧亚经济联盟. [Гармония при наличии различий: Экономический пояс шелкового пути и Евразийский экономический союз] *俄罗斯东欧中亚研究 [Исследование России, Восточной Европы и Центральной Азии]* (4): 1–6.
30. 刘卫东&Michael Dunford&高菠阳. [Лю В. & Dunford M. & Gao П.] (2017) “一带一路”倡议的理论建构——从新自由主义全球化到包容性全球化. [Теоретическая конструкция инициативы «Одного пояса, одного пути»: от неолиберальной к инклюзивной глобализации] *地理科学进展 [Прогресс в географии]* 36(11): 1321–1331. DOI: 10.18306/dlxxjz.2017.11.001.
31. 王栋&李安迪. [Ван Д. & Ли А.] (2022) 论百年变局下全球化与区域化的新发展趋势. [О новых тенденциях глобализации и регионализации на фоне глубоких перемен за столетие] *当代世界与社会主义 [Современный мир и социализм]* (4): 21–29. DOI:10.16502/j.cnki.11-3404/d.2022.04.003.
32. 王正毅主编. [Ван Ч. ред.] (2023) 反思全球化: 理论、历史与趋势. [*Переосмысление глобализации: теории, история и тенденции*] 北京: 社会科学文献出版社. [Пекин: Издательство литературы по общественным наукам]
33. 许佳&付争. [Сюй Ц. & Фу Ч.] (2020) 新冠肺炎疫情冲击下亚太地区区域化进程分析. [Анализ процесса регионализации в Азиатско-Тихоокеанском регионе под воздействием COVID-19] *亚太经济 [Экономика АТР]*(6): 17–21. DOI:10.16407/j.cnki.1000-6052.2020.06.002.

Comparative Politics. Volume 15. No. 4. October–December / 2024
DOI 10.46272/2221-3279-2024-4-15-3

CHINESE AND RUSSIAN PERSPECTIVES ON GLOBALIZATION AND REGIONALIZATION AND THE IMPLICATIONS FOR EURASIAN INTEGRATION

Dr. Weijing DAI – Assistant Professor, School of International Studies, Peking University.
ORCID 0009-0000-0840-0015, E-mail: daiweijing@pku.edu.cn
No. 5 Yiheyuan Road, Beijing, China, 100871.

Received June 5, 2024

Accepted October 12, 2024

Abstract: Great powers play an important role in global and regional processes. In the context of a shift towards deglobalization among Western countries, China and Russia are maintaining their positions on economic globalization and implementing their ideas to advance Eurasian integration.

The objective of this study is to analyze and compare the Chinese and Russian perspectives on globalization and regionalization, and to examine the implications for Eurasian integration. Based on a comparison of the official positions and expert views of the two countries, the author came to the conclusion that despite some differences in Chinese and Russian views, they share common positions on two important matters of globalization and regionalization: globalization should be beneficial to all humanity, and regional integration does not contradict globalization. This provides the basis for cooperation between the two countries in the Eurasian integration processes – the SCO, the EAEU and the BRI.

Keywords: regionalization, globalization, Eurasian integration, China, Russia, Eurasia

References:

1. Baikov A.A. (2012) *Sravnitel'naia integratsiia. Praktika i modeli integratsii v zarubezhnoi Evrope i Tikhookeanskoj Azii [Comparative Integration. Experience and Patterns of Integration in the United Europe and Asia Pacific]*. M.: Aspekt Press. (In Russian).
2. Bhagwati J. (2014) *The World Trading System at Risk*. Princeton University Press (originally published in 1991).
3. Börzel T.A., Risse T. (eds.) (2016) *The Oxford Handbook of Comparative Regionalism*. Oxford: Oxford University Press.
4. De Lombaerde P. et al. (2010) The Problem of Comparison in Comparative Regionalism. *Review of International Studies* 36(3): 731–753. DOI: 10.1017/S0260210510000707.
5. Geng Xiefeng (2023a) 30 Years of Research on Regionalism in China. *Quarterly Journal of International Politics* 28(4): 54–86. DOI:10.16513/j.cnki.qjip.20221115.001. (In Chinese).
6. Geng Xiefeng (2023b) Ten Debatable Issues on the Study of Regionalism and Their Progress in China. *Journal of Tsinghua University (Philosophy and Social Sciences)* 38(2): 168–182. DOI: 10.13613/j.cnki.qhdz.003235. (In Chinese).
7. Glinkina S.P., Zevin L.Z. (2011) *Evraziia v poiskakh identichnosti [Eurasia in search of identity]*. SPb.: Nestor-Istoriia. (In Russian).
8. Goode W. (2020) *Dictionary of Trade Policy Terms (Sixth Edition)*. Cambridge University Press.
9. Gu Wei (2018) *The China–Russia Strategic Partnership of Coordination and the Evolution of Order in Eurasia*. Beijing: China Social Sciences Press. (In Chinese).
10. Heine J., Thakur R. (eds.) (2011) *The Dark Side of Globalization*. Tokyo, New York, Paris: United Nations University Press.
11. James H. (2017) Deglobalization as a Global Challenge. *CIGI Papers* No. 135 – June 2017.
12. Katzenstein P.J. (1996) Regionalism in Comparative Perspective. *Cooperation and Conflict* 31(2): 123–159.
13. Kochtcheeva L.V. (2020) *Russian Politics and Response to Globalization*. Cham: Palgrave Macmillan.
14. Krotov M.I. (2012) Evraziiskaia ideia – teoreticheskaia osnova evraziiskoi ekonomicheskoi integratsii [Eurasian Idea – Theoretical Basis of the Eurasian Economic Integration]. *Evraziiskaia integratsiia: ekonomika, pravo, politika [Eurasian integration: economics, law, politics]*(12): 158–166. (In Russian).
15. Li Yongquan. (2015) Harmony in Diversity: the Silk Road Economic Belt and the Eurasian Economic Union. *Russian, East European & Central Asian Studies*. (4): 1–6. (In Chinese).
16. Libman A. (2022) Does Integration Rhetoric Help? Eurasian Regionalism and the Rhetorical Dissonance of Russian Elites. *Europe-Asia Studies* 74(9): 1574–1595. DOI: 10.1080/09668136.2022.2120184.
17. Liu Weidong, Michael Dunford, Gao Boyang (2017) Discursive Construction of the Belt and Road Initiative: From Neoliberal to Inclusive Globalization. *Progress in Geography* 36(11): 1321–1331. DOI: 10.18306/dlkxjz.2017.11.001. (In Chinese).

18. Luzianin S.G. et al. (2015) *Shankhaiskaia organizatsiia sotrudnichestva: model' 2014–2015: rabochaia tetr. (Shanghai Cooperation Organization: Model 2014–2015) № 21/2015 [Shanghai Cooperation Organisation: Model 2014–2015: Workbook. No. 21/2015].* M.: Spetskniga. (In Russian).
19. Maksimova M. (2007) K voprosu ob otechestvennoi teorii integratsii [On the Issue of Domestic Theory of Integration]. *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia [Economy and International Relations]* (6): 104–113. (In Russian).
20. Mayer M (ed.) (2018) *Rethinking the Silk Road: China's Belt and Road Initiative and Emerging Eurasian Relations.* Palgrave Macmillan.
21. Shishkov Iu. (2006) Otechestvennaia teoriia regional'noi integratsii [Domestic Theory of Regional Integration: Experience of Past and Vision of Future]. *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia [Economy and International Relations]* (4): 54–63. (In Russian).
22. Shishkov Iu. (2008) Regionalizatsiia i globalizatsiia mirovoi ekonomiki: al'ternativa ili vzaimodopolnenie [Regionalization and Globalization of the World Economy: Alternative or Complementarity?]. *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia [Economy and International Relations]* (8): 3–20. (In Russian).
23. Sopilko N.Yu., Eremina I.Yu., Miasnikova O.Yu. (2021) Protivorechivost' globalizatsii i regional'noi integratsii v kontekste integratsionnykh protsessov EAES [Globalization and regional integration inconsistency in the context of the integration processes of the EAEU]. *Vestnik RGGU. Seriya «Ekonomika. Upravlenie. Pravo» [RSUH/RGGU BULLETIN. Series Economics. Management. Law]* (3): 238–248. DOI: 10.28995/2073-6304-2021-3-238-248. (In Russian).
24. Talani L.S., Roccu R. (eds.) (2019) *The Dark Side of Globalisation.* Palgrave Macmillan.
25. Trenin D. (2022) «Pereizdanie» Rossiiskoi Federatsii: Kontury vneshnei politiki Rossii dlia perioda gibridnoi voiny ["Reissue" of the Russian Federation: Contours of Russian foreign policy for the period of hybrid war]. *Rossiiia v global'noi politike [Russia in Global Affairs]* 114(2): 27–33. DOI: 10.31278/1810-6439-2022-20-2-27-33. (In Russian).
26. Tsygankov A.P. ed. (2014) *Mezhdunarodnye otnosheniia i mirovaia politika: uchebno-metodicheskii kompleks. [International Relations and World Politics: Educational-Methodological Complex].* M.: ROSSPEN. (In Russian).
27. Tsygankov A.P., Tsygankov P.A. (2006) *Sotsiologiia mezhdunarodnykh otnoshenii: Analiz rossiiskikh i zapadnykh teorii [Sociology of International Relations: Analysis of Russian and Western Theories].* M.: Aspekt Press. (In Russian).
28. Van Langenhove L., Scaramagli T. (2011) Regional Integration as a Response to Globalization. Heine J., Thakur R. (eds). In: *The Dark Side of Globalization.* Tokyo, New York, Paris: United Nations Press, 191–207.
29. Wang Dong, Li Andi. (2022) On the New Trends of Globalization and Regionalization amid Profound Changes Unseen in a Century. *Contemporary World and Socialism* (4): 21–29. DOI:10.16502/j.cnki.11-3404/d.2022.04.003. (In Chinese).
30. Wang Zhengyi (ed.) (2023) *Rethinking Globalization: Theories, Histories and Prospects.* Beijing: Social Sciences Academic Press. (In Chinese).
31. Witt M.A. (2019) De-globalization: Theories, Predictions, and Opportunities for International Business Research. *Journal of International Business Studies* 50: 1053–1077.
32. Xu Jia, Fu Zheng. (2020) Analysis of the Regionalization Process in the Asia-Pacific Region under the Impact of COVID-19. *Asia-Pacific Economic Review* (6): 17–21. DOI: 10.16407/j.cnki.1000-6052.2020.06.002. (In Chinese).
33. Zagashvili V.S. (2023) Regulirovanie mezhdunarodnoi trgovli: global'nyi i regional'nyi aspekty [Regulation of International Trade: Global and Regional Aspects]. *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik [Russian Foreign Economic Journal]* (8): 22–32. DOI: 10.24412/2072-8042-2023-8-22-32. (In Russian).

ВЛИЯНИЕ КАЧЕСТВА ПОЛИТИЧЕСКИХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ НА РОСТ ВВП

Сергей РАСТОРГУЕВ, Елена БРОДОВСКАЯ, Роман ПАРМА
Финансовый университет при Правительстве РФ

Аннотация: В статье исследуется взаимосвязь качества политических и экономических институтов с экономическим ростом. Цель работы заключается в эмпирической проверке гипотезы о взаимозависимости качества институтов и темпов роста ВВП в период после глобального экономического кризиса 2008–2009 гг. Хронологические рамки охватывают период устойчивого мирового экономического роста с 2010 по 2018 гг., верхняя граница которого обусловлена началом кризиса, вызванного пандемией *COVID-19*. Для оценки качества политических институтов используется средняя за девять лет позиция страны в «Индексе демократии» (англ. *“Democracy Index”*). Качество экономических институтов оценивается на основе средней за тот же период позиции страны в «Индексе легкости ведения бизнеса» (англ. *“Ease of Doing Business Index”*). Темпы экономического роста стран рассчитаны как средняя позиция в рейтинге за девять лет по данным Всемирного банка. Корреляционный анализ доказывает, что в период после глобального экономического кризиса наибольшие темпы роста демонстрировали страны с достаточно низкими позициями в «Индексе демократии» и «Индексе бизнеса», тогда как лидеры рейтингов показывали более низкие темпы экономического роста. Обнаруженные расхождения могут объясняться как эффектом низкой базы ряда стран-лидеров по темпам роста, так и эффективной экономической политикой их элит. При этом кейс России демонстрирует положительную корреляцию между низкой позицией в «Индексе демократии» и низкой позицией по темпам экономического роста, а также отрицательную корреляцию между относительно неплохой позицией в «Индексе бизнеса» и низкой позицией по темпам экономического роста. Этот парадокс может объясняться как значительными негативными эффектами глобального экономического кризиса

Сергей Викторович Расторгуев – доктор политических наук, профессор Кафедры политологии Факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве РФ.

ORCID: 0000-0003-1185-9374. E-mail: srastorguev@fa.ru
125167, Москва, Ленинградский проспект, д. 49/2.

Елена Викторовна Бродовская – доктор политических наук, профессор Кафедры политологии Факультета социальных наук и массовых коммуникаций, главный научный сотрудник Центра политических исследований Института гуманитарных технологий и социального инжиниринга, Финансовый университет при Правительстве РФ.

ORCID: 0000-0001-5549-8107. E-mail: evbrodovskaya@fa.ru
125167, Москва, Ленинградский проспект, д. 49/2.

Роман Васильевич Парма – кандидат политических наук, доцент Кафедры политологии Факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве РФ.

ORCID: 0000-0002-3413-4264. E-mail: rvparma@fa.ru
125167, Москва, Ленинградский проспект, д. 49/2.

Поступила в редакцию: 04.07.2023

Принята к публикации: 28.10.2024

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

и антироссийскими санкциями, так и неэффективной экономической политикой. Полученные результаты указывают на необходимость дальнейшего развития методологии исследований на стыке политологии и экономики для лучшего понимания взаимосвязи институтов различных сфер общественной жизни и динамики макроэкономических показателей.

Ключевые слова: неоинституциональный подход, глобальные индексы, политические институты, экономические институты, экономический рост, ВВП, экономическая политика

Неоинституциональная доктрина

Согласно положениям одного из основоположников современной экономической теории Д. Норта, институты представляют собой социальные механизмы, нормы поведения, которые обеспечивают выполнение правил и структурируют взаимодействия людей. Его трактовка институтов как формальных и неформальных «правил игры» была положена в основу неоинституционального подхода в экономике, который позднее получил широкое распространение в общественных науках. По мнению Д. Норта, экономический рост происходит вследствие повышения производительности под влиянием технологических изменений и институциональных перемен (как в политической, так и в экономической среде), защищающих право собственности. Развитие «институтов, способствующих заключению сделок, приводит не только к расширению производства и торговли, но и к последующему снижению транзакционных издержек» (North, 1989). Таким образом, динамика экономического роста зависит от институциональных изменений, обеспечивающих эффективное функционирование рынков.

В свою очередь, основоположник неоинституционализма в политических науках Р. Патнэм объяснял экономический рост плодотворным влиянием гражданского общества на формирование институтов. Сообщества, построенные на ценностях доверия и сотрудничества, способствуют эффективному управлению и экономическому процветанию. Для успеха демократии необходимо сформировать взаимное доверие между гражданами и организовать горизонтальную систему управления обществом. Отмечалось, что гражданское общество создает богатство, но богатство не создает гражданское общество (Putnam, Leonardi & Nonetti, 1993). В современных исследованиях закрепилось положение об обусловленности экономического роста качеством институтов. Многие работы исходят из положения о том, что институты детерминируют рост, а исследования в рамках неоинституциональной доктрины доказывают наличие тесных причинно-следственных связей между институтами и экономическими показателями.

Таким образом, основной причиной различной динамики развития стран считается качество действующих в них институтов, которое определяется на основании соответствия идеалам либеральной демократии.

Неоинституционалисты, продвигающие теорию демократизации, утверждают, что механизмы развития институтов генерируют решения социально-экономических проблем, а это, в свою очередь, способствует улучшению экономических показателей (Acemoglu, Johnson, & Robinson, 2005). Так, Д. Асемоглу утверждал, что существуют убедительные эмпирические доказательства гипотезы о том, что различия в доходах на душу населения связаны именно с экономическими институтами, а не с географическими факторами, культурными особенностями или удачей (Acemoglu, 2009). В то же время экономическая политика и тип институтов могут зависеть от того, какой именно политический режим сформирован в стране (Асемоглу, 2018). В странах, тяготеющих к авторитаризму, рентоориентированные «господствующие коалиции» не способны создавать долгосрочные стимулы экономического роста как в силу монополизации наиболее прибыльных сегментов экономики участниками самой коалиции, так и в силу опасений возможной конкуренции в политическом поле в результате развития независимых рыночных игроков (Норт, Уоллис & Вайнгаст, 2011).

Первоначальные улучшения институтов общественного порядка вызывают накопление доверия и приводят к экономическому росту в условиях рыночных отношений (Bodoh-Creed, 2019). Экономические институты определяют стимулы и ограничения действий экономических субъектов. Институциональные факторы влияют на общую эффективность факторов производства – качественные институты характерны для стран с высокой производительностью труда.

Оппозиция неоинституционализму

Вместе с тем утверждение о том, что экономический рост детерминирован качеством институтов, ставится рядом исследователей под сомнение. В политических и экономических работах выдвигаются различные теории, анализирующие проблему экономического роста в странах, чьи политические режимы не соответствуют институциональным стандартам западной демократии. Так, А. Пшеворски и Ф. Лимонджи приходят к выводу об отсутствии корреляции между демократическим режимом и экономическим ростом (Przeworski & Limongi, 1993). Сравнение динамики экономического роста в развивающихся странах показывает, что высоких темпов достигают там, где создана эффективная система управления (Olson, Sarna & Swamy, 2000).

Экономический рост определяется различными структурами стимулов, отражающими существенные различия в институциональных системах (Olson, 2000). Например, Х-Дж. Чанг рассматривал успешные примеры ускоренного роста с опорой на внутренние ресурсы, включая государственную собственность и механизмы государственного регулирования экономики в условиях недемократических режимов, высокого уровня коррупции и инфляции (Chang, 2011). В то же время Дж. Сакс пришел к неожиданному выводу: даже при ориентации правящей элиты на ренту и привилегии возможен

переход к ускоренному экономическому росту для увеличения общественного богатства, которое служит базой для налогообложения и источником государственных доходов (Sachs, 2012).

На основании мета-регрессионного анализа А. Эфендик, Д. Пью, Н. Аднетт пришли к выводу, что исследования, основанные на теории роста, не предоставляют надежных эмпирических доказательств значительного эффекта институционального воздействия на уровень производства. Сопоставление эмпирических данных подтверждает лишь то, что влияние качества институтов на экономические показатели является положительным (Efendic, Pugh & Adnett, 2011). При этом сравнительные исследования показывают, что влияние качества институтов на экономический рост выше в развитых странах, чем в развивающихся, и что именно развитые страны получают наибольшие выгоды от дальнейшего улучшения качества институтов (Nawaz, 2015).

В рамках неоинституционального подхода выделяются два концептуальных направления. Одно из них утверждает, что институциональное качество является главным фактором, определяющим экономический рост. Второе направление рассматривает экономический рост и развитие институтов как процессы взаимного влияния, в ходе которого некоторые страны могут оказаться в «ловушке» среднего или низкого уровня дохода (Kar, Roy, & Sen, 2019). Тем не менее в научных кругах продолжает преобладать точка зрения, что улучшение качества институтов неизбежно ведет к ускорению экономического роста.

Установление взаимозависимости

В свете актуальности вопроса необходимо верифицировать распространенное мнение о том, что экономический рост в каждой стране определяется качеством ее институтов. Цель данного исследования заключается в выявлении взаимосвязи между темпами экономического роста и качеством политических и экономических институтов. Позиции стран по темпам экономического роста рассчитаны по данным Всемирного банка за 2010–2018 гг. как средние показатели за девять лет. Выбор хронологических рамок обусловлен их соответствием периоду после завершения глобального экономического кризиса 2008–2009 гг. и до начала пандемии *COVID-19*.

Для установления этой взаимозависимости используются *"Democracy Index"* (далее – «Индекс демократии»), разработанный британской компанией *Economist Intelligence Unit*, и *"Ease of Doing Business Index"* Всемирного банка (далее – «Индекс бизнеса»). «Индекс демократии» позволяет измерить качество политических институтов. Он включает оценку электоральных процессов, функционирования правительства, политического участия, политической культуры, гражданских свобод. «Индекс бизнеса» оценивает качество экономических институтов по показателям затрат времени и средств на открытие и закрытие бизнеса, получение разрешений на строительство, подключение к инфраструктуре, регистрацию имущества, исполнение контрактов и налоговое бремя. Следует отметить, что майские указы Президента России 2012 г.

включили в *KPI* государственных служащих задачу по продвижению страны на 20-е место в рейтинге "Ease of Doing Business Index" к 2018 г.; в 2019 г. данная цель была продлена до 2024 г.

В настоящем исследовании наличие взаимосвязи между переменными – позицией по темпам экономического роста и позицией в «Индексе бизнеса», а также позицией по темпам роста и позицией в «Индексе демократии» – проверяется через значение коэффициента парной корреляции, который рассчитывается по следующей формуле:

$$r_n = \frac{\sum_{i=1}^n (x_i - \bar{x})(y_i - \bar{y})}{\sqrt{\sum_{i=1}^n (x_i - \bar{x})^2} \sqrt{\sum_{i=1}^n (y_i - \bar{y})^2}}$$

На первом этапе проверяется неоинституциональная гипотеза о положительном влиянии демократических и рыночных институтов на темпы экономического роста. Для тестирования гипотезы рассчитываются коэффициенты корреляции для стран-лидеров по «Индексу бизнеса» и «Индексу демократии».

Таблица 1. Коэффициенты корреляции позиций стран по темпам экономического роста и их позиций в «Индексе бизнеса», «Индексе демократии», 2010–2018 гг.¹
Table 1. Correlation coefficients for countries' positions in the economic growth rate ranking, "Ease of Doing Business Index" and "Democracy Index", 2010–2018

Позиция страны по темпам эконом. роста (среднее за 9 лет)	Страна	Позиция в «Индексе бизнеса» (среднее за 9 лет)	Позиция в «Индексе демократии» (среднее за 9 лет)	Коэффициент корреляции между позицией по темпам эконом. роста и позицией по «Индексу бизнеса»	Коэффициент корреляции между позицией по темпам эконом. роста и позицией по «Индексу демократии»
75	Сингапур	1	75	0,32	-0,74
98	Исландия	16	2	-0,60	0,30
102	Гонконг*	3	70	0,04	-0,84
111	Новая Зеландия	2	4	0,19	0,84
113	Республика Корея	8	21	0,65	-0,40
118	Швеция	12	3	-0,20	-0,59
130	США	5	20	-0,12	-0,49
132	Канада	15	7	-0,02	-0,31
140	Великобритания	7	16	-0,84	0,11
141	Швейцария	27	8	-0,19	-0,27
146	Дания	4	4	0,69	-0,63
147	Норвегия	8	1	0,56	-
150	Финляндия	12	8	-0,42	-0,04

¹ Рассчитано авторами на основе данных World Bank (n.d.) Ease of Doing Business Rankings. Available at: <https://archive.doingbusiness.org/en/rankings> (accessed 8 July 2024); Economist Intelligence Unit (n.d.) Democracy Index. Available at: <https://www.eiu.com/topic/democracy-index> (accessed 8 July 2024); World Bank (n.d.) GDP growth (annual %). Available at: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG> (accessed 8 July 2024).

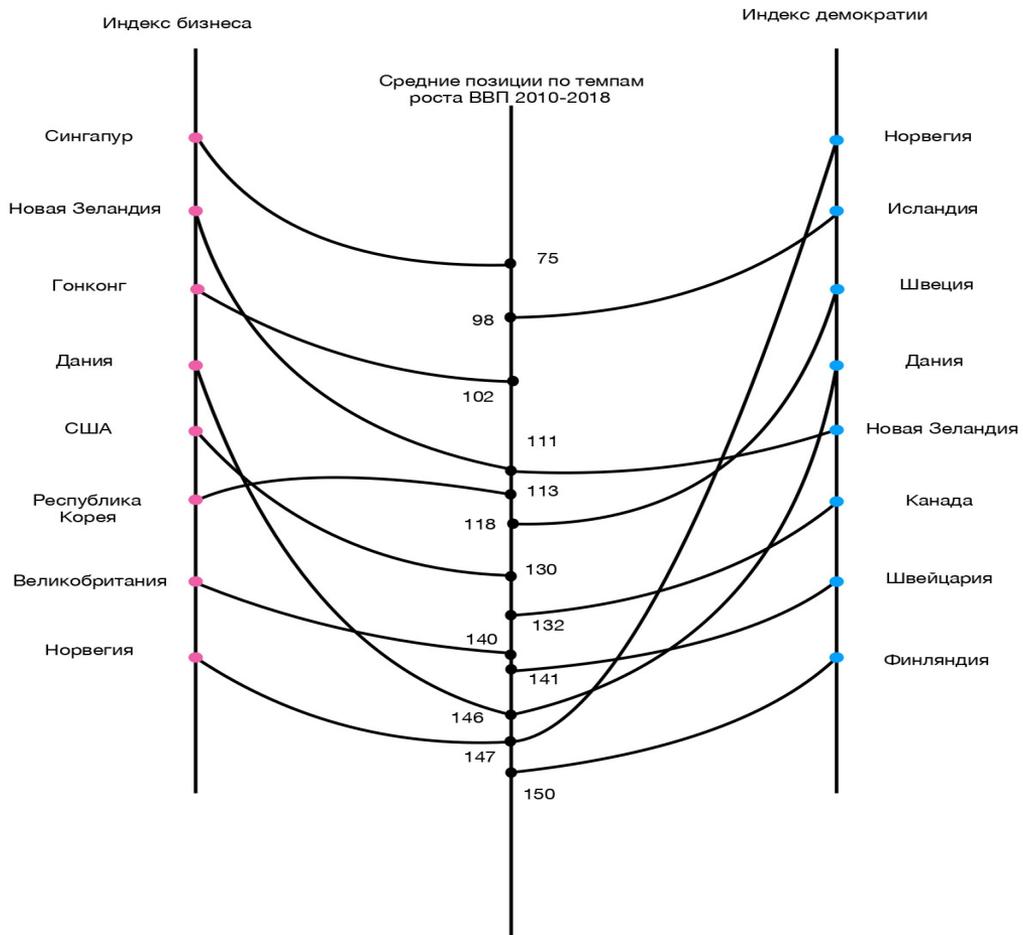

Рисунок 1. Сопоставление стран-лидеров по «Индексу бизнеса» и «Индексу демократии» с позициями по темпам экономического роста в 2010–2018 гг.²

Figure 1. Comparison of leading countries in "Ease of Doing Business Index" and "Democracy Index" with their positions in the economic growth rate ranking, 2010–2018

Рассматриваются случаи, когда значения коэффициентов парной корреляции указывают на значимую связь между переменными (более 0,6 или менее -0,6). Так, повышение позиций Сингапура и Гонконга* в «Индексе демократии» сопровождалось снижением их позиций в рейтинге экономического роста,

² Рассчитано авторами на основе данных *World Bank* (n.d.) Ease of Doing Business Rankings. Available at: <https://archive.doingbusiness.org/en/rankings> (accessed 08.07.2024); *Economist Intelligence Unit* (n.d.) Democracy Index. Available at: <https://www.eiu.com/topic/democracy-index> (accessed 08.07.2024); *World Bank* (n.d.) GDP growth (annual %). Available at: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG> (accessed 08.07.2024).

тогда как небольшое понижение позиции Дании в «Индексе демократии» показало корреляцию с улучшением экономических показателей. Лишь в случае Новой Зеландии наблюдается сильная положительная корреляция между темпами экономического роста и позицией в «Индексе демократии», что частично подтверждает гипотезу.

В случаях Великобритании и Исландии наблюдается отрицательная корреляция между позициями по качеству экономических институтов и темпами экономического роста. В то же время для Республики Корея и Дании выявлена положительная корреляция между позицией в «Индексе бизнеса» и рейтингом темпов роста. Таким образом, наличие значимой корреляционной связи в пяти случаях опровергает гипотезу, тогда как в трех других случаях гипотеза подтверждается.

Таблица 2. Коэффициенты корреляции позиций стран-лидеров по темпам экономического роста и их позиций в «Индексе бизнеса», «Индексе демократии», 2010–2018 гг.³

Table 2. Correlation coefficients for leading countries' positions in the economic growth rate ranking, "Ease of Doing Business Index" and "Democracy Index", 2010–2018

Позиция страны по темпам эконом. роста	Страна	Позиция в «Индексе бизнеса» (среднее за 9 лет)	Позиция в «Индексе демократии» (среднее за 9 лет)	Коэффициент корреляции между позицией по темпам эконом. роста и позицией по «Индексу бизнеса»	Коэффициент корреляции между позицией по темпам эконом. роста и позицией по «Индексу демократии»
1	Эфиопия	130	123	-0,38	-0,43
2	Монголия	69	63	-0,70	0,68
3	Китай	86	139	0,60	0,53
4	Руанда	51	134	-0,42	0,62
5	Мьянма	173	137	0,74	0,35
6	Камбоджа	136	110	-0,71	0,78
7	Индия	129	36	0,63	0,67
8	Гвинея	168	161	0,56	0,70
9	Азербайджан	62	144	-0,40	0,55

³ Рассчитано авторами на основе данных *World Bank* (n.d.) Ease of Doing Business Rankings. Available at: <https://archive.doingbusiness.org/en/rankings> (accessed 8 July 2024); *Economist Intelligence Unit* (n.d.) Democracy Index. Available at: <https://www.eiu.com/topic/democracy-index> (accessed 8 July 2024); *World Bank* (n.d.) GDP growth (annual %). Available at: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG> (accessed 8 July 2024).

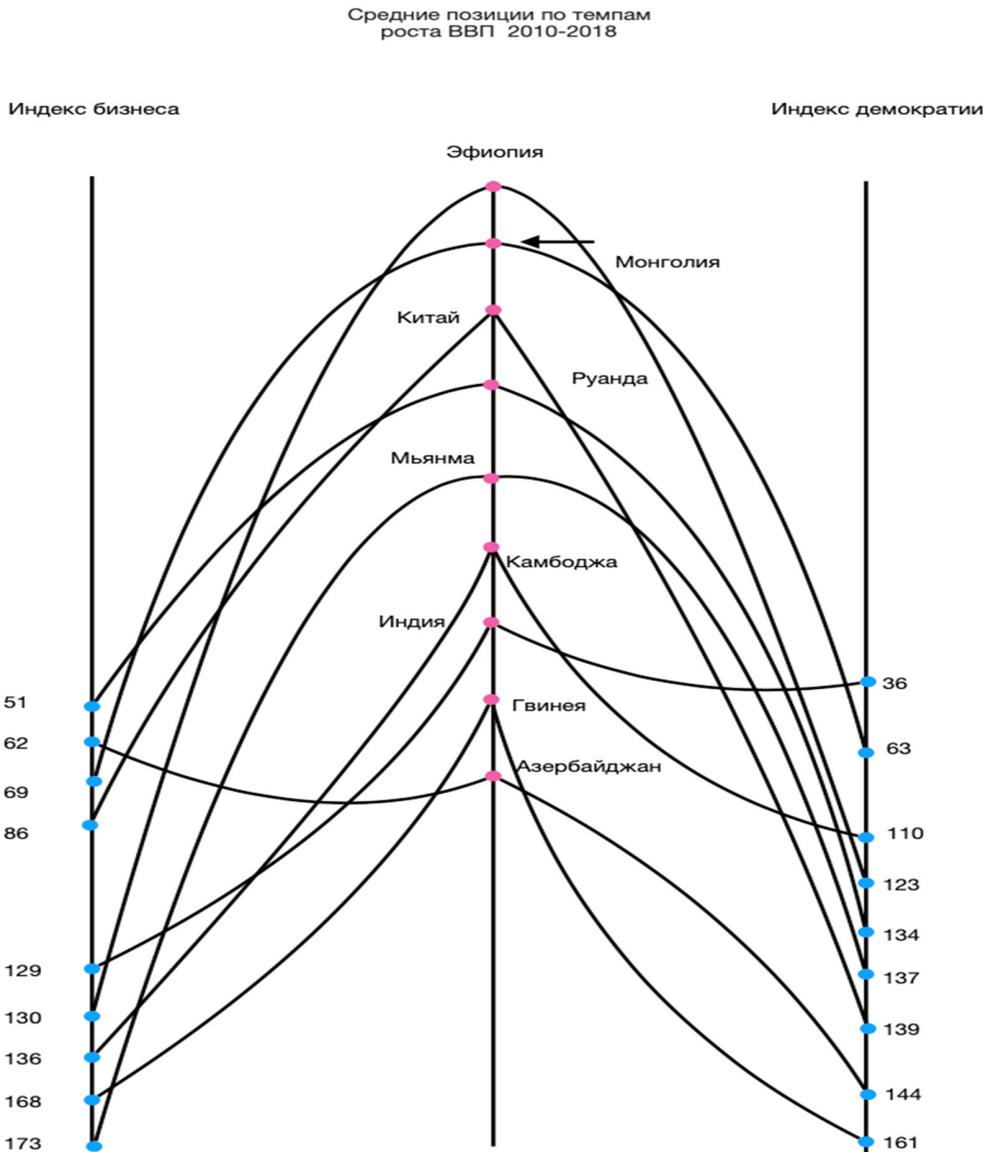

Рисунок 2. Сопоставление стран-лидеров по темпам экономического роста с позициями стран по «Индексу бизнеса» и «Индексу демократии», 2010-2018 гг.⁴

Figure 2. Comparison of leading countries' positions in the economic growth rate ranking with their positions in "Ease of Doing Business Index" and "Democracy Index", 2010-2018

⁴ Рассчитано авторами на основе данных World Bank (n.d.) Ease of Doing Business Rankings. Available at: <https://archive.doingbusiness.org/en/rankings> (accessed 8 July 2024); Economist Intelligence Unit (n.d.) Democracy Index. Available at: <https://www.eiu.com/topic/democracy-index> (accessed 8 July 2024); World Bank (n.d.) GDP growth (annual %). Available at: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG> (accessed 8 July 2024).

Данные корреляционного анализа для стран, лидирующих по темпам экономического роста в 2010–2018 гг., свидетельствуют о сильной взаимосвязи между тремя переменными только для Камбоджи и Монголии. В частности, наблюдается отрицательная корреляция между позициями в «Индексе бизнеса» и темпами экономического роста, а также положительная корреляция между позициями в «Индексе демократии» и темпами роста. Выявленная высокая степень корреляции между качеством экономических институтов и высокими темпами экономического роста в Мьянме вызывает сомнения, поскольку эта страна была включена в «Индекс бизнеса» только в 2014 г.

Для Гвинеи и Индии также зафиксированы относительно сильные корреляционные связи между позициями по качеству демократических институтов и темпами экономического роста. Вместе с тем средние за девять лет позиции этих стран в «Индексе демократии» существенно различаются: Индия стабильно входит в топ-10 «дефектных демократий», в то время как Гвинея остается на нижних позициях среди авторитарных режимов. В случае Китая корреляция между позицией в «Индексе демократии» и темпами экономического роста не оказалась значимой, что объясняется относительно невысокими показателями страны в рейтингах западных демократических ценностей.

Среди стран с наиболее высокими темпами экономического роста за 2010–2018 гг., к которым относятся Эфиопия, Монголия, Китай, Руанда, Мьянма, Камбоджа, Индия, Гвинея и Азербайджан, относительно высокие позиции в «Индексе демократии» по среднему значению за девять лет занимают Индия (36 место, «дефектная демократия») и Монголия (63 место «дефектная демократия»). Основная же группа этих стран относится к авторитарным режимам. В то же время ни одна из стран-лидеров по темпам экономического роста не вошла в первые 50 позиций по «Индексу бизнеса», а пять стран находятся за пределами первой сотни.

Это позволяет заключить, что западные демократические политические институты и рыночные экономические практики не гарантируют устойчивого экономического роста в среднесрочной перспективе. В действительности страны с низкими позициями в «Индексе демократии» и «Индексе бизнеса» демонстрируют более высокие темпы экономического роста. Вопрос о том, в какой степени этот результат связан с экономической депрессией и низкими темпами роста экономик стран Запада после кризиса 2008 г., эффектом низкой базы для ряда развивающихся стран, высоким качеством «недемократических институтов» Китая или благоприятной внешнеэкономической конъюнктурой, требует дальнейшего анализа.

Вместе с тем значимая положительная корреляция между позициями в «Индексе демократии» и темпами экономического роста обнаружена для пяти стран, а между позициями в «Индексе бизнеса» и темпами роста – для трех стран, что может служить подтверждением гипотезы Р. Барро о положительном влиянии демократических и рыночных институтов в начальной фазе трансформации авторитарных режимов (Barro, 1994).

Показатели России также рассматриваются с помощью корреляционного анализа. Как и для предшествующих стран, основной переменной выступает позиция страны по темпам роста ВВП, в качестве второстепенных переменных используются позиции в «Индексе демократии» и «Индексе бизнеса». Расчет парных коэффициентов корреляции позволил выявить взаимосвязи между этими переменными.

Таблица 3. Позиции России в «Индексе демократии», «Индексе бизнеса», рейтинге стран мира по темпам экономического роста, 2010–2018 гг.⁵
Table 3. Russia's positions in the economic growth rate ranking, "Ease of Doing Business Index" and "Democracy Index", 2010–2018

Год	Позиция России в «Индексе демократии»	Позиция России «Индексе бизнеса»	Позиция России в рейтинге стран мира по темпам экономического роста
2010	107	120	96
2011	117	123	90
2012	122	120	92
2013	125	112	150
2014	132	92	171
2015	132	62	193
2016	134	51	177
2017	135	40	152
2018	144	35	129

Таблица 4. Расчет параметров для вычисления коэффициента корреляции позиций России в «Индексе демократии» (Y), рейтинге стран мира по темпам экономического роста (X)

Table 4. Calculation of correlation coefficient parameters for Russia's positions in the "Democracy Index" (Y) and in the economic growth rate ranking (X)

	Y	X	$Y - Y_{cp}$	$X - X_{cp}$	$\frac{(Y - Y_{cp})}{(X - X_{cp})}$	$(Y - Y_{cp})^2$	$(X - X_{cp})^2$
	107	96	-20,6	-42,9	881,6	422,5	1839,5
	117	90	-10,6	-48,9	516,0	111,4	2390,1
	122	92	-5,6	-46,9	260,5	30,9	2198,6
	125	150	-2,6	11,1	-28,4	6,5	123,5
	132	171	4,4	32,1	142,7	19,8	1031,1
	132	193	4,4	54,1	240,5	19,8	2928,0
	134	177	6,4	38,1	245,6	41,5	1452,5
	135	152	7,4	13,1	97,6	55,4	171,9
	144	129	16,4	-9,9	-162,6	270,4	97,8
Среднее	127,6	138,8			2193,6	978,2	12232,9

$r = 0,634111$ – положительная корреляционная зависимость, средняя сила связи.

⁵ Рассчитано авторами на основе данных *World Bank* (n.d.) Ease of Doing Business Rankings. Available at: <https://archive.doingbusiness.org/en/rankings> (accessed 8 July 2024); *Economist Intelligence Unit* (n.d.) Democracy Index. Available at: <https://www.eiu.com/topic/democracy-index> (accessed 8 July 2024); *World Bank* (n.d.) GDP growth (annual %). Available at: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG> (accessed 8 July 2024).

Таблица 5. Расчет параметров для вычисления коэффициента корреляции позиций России в «Индексе бизнеса» (Y), рейтинге стран мира по темпам экономического роста (X)

Table 5. Calculation of correlation coefficient parameters for Russia's positions in the "Ease of Doing Business Index" (Y) and in the economic growth rate ranking (X)

	Y	X	$Y - Y_{\text{ср}}$	$X - X_{\text{ср}}$	$(Y - Y_{\text{ср}})(X - X_{\text{ср}})$	$(Y - Y_{\text{ср}})^2$	$(X - X_{\text{ср}})^2$
	120	96	36,1	-42,9	-1548,8	1304,0	1839,5
	123	90	39,1	-48,9	-1912,1	1529,7	2390,1
	120	92	36,1	-46,9	-1693,2	1304,0	2198,6
	112	150	28,1	11,1	312,3	790,2	123,5
	92	171	8,1	32,1	260,5	65,8	1031,1
	62	193	-21,9	54,1	-1184,4	479,1	2928,0
	51	177	-32,9	38,1	-1253,4	1081,7	1452,5
	40	152	-43,9	13,1	-575,4	1926,2	171,9
	35	129	-48,9	-9,9	483,5	2390,1	97,8
Среднее	83,8	138,8			-7111,1	10870,9	12232,9

$r = -0,616652$ – отрицательная корреляционная зависимость, средняя сила связи.

В случае России результаты корреляционного анализа представляются достаточно парадоксальными. Коэффициент корреляции между позицией страны в «Индексе демократии» и темпами экономического роста за 2010–2018 гг. составил 0,63, что указывает на наличие средней по силе связи между переменными: чем хуже оценивалось качество демократических институтов России, тем хуже оказывались ее объективные показатели по темпам экономического роста. В то же время корреляционный анализ позиции России в «Индексе бизнеса» и позицией по темпам экономического роста выявил отрицательную корреляцию средней силы (-0,62). Это свидетельствует о том, что повышение страны в международной экспертной оценке качества экономических институтов ассоциировано с ухудшением результатов по показателю экономического роста.

Хотя результаты корреляции качества демократических институтов и темпов роста экономики укладываются в рамки неоинституциональной теории, отрицательная корреляция между качеством экономических институтов и темпами роста выходит за пределы объясняющей силы теории и требует дополнительного анализа. Для более глубокого понимания случая России можно использовать разработки Г.Б. Клейнера о взаимовлиянии различных подсистем социально-экономического пространства (Клейнер, 2020), Р.М. Нуреева о влиянии системы институтов на экономическое развитие и возможности ее использования для модернизации (Нуреев, 2017), А.А. Аузана о влиянии неформальных институтов на траекторию экономического развития («коляя торможения») (Аузан, 2017).

В качестве гипотез, объясняющих парадокс российского кейса, можно выдвинуть три предположения. Во-первых, низкие темпы экономического роста России могут быть обусловлены эффектом «идеального шторма», когда

на экономику одновременно повлияли три независимых фактора: падение мировых цен на энергоносители, антироссийские санкции и последствия глобального экономического спада после кризиса 2008 г.

Во-вторых, методология «Индекса бизнеса» не учитывает ряд факторов, которые в рамках парадигмы рыночного либерализма считаются несущественными, но могут оказывать значительное влияние на экономику России. К этим факторам относятся вмешательство силовых структур и правоохранительных органов в экономические процессы, высокий уровень огосударствления экономики, а также сознательная политика правительства по замораживанию средств в ущерб инвестициям.

В-третьих, Россия традиционно входит в число стран с высоким уровнем теневой экономики, которая не учитывается в официальной отечественной и международной статистике при расчете темпов роста ВВП. Можно предположить, что субъекты теневой экономики не воспринимают улучшение позиции России в «Индексе бизнеса» как положительный сигнал, продолжая создавать товары и оказывать услуги вне официального учета. Включение теневого сектора в расчеты могло бы скорректировать показатели ВВП и темпов экономического роста России в сторону увеличения.

Тем не менее результаты исследования не подтверждают жесткой детерминированности темпов экономического роста качеством институтов, измеряемым по модели либеральной демократии с рыночной экономикой. Это ставит под сомнение ключевые постулаты неоинституционализма, которые его сторонники возводят в доминирующую доктрину. Подобные результаты побуждают к поиску альтернативных оснований экономического роста и пересмотру критериев, используемых для оценки качества институтов.

Ключи роста

По мере накопления множества отклоняющихся случаев взгляды основоположников теории эволюционировали от детерминизма институтов к многофакторным моделям экономического роста. Если в ранних работах Д. Норт рассматривал институты как ключ к пониманию изменений, формирующих структуру экономических стимулов, то в более поздних трудах он также признает значимость культуры как важного фактора, определяющего эффективность экономик и государств. Кроме того, в дальнейшем ключом к пониманию процесса изменений им признается «свобода воли» и интенции игроков. Д. Норт пришел к выводу, что под влиянием различных факторов в каждой стране формируется уникальная институциональная структура, обуславливающая траекторию экономического развития (North, 2005).

Полученные в исследовании результаты вносят вклад в дискуссию о степени взаимосвязи между качеством политических и экономических институтов и темпами экономического роста. По мнению Э. Глезера и соавторов, большинство показателей качества институтов, используемых для подтверждения их функциональной связи с экономическим ростом, концептуально неадекватны, а методики применения инструментальных переменных несовершенны.

Ряд кейсов показывает, что (а) человеческий капитал является более значимым источником роста, чем институты, (b) бедные страны выходят из положения посредством эффективной экономической политики, которую часто проводят авторитарные лидеры, и (c) впоследствии происходит улучшение политических институтов (Glaeser et al., 2004).

Российские исследователи В. Полтерович и В. Попов, исходя из представления о необходимости правопорядка для обеспечения устойчивого экономического развития, приходят к двум связанным выводам. Во-первых, в странах с сильным правопорядком демократизация способствует экономическому росту, тогда как в странах со слабым правопорядком она, напротив, подрывает его. Во-вторых, демократизация в условиях слабого правопорядка приводит к формированию нелиберальных демократий, в которых ослабляется институциональный потенциал государства, снижается качество макроэкономической политики и расширяется теневая экономика (Полтерович & Попов, 2006).

Ряд авторов, исследующих влияние качества институтов на экономический рост, приходят к неоднозначным выводам. С одной стороны, некоторые исследования указывают на важность эффективного государственного управления как важного элемента долгосрочного экономического развития (Savoia & Sen, 2015). С другой стороны, отмечается, что страны с изначально низким качеством институтов испытывают затруднения в ускорении экономического роста и, как правило, отстают от стран с высоким качеством институтов (Savoia & Sen, 2016). Большинство исследований подтверждают тезис о положительном влиянии качества институтов на экономические показатели. Вместе с тем при рассмотрении обширной выборки исследований, изучающих влияние институтов на экономический рост, выявляется значительная публикационная предвзятость, при которой в публикации попадают преимущественно исследования с положительными результатами, даже если они не подтверждают эмпирический эффект (Kar, Roy & Sen, 2019).

Полученные авторами результаты подкрепляют тезис Х.-Дж. Чанга о том, что обратная причинно-следственная связь – от экономического роста к качеству институтов – является более значимой, чем влияние качества институтов на экономический рост. Неинституциональный дискурс сталкивается с рядом теоретических проблем. Во-первых, вера в свободный рынок и защиту частной собственности часто приводит к пренебрежению рациональным поиском причинно-следственных связей между развитием и институтами. Во-вторых, доказательства превосходства либеральных институтов зачастую зависят от исследований, основанных на дефектных концепциях и некорректных измерениях (Chang, 2011).

В ряде случаев утверждается обратная взаимосвязь, согласно которой экономическое развитие меняет общественные институты. Влияние экономического развития на институты может быть даже сильнее, чем обратное влияние институтов на экономическое развитие. Повышение благосостояния, обусловленное экономическим ростом, может способствовать повышению

спроса на более качественные институты и сделать их более доступными. Экономическое развитие также создает новых агентов перемен, формирующих новые институты (Gagliardi, 2017). В некоторых странах, несмотря на заимствование западных институтов, экономический рост остается неустойчивым, тогда как в ряде других стран с институциональными структурами, отличными от западных, наблюдается стабильный высокий рост экономики и благосостояния (Valeriani & Peluso, 2011).

Исследователи выявляют закономерность: институциональные реформы способствуют экономическому росту в развитых демократических странах, но не оказывают аналогичного эффекта в недемократических государствах (Iqbal & Daly, 2014). Сравнение экономических показателей стран мира показывает, что многие развивающиеся страны демонстрируют высокий темп роста, используя возможности «наверстать упущенное». Россия представляется парадоксальным случаем: улучшение экономических институтов происходило одновременно с ослаблением демократических институтов, при этом ее средняя позиция по темпам экономического роста в 2010–2018 гг. соответствовала показателям Канады и США, а не государств со схожими позициями по индексам демократии и бизнеса.

Таким образом, можно заключить, что современная система критериев качества институтов продиктована доминирующими идеологическими представлениями о либеральной демократии и предопределенности. Она не соответствует реалиям экономического развития и принципам эффективности, многофакторности и разнообразия. Институциональный детерминизм в целом и доминирующая модель оценки качества институтов в частности требуют критического переосмысления, поскольку не могут в полной мере объяснить траектории развития стран. Как показывает новейшая история, политические лидеры и элиты, обладающие свободой воли, продвигающие национальные интересы и принимающие перспективные решения, приводят свои народы к экономическому благосостоянию. Каждая страна потенциально способна выйти из «плена институтов» и совершить экономический скачок «из третьего мира в первый» (Lee, 2000).

Список литературы

1. Асемоглу Д. (2018) *Введение в теорию современного экономического роста*. В 2-х кн. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.
2. Аузан А. А. (2017) Развитие и «колея» зависимости. *Мировая экономика и международные отношения* 61(10): 96–105. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-10-96-105.
3. Клейнер Г. Б. (2020) Системная реконструкция российского социально-экономического пространства. *Экономическое возрождение России* 2: 59–69. DOI: 10.37930/1990-9780-2020-2-64-59-69.
4. Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. (2011) *Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества*. М.: Изд. Института Гайдара.

6. Нуреев Р. М. (2009) *Россия: особенности институционального развития: монография*. М.: НОРМА.
7. Полтерович В. М. & Попов В. В. (2006) Демократия, качество институтов и экономический рост. *Прогнозис* 3: 115–132.
8. Acemoglu D. (2009) *Introduction to Modern Economic Growth*. Princeton: Princeton University Press.
9. Acemoglu D., Johnson S. & Robinson J. (2005) Institutions as the Fundamental Cause of Long-Run Growth. In: *Handbook of Economic Growth*. Amsterdam: Elsevier North-Holland, pp. 385–472.
10. Barro R. (1994) Democracy & Growth. Working Paper 4909. *National Bureau of Economic Research*.
11. Bodoh-Creed A. L. (2019) Endogenous Institutional Selection, Building Trust, and Economic Growth. *Games and Economic Behavior* 114: 169–176. DOI: 10.1016/j.geb.2019.01.005.
12. Chang H.-J. (2011) Institutions and Economic Development: Theory, Policy and History. *Journal of Institutional Economics* 7(4): 473–498. DOI: 10.1017/S1744137410000378.
13. Efendic A., Pugh G. & Adnett N. (2011) Institutions and Economic Performance: A Meta-Regression Analysis. *European Journal of Political Economy* 27(3): 586–599.
14. Gagliardi F. (2017) Institutions and Economic Change. *Journal of Comparative Economics* 45(1): 213–215. DOI: 10.1016/j.ejpoleco.2010.12.003.
15. Glaeser E. L., Porta R., Lopez-de-Silanes F. & Shleifer A. (2004) Do Institutions Cause Growth? *Journal of Economic Growth* 9: 271–303. DOI: 10.1023/B:JOEG.0000038933.16398.ed.
16. Iqbal N. & Daly V. (2014) Rent Seeking Opportunities and Economic Growth in Transitional Economies. *Economic Modelling* 37: 16–22. DOI: 10.1016/j.econmod.2013.10.029.
17. Kar S., Roy A. & Sen K. (2019) The Double Trap: Institutions and Economic Development. *Economic Modelling* 76: 243–259. DOI: 10.1016/j.econmod.2018.08.002.
18. Lee Kuan Yew. (2000) *From Third World to First: The Singapore Story – 1965–2000*. Harper.
19. Nawaz S. (2015) Growth Effects of Institutions: A Disaggregated Analysis. *Economic Modelling* 45: 118–126. DOI: 10.1016/j.econmod.2014.11.017.
20. North D. C. (1989) Institutions and Economic Growth: An Historical Introduction. *World Development* 17(9): 1319–1332.
21. North D. C. (2005) *Understanding the Process of Economic Change*. Princeton: Princeton University Press.
22. Olson M. (2000) Big Bills Left on Sidewalk: Why Some Nations Are Rich, and Others Poor. In: *A Not-So-Dismal Science: A Broader View of Economies and Societies*. Oxford: Oxford University Press.
23. Olson M., Sarna N. & Swamy A. V. (2000) Governance and Growth: A Simple Hypothesis Explaining Cross-Country Differences in Productivity. *Public Choice* 102(3–4): 341–364.
24. Przeworski A. & Limongi F. (1993) Political Regimes and Economic Growth. *Journal of Economic Perspectives* 7(3): 51–69. DOI: 10.1257/jep.7.3.51.
25. Putnam R., Leonardi R. & Nonetti R. (1993) *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*. Princeton: Princeton University Press.
26. Sachs J. (2012) Government, Geography, and Growth. The True Drivers of Economic Development. *Foreign Affairs* 91(5): 142–150.
27. Savoia A. & Sen K. (2016) Do We See Convergence in Institutions? A Cross-Country Analysis. *The Journal of Development Studies* 52(2): 166–185. DOI: 10.1080/00220388.2015.1060315.
28. Savoia A. & Sen K. (2015) Measurement, Evolution, Determinants and Consequences of State Capacity: A Review of Recent Research. *Journal of Economic Surveys* 29: 441–458. DOI: 10.1111/joes.12065.
29. Valeriani E. & Peluso S. (2011) The Impact of Institutional Quality on Economic Growth and Development: An Empirical Study. *Journal of Knowledge Management, Economics and Information Technology* 1(6): 274–299.

INFLUENCE OF QUALITY OF POLITICAL AND ECONOMIC INSTITUTIONS ON GDP GROWTH

Dr. Sergey V. RASTORGUEV – Professor at the Department of Political Science, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation.

ORCID: 0000-0003-1185-9374. E-mail: srastorguev@fa.ru
49/2 Leningradsky Prospect, Moscow, Russia, 125167.

Dr. Elena V. BRODOVSKAYA – Professor at the Department of Political Science, Faculty of Social Sciences and Mass Communications; Chief Researcher at the Center for Political Research of the Institute of Humanitarian Technologies and Social Engineering, Financial University under the Government of the Russian Federation.

ORCID: 0000-0001-5549-8107. E-mail: evbrodovskaya@fa.ru
49/2 Leningradsky Prospect, Moscow, Russia, 125167.

Dr. Roman V. PARMA – Associate Professor at the Department of Political Science, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation.

ORCID: 0000-0002-3413-4264. E-mail: rvparma@fa.ru
49/2 Leningradsky Prospect, Moscow, Russia, 125167.

Received July 4, 2023

Accepted October 28, 2024

Abstract: This article investigates the relationship between the quality of political and economic institutions and economic growth. The study aims to empirically test the hypothesis of an interdependence between institutional quality and GDP growth rates following the global economic crisis of 2008–2009. The analysis focuses on the period of stable global economic growth from 2010 to 2018, with the upper boundary set at the onset of the COVID-19 crisis. To assess the quality of political institutions, each country's average "Democracy Index" ranking over the nine-year period is used. Economic institutional quality is measured via the country's average position in the "Ease of Doing Business Index" over the same timeframe. Economic growth rates are determined by calculating the average ranking of countries over nine years according to World Bank data. Correlation analysis reveals that, in the post-crisis period, countries with lower positions in both indexes experienced the highest growth rates, while those leading in these rankings displayed comparatively lower economic growth. These observed differences may be attributable to the low-base effect in some rapidly growing countries and the effective economic policies of their elites. In contrast, the case of Russia highlights a unique pattern, where a low «Democracy Index» position correlates with a low economic growth rate, and a relatively favorable «Ease of Doing Business Index» position corresponds to lower growth – a paradox that may be explained by the severe negative impacts of the global economic crisis, anti-Russian sanctions, and ineffective economic policy. The findings underscore the need to further develop research methodologies at the intersection of political science and economics to deepen our understanding of the relationship between institutional quality across different sectors and macroeconomic performance dynamics.

Keywords: neo-institutional approach, global indices, political institutions, economic institutions, economic growth, GDP, economic policy

References:

1. Acemoglu D. (2009) *Introduction to Modern Economic Growth*. Princeton: Princeton University Press.
2. Acemoglu D., Johnson S. & Robinson J. (2005) Institutions as the Fundamental Cause of Long-Run Growth. In: *Handbook of Economic Growth*. Amsterdam: Elsevier North-Holland, pp. 385-472.
3. Acemoglu D. (2018) *Vvedenie v teoriju sovremennogo ekonomicheskogo rosta. V 2-kh kn. [Introduction to the Theory of Modern Economic Growth. In 2 Vols.]*. M.: Izdatel'skij dom "Delo" RANKhiGS. (In Russian).
4. Auzan A.A. (2017) Razvitie i "koleja" zavisimosti [Path Dependence Problem and Possibilities of Its Overcoming]. *Mirovaja ekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija [World Economy and International Relations]* 61(10): 96-105. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-10-96-105. (In Russian).
5. Barro R. (1994) Democracy & Growth. Working Paper 4909. *National Bureau of Economic Research*.
6. Bodoh-Creed A. L. (2019) Endogenous Institutional Selection, Building Trust, and Economic Growth. *Games and Economic Behavior* 114: 169-176. DOI: 10.1016/j.geb.2019.01.005.
7. Chang H.-J. (2011) Institutions and Economic Development: Theory, Policy and History. *Journal of Institutional Economics* 7(4): 473-498. DOI: 10.1017/S1744137410000378.
8. Efendic A., Pugh G. & Adnett N. (2011) Institutions and Economic Performance: A Meta-Regression Analysis. *European Journal of Political Economy* 27(3): 586-599.
9. Gagliardi F. (2017) Institutions and Economic Change. *Journal of Comparative Economics* 45(1): 213-215. DOI: 10.1016/j.ejpoleco.2010.12.003.
10. Glaeser E. L., Porta R., Lopez-de-Silanes F. & Shleifer A. (2004) Do Institutions Cause Growth? *Journal of Economic Growth* 9: 271-303. DOI: 10.1023/B:JOEG.0000038933.16398.ed.
11. Iqbal N. & Daly V. (2014) Rent Seeking Opportunities and Economic Growth in Transitional Economies. *Economic Modelling* 37: 16-22. DOI: 10.1016/j.econmod.2013.10.029.
12. Kar S., Roy A. & Sen K. (2019) The Double Trap: Institutions and Economic Development. *Economic Modelling* 76: 243-259. DOI: 10.1016/j.econmod.2018.08.002.
13. Klejner G.B. (2020) Sistemnaja rekonstrukcija rossijskogo social'no-jekonomicheskogo prostranstva [Systemic Reconstruction of the Russian Socio-Economic Space]. *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii [Economic Revival of Russia]* 2: 59-69. DOI: 10.37930/1990-9780-2020-2-64-59-69. (In Russian).
14. Lee Kuan Yew. (2000) *From Third World to First: The Singapore Story - 1965-2000*. Harper.
15. Nawaz S. (2015) Growth Effects of Institutions: A Disaggregated Analysis. *Economic Modelling* 45: 118-126. DOI: 10.1016/j.econmod.2014.11.017.
16. North D. C. (1989) Institutions and Economic Growth: An Historical Introduction. *World Development* 17(9): 1319-1332.
17. North D. C. (2005) *Understanding the Process of Economic Change*. Princeton: Princeton University Press.
18. Nort D., Uollis D., Vayngast B. (2011) *Nasilije i sotsialnyye poryadki. Kontseptualnyye ramki dlya interpretatsii pismennoj istorii chelovechestva [Violence and Social Order. A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History]*. M.: Izd. Instituta Gaydara. (In Russian).
19. Nureev R.M. (2009) *Rossija: osobennosti institucional'nogo razvitija: monografija [Russia: Features of Institutional Development: Monograph]*. M.: NORMA. (In Russian).
20. Olson M. (2000) Big Bills Left on Sidewalk: Why Some Nations Are Rich, and Others Poor. In: *A Not-So-Dismal Science: A Broader View of Economies and Societies*. Oxford: Oxford University Press.
21. Olson M., Sarna N. & Swamy A. V. (2000) Governance and Growth: A Simple Hypothesis Explaining Cross-Country Differences in Productivity. *Public Choice* 102(3-4): 341-364.

22. Polterovich V.M. & Popov V.V. (2006) Demokratija, kachestvo institutov i ekonomicheskij rost [Democracy, Quality of Institutions, and Economic Growth]. *Prognosis [Prognosis]* 3: 115-132. (In Russian).
23. Przeworski A. & Limongi F. (1993) Political Regimes and Economic Growth. *Journal of Economic Perspectives* 7(3): 51-69. DOI: 10.1257/jep.7.3.51.
24. Putnam R., Leonardi R. & Nonetti R. (1993) *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*. Princeton: Princeton University Press.
25. Sachs J. (2012) Government, Geography, and Growth. The True Drivers of Economic Development. *Foreign Affairs* 91(5): 142-150.
26. Savoia A. & Sen K. (2015) Measurement, Evolution, Determinants and Consequences of State Capacity: A Review of Recent Research. *Journal of Economic Surveys* 29: 441-458. DOI: 10.1111/joes.12065.
27. Savoia A. & Sen K. (2016) Do We See Convergence in Institutions? A Cross-Country Analysis. *The Journal of Development Studies* 52(2): 166-185. DOI: 10.1080/00220388.2015.1060315.
28. Valeriani E. & Peluso S. (2011) The Impact of Institutional Quality on Economic Growth and Development: An Empirical Study. *Journal of Knowledge Management, Economics and Information Technology* 1(6): 274-299.

ПРОЕКТ ЕС – АФРИКА: ИЗМЕНЕНИЕ СТРАТЕГИИ В УСЛОВИЯХ КОНКУРЕНЦИИ

Ольга ТРОФИМОВА, Николай ПОДЧАСОВ, Александр КУЛИНИЧ
ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН

Аннотация: Цель данной работы – выявить изменения приоритетов африканской стратегии ЕС, стремящегося сохранить свои позиции континенте в условиях конкуренции со стороны таких акторов, как США и Китай, а также проследить эволюцию форматов связей и влияния интеграционных процессов на модель отношений ЕС – Африка. Авторы используют междисциплинарный подход, комплексный историко-описательный, или нарративный, метод и сравнительный анализ для определения новых трендов в сотрудничестве ЕС со странами Африки. В их числе – переход к мультилатерализму и регионализации; задействование элементов интеграции и внешней европеизации как сближения процедур, практик и норм при реализации новых проектов сотрудничества в Африке; использование инструментов «мягкой силы»; декларирование «равноправия партнеров»; политизация взаимодействия ЕС – Африка. Но эффективность европеизации – переноса европейской системы ценностей и строительства демократии в африканских странах с другими цивилизационными нормами – весьма ограничена, поэтому страны ЕС следуют институциональной логике в отношении с ними. Авторы отмечают, что процессы региональной интеграции в Африке – один из результатов углубления взаимосвязей при сохраняющейся их асимметрии и важное отличие проекта ЕС – Африка от других моделей взаимодействия. Асимметрия проявляется в экономических отношениях (торговые соглашения), признании «равноправности» партнеров,

Ольга Ефимовна Трофимова – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник сектора исследований Европейского союза, Центр европейских исследований, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН.
ORCID: 0000-0001-8788-5064. E-mail: olgatrofimova53@mail.ru
117997, Москва, ул. Профсоюзная, д. 23.

Николай Алексеевич Подчасов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора исследований Европейского союза, Центр европейских исследований, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН.
ORCID: 0000-0003-3075-9651. E-mail: nickpodchasov@yandex.ru
117997, Москва, ул. Профсоюзная, д. 23.

Александр Дмитриевич Кулинич – младший научный сотрудник сектора исследований Европейского союза, Центр европейских исследований, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН.
ORCID: 0009-0003-2753-8476. E-mail: kulinich.a.d@my.mgimo.ru
117997, Москва, ул. Профсоюзная, д. 23.

Поступила в редакцию: 11.07.2024

Принята к публикации: 30.09.2024

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарность. Статья подготовлена при поддержке гранта Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития №075-15-2024-551 «Глобальные и региональные центры силы в формирующемся мироустройстве».

различных позициях в новом мировом порядке и внутристрановых условиях развития, а также финансовых и кадровых возможностях стран Африки. Не менее актуальным является анализ усиливающейся конкуренции ЕС с США и Китаем в Африке, выявление специфики их связей с континентом, перспектив развития сотрудничества ЕС с Африкой в новых условиях и возможной неэффективности очередного проекта ЕС – Африка.

Ключевые слова: Европейский союз, стратегия, равноправие партнеров, регионализация, интеграционные процессы, торговля, инвестиции, помощь развитию, конкуренция, США, Китай

Введение

Отношения ЕС с африканским континентом остаются приоритетным направлением его внешнеэкономической и внешнеполитической стратегий и состоят из двух блоков: 1) сотрудничество с государствами Африки южнее Сахары в рамках Ломейских конвенций, а также соглашений Котону и Сомао; 2) взаимодействие с Северной Африкой. В обмен на доступ к природным ресурсам и ряду товаров, а также льготные условия для инвестиций африканским государствам были предложены торговые преференции и помощь в развитии. Эти связи были институционализированы посредством соглашений об экономическом партнерстве (*EPAs*) с государствами Африки, бассейнов Карибского моря и Тихого океана (АКТ). Иными словами, это был более широкий формат взаимодействия, в котором Африке отводилась приоритетная роль.

Под влиянием экономических и социально-политических изменений в Европе (включая расширение ЕС) и Африке южнее Сахары, а также общемировых тенденций, таких как глобализация и регионализация, система отношений постепенно трансформировалась. Традиционный двусторонний подход перестал быть преобладающим, появился многосторонний формат взаимодействия. Модель «государство с государством» сменилась на более глобальную систему «континент с континентом», в рамках которой развиваются связи ЕС с региональными объединениями в Африке.

Вторым направлением африканской стратегии ЕС стали отношения с государствами Северной Африки. Благодаря их выгодному географическому положению, наличию значительных запасов энергоресурсов и более высокому уровню экономического развития проведение средиземноморской политики оказалось успешнее. В целом же результативность проектов ЕС в Африке оставалась низкой, для сохранения влияния на континенте требовался их перезапуск. Отношения ЕС – Африка изначально характеризовались асимметричностью и до сих пор представляют собой «неравноправное партнерство», которое Европейский союз с помощью постоянно меняющихся механизмов пытается представить как «равноправное». Как результат – бюрократизированная и малоэффективная система связей, не отвечающая современным реалиям.

Африканская политика США претерпела изменения после распада колониальной системы, но интерес к континенту как важному поставщику энергетических и других ресурсов не ослабевает. Они остаются активным игроком в Африке, используют точечный селективный подход для сохранения и продвижения своих экономических и политических интересов. США развивают связи с континентом в рамках Глобальной программы помощи в разных сферах, используют схожие с ЕС инструменты, такие как размещение военных контингентов, увязывание финансовой поддержки с выполнением выгодных для себя условий. США заинтересованы в сохранении партнерства, содействии демократии и безопасности на континенте, однако на фоне экономического кризиса им приходится рассчитывать скорее на свою дипломатию, чем на новые серьезные расходы.

Китай же стремится установить контроль над сырьевыми активами, диверсифицирует свою деятельность, выигрывает тендеры на крупные инфраструктурные проекты, предлагает льготные кредиты на более привлекательных условиях, инвестирует в промышленность континента. Китайская модель имеет ряд особенностей, что помогает успешно конкурировать с западной, опирающейся на традиционные механизмы.

В ответ на обозначенные вызовы Европейский союз предпринимает попытки усовершенствовать систему отношений с государствами континента, привнести в нее новые элементы; используя современные механизмы, содействовать развитию африканских стран при наименьших затратах и с привлечением последних к решению своих проблем.

Все три актора используют разные модели «мягкой силы» для того, чтобы конкурировать в Африке, не прибегая к насилию. Будучи наднациональной структурой, ЕС обладает совокупным экономическим и политическим потенциалом, представляет собой многокультурное общество и сам по себе является источником «мягкой силы», посредством которой распространяются европейские этические, политические и гуманитарные ценности. США же в целях продвижения своих интересов в Африке дополняют «мягкую силу» «жесткой», основанной на экономических и военных преимуществах. В свою очередь, китайская концепция «мягкой силы» базируется на ценностях социализма и традиционной национальной культуры; центральное место в ней занимает образование, одно из важных конкурентных преимуществ развития экономики, также призванное преодолеть возможные культурно-политические различия в отношениях с государствами Африки.

В ответ на усиление конкуренции в Африке изменилось и концептуальное видение системы отношений ЕС – Африка. Историками П. Хансеном и С. Джонсоном была обнаружена связь между колониализмом и европейской интеграцией. Она получила развитие в геополитической концепции «Еврафрика», изложенной в книге *“Eurafrica. Untold History of European Integration and Colonialism”* (Hansen & Jonsson, 2015). Авторы связывали усилия по объединению Европы с ее действиями по деколонизации в Африке из-за ослабления европейских держав после Второй мировой войны и позиций

США и СССР, выступавших против колониализма, и созданием новой системы взаимосвязей между двумя континентами. Европе не хватало природных ископаемых для превращения в важное экономическое и политическое объединение, обладающее колониями, обеспечивающими ее сырьем, дешевой сельхозпродукцией и рабочей силой. В 1950-е гг. теория оказала большое влияние на евроинтеграцию, так как существовала прямая связь между историей колониализма и историей европейской интеграции, а сама идея Еврафрики подразумевала реализацию евроинтеграции через совместную эксплуатацию Африки. В Римском договоре 1957 г. были закреплены особые отношения ЕЭС с бывшими колониями (ст. 131), и проект ЕЭС первое время воспринимался его создателями (Р. Шуман, К. Аденауэр, Ж. Монне и др.) как строительство Евроафрики, означавшей на деле «систему коллективного колониализма». В 1963 г. после создания Организации африканского единства (ОАЕ) процессы деколонизации были поставлены под международный контроль. В Лиссабонской декларации (декабрь 2007 г.) подчеркивалась необходимость расширения сотрудничества двух континентов в условиях усиления их взаимозависимости.

До 2000-х гг. теоретическое обоснование проекта ЕС – Африка основывалось на концепциях развития экономики, а также теориях деvelopeментализма, среди которых теория преобразования экономически слаборазвитых стран в развитые капиталистические (Amin, 1997; Мюрдаль, 1972), теории периферийного капитализма (Prebisch, 1976; Singer, 1975, Furtado, 1974) и сравнительных преимуществ (Рикардо, 2008).

Ослабление экономических позиций Европейского союза на фоне активного роста Китая и ряда стран с быстро развивающейся экономикой (Юго-Восточная Азия и Ближний Восток), несоответствие имеющихся у объединения операционных возможностей потребностям стран Африки, различия в интересах и культурно-цивилизационных ценностях привели к изменению концептуального подхода к взаимосвязям ЕС – Африка. Стали преобладать теории интерговернментализма (Milward, 1992), объясняющие интеграционные процессы внутри объединения и применимые к внешней политике африканских государств. Они дополнили подходы исторического институционализма и неонституционализма, в которых центральное место занимали концепции «зависимости от предшествующего развития» (*path dependency*) и «политики наследия» (*policy legacy*), объясняющие динамику отношений ЕС – Африка (Thelen, Steinmo & Longstreth, 1992; Pierson, 2003). В целом наметилась тенденция перехода от проекта «Еврафрика» к новой системе партнерских взаимосвязей «Афро-Европа», общей заинтересованности в них обоих континентов.

Модель ЕС – АКТ и Евро-средиземноморское партнерство до 2000-х гг.

Тема отношений Европы и Африки была достаточно глубоко изучена в работах советских ученых до 1990-х гг., хотя и несколько политизирована (Корендясов, 1969; Кириченко, 1974; Солодовников & Тарабрин, 1975). В 2000-х гг.

появился ряд исследований, в частности, Института Африки РАН, в которых взаимосвязи ЕС – Африка рассматриваются в условиях новых вызовов и с учетом изменений в африканских странах, развития европейской интеграции, а также усиления конкуренции со стороны других акторов (Абрамова, 2013; Подгорнова & Колкер, 1982; Васильев, 2012, Ткаченко & Кулькова, 2022). В работах других авторов также рассматриваются проблемы европейской интеграции и увязываются с отношениями с государствами Африки (Биссон, 2020).

Процессы европейской интеграции сыграли важную роль в формировании взаимосвязей между Африкой и ЕС. Можно выделить два направления их влияния: 1) построение особых отношений двух сторон с переносом элементов европейской интеграции, схожая институционализация этих связей, включение в них европейских ценностей (соблюдение прав человека, гендерное равенство, верховенство закона, борьба с коррупцией и др.); 2) процессы регионализации, появление дифференциации в системе связей ЕС – АКТ.

Проект ЕС – Африка прошел в своем развитии несколько этапов. В 1963 г. и в 1969 г. со странами Африки южнее Сахары были подписаны Яундские конвенции, направленные на развитие сотрудничества в рамках сложившейся постколониальной географии. Их содержание включало положения о прогрессивной отмене торговых тарифов, индустриализации и помощи развитию (Europe-Africa, 2019). Были созданы три института: Совет министров ЕС – АКТ (принимает решения), Комитет послов, состоящий из постоянных представителей этих стран (исполнительные и управленческие функции) и Совместная парламентская ассамблея (консультативный орган).

В 1975 г. была заключена 1-я Ломейская конвенция об установлении особых торговых отношений, ее подписали 9 стран ЕЭС и 46 стран АКТ. Она предусматривала свободный доступ почти всех товаров на рынки Сообщества, кроме чувствительных конкурирующих с сельским хозяйством ЕЭС и его текстильной промышленностью; готовая продукция стран ЕЭС подпадала под режим наибольшего благоприятствования (Europe-Africa, 2019). Были созданы Центр промышленного сотрудничества и Система стабилизации доходов от экспорта стран Африки, бассейна Карибского моря и Тихого океана (СТАБЕКС), компенсирующая потери для сельскохозяйственных товаров из стран АКТ.

В рамках 2-й Ломейской конвенции (1980–1985 гг.) 99,5% товаров стран АКТ ввозилось в ЕЭС беспошлинно, объем льготных кредитов из Европейского фонда развития (ЕФР) вырос, был создан Фонд стабилизации добывающей промышленности и экспорта минерального сырья (СИСМИН). В 3-й конвенции (1985–1990 гг.) приоритетное развитие промышленности сменилось на самодостаточное развитие и самообеспеченность, особенно в сфере продовольствия на фоне расширения ЕЭС на юг (в 1981 г. Греция, в 1986 г. Испания и Португалия). В 4-й конвенции (1990–2000 гг.) изменились условия предоставления помощи для соответствия требованиям рыночной экономики. Они коснулись управления госфинансами, что привело к уменьшению объема субсидий в странах АКТ (Europe-Africa, 2019).

Ломейские конвенции преподносились как особая система торгово-экономических отношений ЕС с развивающимися странами. По сути, они были неравноправными, если сравнивать макроэкономические показатели европейских и африканских государств, доходы на душу населения и социально-политическое устройство. Финансовые обязательства исполнялись с опозданием; кроме того, имело место несоответствие экономического потенциала АКТ финансовым возможностям Европейского союза. Доля ЕС в общей торговле сокращалась (с 2/3 в 1960 г. до 1/4 в 2011 г.) (Baier, 2019). В 1988 г. 1/2 экспорта АКТ в ЕС состояла из 10 товаров (Robertson, 2021). К 2000 г. доля стран АКТ в общем импорте ЕС снизилась с 7% до 3% в 1975–2000 гг. (Allen, 2002). Накопленные прямые иностранные инвестиции (ПИИ) из ЕС в странах Африки к концу 1999 г. составляли всего 39 млрд евро, или 3% от общей суммы¹. Впрочем, это был своего рода эксперимент с декларируемой целью защитить страны АКТ от последствий глобализации, оказать содействие их развитию: «Открылись возможности для развития крупных го-скомпаний, а потом и местного частного предпринимательства» (Никольская, Чкония & Победенный, 2024).

Значимым результатом стало ускорение региональной интеграции на континенте: «ЕС считает содействие региональной интеграции краеугольным камнем отношений с государствами, не являющимися его членами, и важным системообразующим элементом своей идентичности в качестве глобального актора» (Omolu, 2019). В 1975–2000 гг. в Африке были созданы региональные организации и континентальные, например, Африканский союз (АС), который Европейский союз считает полноценным актором, представляющим интересы всего континента. Более того, ЕС ведет с АС переговоры и заключает соглашения.

Отношения с Северной Африкой стали формироваться в 1960–70-е гг. Расположенные там государства имели разный статус: Ливия была итальянской колонией, Тунис и Марокко – протекторатами Франции до 1956 г., Алжир французы считали своей территорией до 1962 г. Египет чаще относят к ближневосточным странам, после постройки Суэцкого канала он превратился в скрытый протекторат Великобритании (Трофимова, 2011). Геополитически и географически в группу государств Южного Средиземноморья входили также Иордания, Ливан, Сирия, Турция, Ирак, а также Мальта и Кипр (до вступления в ЕС).

Евро-средиземноморское партнерство развивалось в несколько этапов: Глобальная средиземноморская политика; Барселонский процесс, или ЕВРОМЕД; Политика соседства; Союз для Средиземноморья. Появились элементы интеграции двух регионов в рамках «партнерского» сотрудничества благодаря комплексному подходу, включающему наряду с расширением

¹ *Eurostat* (2005) European Union foreign direct investment yearbook 2005. Data 1998–2003. Pocketbooks 2995 Edition. Available at: <https://ec.europa.eu/eurostat/en/web/products-pocketbooks/-/ks-bk-05-001> (accessed 4 November 2024).

экономических связей развитие отношений в политической и гуманитарной сферах, содействие демократизации, а также наметившееся формирование единого торгово-экономического пространства. Перечисленному препятствовали менее активные, чем в странах АКТ, процессы региональной интеграции.

Глобальная средиземноморская политика (*GMP*) предусматривала пятилетний период свободного таможенного режима, но на часть товаров он не распространялся (текстиль и сельхозпродукция). В 1980-е гг. двусторонние отношения дополнились многосторонним форматом. Расширение ЕЭС на юг привело к тому, что одни страны получили преференциальные соглашения, другие – соглашения об ассоциации, а третьи стали членами Сообщества. Избирательный подход негативно сказался на политике в регионе: произошло снижение объемов помощи из-за роста расходов на новые государства-члены.

В 1990-е гг. помимо расширения торговых преференций и увеличения инвестиций появились и другие инструменты финансового сотрудничества. Планировалось создать «ближневосточную экономическую зону» со свободным движением товаров, услуг, капиталов и трудовых ресурсов. Этот процесс шел на фоне создания единого внутреннего рынка ЕС, но завершен не был.

В середине 1990-х гг. увеличилась доля готовой продукции в экспорте отмеченных стран, стали формироваться совместные институты, однако процессы регионализации шли медленно, предпочтение отдавалось двусторонним связям с государствами – членами ЕС. В 1995 г. после подписания Барселонской декларации произошел сдвиг «от разрозненного «мозаичного» подхода к более конструктивной глобальной концепции в отношении средиземноморских стран, основанной на торговых, а позднее – и на финансовых инструментах» (Трофимова, 2011). Был заложен фундамент многостороннего партнерства ЕВРОМЕД.

2000-е гг.: соглашения Котону, Пост-Котону и Союз для Средиземноморья

В 2000 г. Ломейские конвенции сменило Соглашение Котону о торговле и помощи сроком на 20 лет с пересмотром каждые пять лет. Его подписание связано с разработкой новой модели отношений ЕС – АКТ и давлением со стороны международных финансовых и торговых организаций, настаивающих на правилах нового экономического порядка (общность интересов, пересмотр правил международной торговли, активизация участия развивающихся стран в мировой торговле и снижение барьеров в ней на взаимных условиях и др.) и соответствии правилам ВТО. Соглашение Котону менее выгодно для стран АКТ, поскольку содержит требование о взаимной отмене пошлин и либерализации торговли в соответствии с принципом «равноправного партнерства» (Europe-Africa, 2011). С 2007 г. страны АКТ могли заключать соглашения об экономическом партнерстве (СЭП), предполагавшие взаимную либерализацию торговли с ЕС в ближайшие 10-12 лет (экономически наименее развитые страны продолжили пользоваться односторонними преференциями

в экспорте). Усилилась политическая составляющая сотрудничества, выступавшая одним из трех столпов Соглашения наряду с торгово-экономическим партнерством и сотрудничеством в области развития. Среди декларируемых целей значились снижение уровня бедности, содействие интеграции стран АКТ в мировую экономику, повышение их конкурентоспособности.

Прежние форматы связей в Соглашении дополнились новыми принципами (участие частного сектора, неправительственных акторов; взаимная ответственность и исполнение принятых обязательств обеими сторонами; регионализация и дифференциация, подразумевающие разный подход в зависимости от потребностей, уровня развития и стратегий). В нем содержалось несколько инновационных положений: 1) увязывание помощи развитию с выполнением стандартов ЕС в политической сфере; 2) замена торговых преференций соглашениями о партнерстве в соответствии с правилами ВТО; 3) новый политико-институциональный формат, основанный на требованиях соблюдать права человека, иными словами обусловленность финансовых проектов политическим диалогом; 4) взаимная ответственность и исполнение принятых обязательств. Курс на разделение ответственности привел к увеличению числа стратегических документов и консультаций в рамках ЕС – АКТ (Robertson, 2021). Появились дорожные карты и техническая документация проектов, усложнилась процедура их одобрения в рамках ЕФР из-за бюрократизированности принятия решений.

Помощь развитию стала обуславливаться политическими приоритетами, что противоречило принципам действия ЕФР, а средства в основном шли в страны Африки, а не в государства Карибского региона (см. Табл. 1). В 2000–2020 гг. распределение средств ЕФР по регионам выглядело следующим образом: 76% из них направлялось в Африку, 15% – на региональное сотрудничество государств АКТ, 6% – в страны Карибского моря и 2% – в страны Тихого океана².

Таблица 1. Основные направления распределения средств ЕФР в 2000–2020 гг., млн евро и %³

Table 1. The main directions of EDF funds distribution in 2000–2020, EUR mln and %

	ЕФР-9 (2001–2007 гг.)	%	ЕФР-10 (2008–2013 гг.)	%	ЕФР-11 (2014–2020 гг.)	%
Национальное (NIRs) и региональное (RIPs) сотрудничество	12 146	70	17 760	81	24 365	84
Сотрудничество между странами АКТ	3 059	18	2 700	12	3 590	12

² *European Commission* (2016) Evaluation of the Cotonou Partnership Agreement. Joint staff working document. Brussels, 15 July. Available at: https://ec.europa.eu/smart-regulation/roadmaps/docs/2016_devco_016_evaluation_cotonou_en.pdf (accessed 4 November 2024). P. 26.

³ Составлено по: *European center for Development Policy Management* (2015) Implementing the Agenda for Change an independent analysis of the 11th EDF programming. Discussion Paper № 180. P. 10. Available at: <https://ecdpm.org/work/implementing-the-agenda-for-change-an-independent-analysis-of-the-11th-edf-programming> (accessed 4 November 2024).

	ЕФР-9 (2001–2007 гг.)	%	ЕФР-10 (2008–2013 гг.)	%	ЕФР-11 (2014–2020 гг.)	%
Инвестиционный инструмент (ЕИБ)	2 220	13	1 500	7	1 134	4
Всего выделено средств стра- нам АКТ	17 425	100	21 966	100	29 089	100

По данным ЮНКТАД за 2021 г., общий объем накопленных в Африке ПИИ из ЕС составлял 261 млрд евро, или 40% от всех накопленных ПИИ на континенте (73 млрд евро в 2011 г.) (Тау, 2013). В 2022 г. наблюдался отток ПИИ (-214,7 млн евро), рекордный показатель роста был зафиксирован в 2019 г. (+122,6 млрд долл.)⁴. Поступление ПИИ из ЕС в Африку было медленным, между тем темпы роста экономики последней с 2000 г. увеличились в 4 раза⁵. По данным *Ernst&Young*, в 2007–2012 гг. общее число проектов ПИИ в Африке южнее Сахары ежегодно росло на 22% (Kulkova, 2014), что свидетельствовало о расширении присутствия других стран в регионе. Страны ЕС, в отличие от других инвесторов, вкладываются в углеводороды с низкой добавленной стоимостью, малотехнологичные и менее конкурентоспособные добывающие цепочки поставок, в то время как африканские страны заинтересованы в привлечении инвестиций для индустриализации и доступа к новым технологиям.

**Таблица 2. Основные торговые партнеры стран Африки
в 2019–2022 гг., %⁶**
*Table 2. Main trade partners of African countries
in 2019–2022, %*

Основные партнеры	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.*
Страны ЕС	27%	25%	23%	25%
Китай	19.2%	19.8%	22%	25%
Индия	6.6%	5.5%	6%	–
США	4.8%	4.7%	4%	5%
Остальные	42.4%	44.6%	45%	–

Снижение влияния ЕС выразилось в сокращении его доли во внешней торговле африканских стран (см. Табл. 2). В 2018 г. она составляла 32% (235,5 млрд евро); для сравнения, у Китая – 16%, у США – 6%⁷. Основными конкурентами

⁴ CEIC (n.d.) European Union (FDI) Foreign Direct Investment Flow: Inward: EU 27: Africa: Northern Africa | Economic Indicators. Available at: <https://www.ceicdata.com/en/european-union/eurostat-foreign-direct-investment-inward-by-country-bpm6/fdi-flow-inward-eu-27e-africa-northern-africa> (accessed 4 November 2024).

⁵ *fDI Intelligence* (2023) Europe lagging other investors in Africa. Available at: <https://www.fdiintelligence.com/content/opinion/europe-lagging-other-investors-in-africa-82021> (accessed 4 November 2024).

⁶ Составлено по: *Statista* (n.d.) Main trade partners of Africa 2019–2021. Available at: <https://www.statista.com/statistics/1234977/main-trade-partners-of-africa/> (accessed 4 November 2024); *European Parliamentary Research Service* (n.d.) Africa's main trade partners. Available at: <https://epthinktank.eu/2024/02/13/russia-in-africa-an-atlas/africa-s-main-trade-partners> (accessed 4 November 2024).

⁷ *Africa Policy Research Institute* (2021) Assessing trade relations between Africa and Europe. Available at: <https://afripoli.org/assessing-trade-relations-between-africa-and-europe> (accessed 4 November 2024).

ЕС стали страны Азии (32% всего экспорта Африки в 2022 г.), а именно Китай, Индия и страны Персидского залива. В целом торговля ЕС с Африкой характеризовалась колебаниями в отдельные годы (См. Рис. 1).

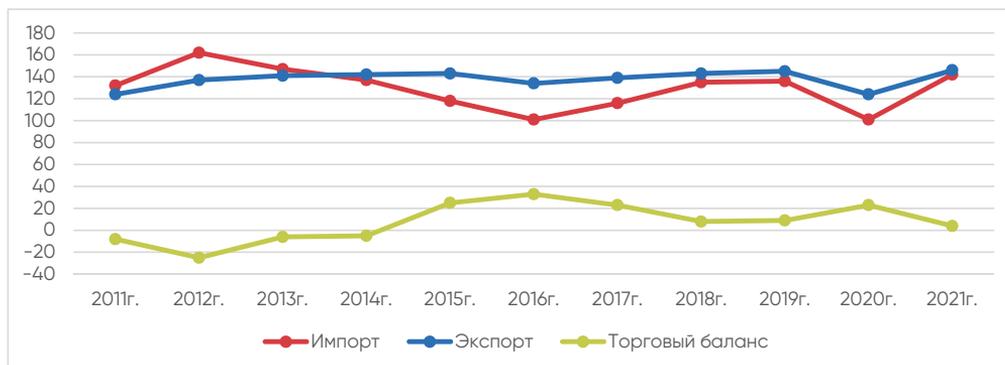

Рисунок 1. Внешняя торговля ЕС со странами Африки в 2011–2021 гг., млрд евро⁸
Figure 1. EU foreign trade with African countries in 2011–2021, EUR bln

ЕС представлял Соглашение Котону как всеобъемлющее торгово-экономическое соглашение между развитыми и развивающимися странами, не имеющее аналогов. Его положения были выполнены не полностью из-за противоречий на разных уровнях в рамках «устаревшей модели отношений «донора–реципиента» (Биссон, 2020). Несовпадение интересов и неоднородность экономического развития среди стран АКТ тормозили его реализацию, так как они являлись не единой политической и экономической группой, а искусственным образованием.

Соглашение также предусматривает управление миграционными потоками и контроль над ними, охватывает проблемы безопасности. События «арабской весны», военные действия на территории некоторых стран, противоречия на этнической и религиозной почве, приход к власти новых элит, менее связанных со странами ЕС, лежали в основе перехода ЕС к модели равноправного партнерства, или «партнерства равных»⁹.

Переговоры о новом соглашении дали возможность рационализировать отношения ЕС – АКТ, исходя из целей устойчивого развития ООН с учетом амбиций африканских государств и изменения равновесия между крупными державами на мировом уровне. Как декларируется, соглашение Пост-Котону, или Соглашение Самоа направлено на решение следующих задач: создание

⁸ Источник: Eurostat (n.d.) Archive: Africa-EU- international trade in goods statistics. Available at: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Archive:Africa-EU_-international_trade_in_goods_statistics (accessed 15 June 2024).

⁹ European Parliamentary Research Service (EPRS) (2023) The Cotonou Agreement and its future: a new era for EU-ACP relations. Available at: <https://epthinktank.eu/2023/06/14/the-cotonou-agreement-and-its-future-a-new-era-for-eu-acp-relations/> (accessed 4 November 2024).

«безопасных государств и обществ»; поддержка частного сектора; углубление региональной интеграции; борьба с изменением климата, терроризмом; регулирование миграционных потоков; обеспечение соблюдения всех международных договоров о правах человека, фундаментальных свобод и демократических принципов; рост инвестиций и экономики (Robertson, 2021). Для управления проблемами в области миграции и их решения в 2022 г. были запущены две инициативы: «Маршрут Атлантического / Западного Средиземноморья и Центрально-Средиземноморский маршрут». Впервые соглашение с АКТ было структурировано в трех региональных протоколах, отражающих различные приоритеты трех регионов АКТ. В каждом из них устанавливаются цели, стратегии, приоритеты, системы управления и совместные учреждения. Иными словами, возникла новая структура «три плюс один».

В отличие от модели ЕС – АКТ, Партнерство ЕВРОМЕД включало в себя политическое и гуманитарное сотрудничество. Вместе с тем, многосторонний формат отношений, а точнее, мультилатерализм ЕС, в регионе выглядел как «сумма двусторонних связей» (Diez & Tossi, 2017). ЕВРОМЕД имел региональное / многостороннее направление, дополнявшее набор двусторонних соглашений, что позволяло снизить интеграционные инициативы стран Магриба (Марокко в 1987 г. подало заявку о вступлении в ЕС). Попытки европеизации, демократизации этих стран на региональном уровне сводятся пока к изменению их социального облика. Институты ЕС служат в качестве модели для имитации при создании «потемкинских деревень». Процессам интеграции и европеизации мешают этнорелигиозные и культурные особенности стран Африки, хотя определенные сдвиги наблюдаются, но в основном на институциональном уровне.

В 2008 г. по инициативе Франции был создан Союз для Средиземноморья (СДС) для реализации многостороннего партнерства двух регионов. Первоначально он предназначался для стран, имеющих выход к Средиземному морю, то есть фактически привел к возникновению спора в первую очередь между Францией и Германией и грозил возможным расколом единства ЕС (Трофимова, 2011). После принятия компромиссного решения Союз был представлен в качестве новой модели взаимодействия ЕС со странами Средиземноморья, входящими в зону его интересов.

Среди основных заявленных целей фигурировали обеспечение сырьем, содействие образованию, создание малых и средних предприятий в регионе, *общая* [курсив *О.Е., Н.А. и А.Д.*] миграционная политика, развитие экономики и торговли, защита окружающей среды. Новизна СДС состояла в ориентации сотрудничества на конкретные проекты за счет бюджета ЕС и частных инвесторов. Сам бюджет Союза составлял всего 8,4 млн евро.

Средиземноморская политика, как и сотрудничество ЕС – АКТ, предусматривает разделение ответственности за развитие. «Механизм взаимодействия между партнерами по СДС строится по формуле «ЕС28+1»¹⁰ и соответствует

¹⁰ ЕС27+1 в настоящее время.

логике развития двусторонних соглашений» (Латкина, 2014). Институционально СДС выглядел следующим образом: 1) Институт сопредседательства (по одной из стран ЕС и Средиземноморья), 2) Саммиты СДС (раз в два года), 3) Секретариат Союза для управления региональными проектами.

В 2002 г. был создан новый инструмент – Евро-средиземноморские инвестиции и партнерство (*FEMIP*), представлявший собой ключевой элемент финансового сотрудничества ЕС – Средиземноморье. Его инвестиции в этом регионе с октября 2002 г. по декабрь 2010 г. составили 12 млрд евро. Приток ПИИ из стран ЕС в Северную Африку составлял в среднем 273,7 млн евро в год¹¹.

В декабре 2021 г. ЕС принял инфраструктурный план «Глобальная Европа» (2021–2027 гг.) для укрепления связей с развивающимися странами и странами, входящими в Европейскую политику соседства (ЕПС). Объемы инвестиций в рамках программы, рассчитанные на период до 2027 г., составят 300 млрд евро. Эта инициатива была разработана после принятия Китаем в 2013 г. масштабного инфраструктурного проекта «Один пояс, один путь» с инвестициями в размере 885 млрд долл.¹²

На саммите ЕС – АС в феврале 2022 г. были приняты Совместная стратегия до 2030 г. и инвестиционный план для Африки в рамках «Глобальной Европы» в размере 150 млрд долл. Среди заявленных целей – развитие энергетики, здравоохранения и образования; цифровизация; переход к устойчивому развитию; создание новых рабочих мест. В 2024 г. планируется реализовать 73 проекта в Африке, включая 11 стратегических коридоров¹³. Приоритет отдается транспортной инфраструктуре, энергетике, организации цифровых сетей и «рынка зеленого водорода», который соединит два берега Средиземноморья.

По данным Доклада о мировых инвестициях 2023 г., ПИИ в Африку снизились значительно – с 80 млрд долл. в 2021 г. до 45 млрд долл. в 2022 г. При этом число заявленных новых проектов ("greenfield projects") выросло на 39% – до 766. Шесть из пятнадцати мегапроектов, заявленных в 2022 г., приходились на Африку (их общая стоимость составляет 5 млрд долл.)¹⁴

¹¹ CEIC (n.d.) European Union (FDI) Foreign Direct Investment Flow: Inward: EU 27: Africa: Northern Africa | Economic Indicators. Available at: <https://www.ceicdata.com/en/european-union/eurostat-foreign-direct-investment-inward-by-country-bpm6/fdi-flow-inward-eu-27e-africa-northern-africa> (accessed 4 November 2024).

¹² Gili A. & d'Ambrosio Lettieri F. (2023) EU's Global Gateway: Africa under a new spotlight. *Welthungerhilfe*, June. Available at: <https://www.welthungerhilfe.org/global-food-journal/rubrics/development-policy-agenda-2030/eus-global-gateway-africa-under-a-new-spotlight> (accessed 4 November 2024).

¹³ Schütte A. (2024) EU's Global Gateway keeps focus on investments in Africa. *Science Business*, 1 February. Available at: <https://sciencebusiness.net/news/eus-global-gateway-keeps-focus-investments-africa> (accessed 4 November 2024).

¹⁴ ЮНКТАД (2023) Доклад о мировых инвестициях 2003 г. Инвестиции в устойчивую энергетику для всех (2023). Available at: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2023_overview_ru.pdf (accessed 4 November 2024).

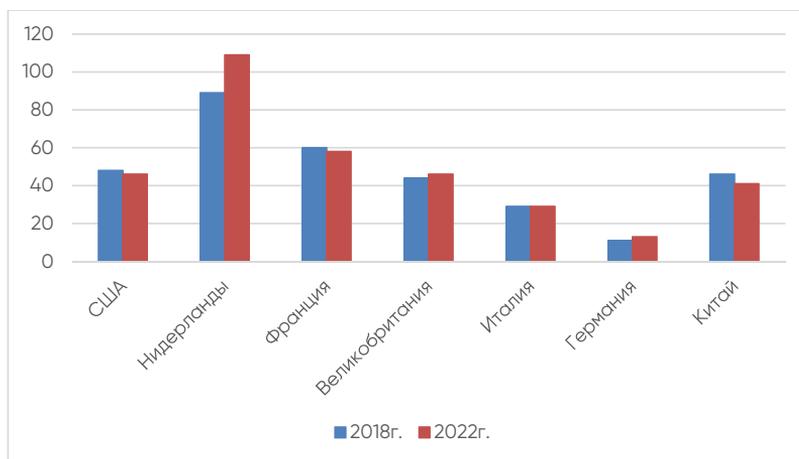

Рисунок 2. Накопленные ПИИ ведущих стран ЕС, США и Китая в Африке, млрд долл.¹⁵

Figure 2. The cumulative direct investments of EU leading countries, USA and China in Africa, USD bln

Европейские инвесторы являются крупными донорами ПИИ в Африке, на которую приходилось 4% всего притока ПИИ в 2023 г.¹⁶ Лидером же по числу проектов остаются США (93 проекта), в 2022 г. на них приходилось 13% всех ПИИ на континенте.

США и Африка: попытки вернуть влияние

Оставаясь ведущим государством по количеству проектов в Африке, сегодня США пытаются нарастить свое влияние на континенте в условиях активизации африканского направления политики Китая, Индии и России. По словам министра торговли Д. Раймондо, «Отношения США и Африки будут определяться связями между частными компаниями обеих сторон ... Это позволит кардинально изменить жизнь африканцев и приведет к созданию рабочих мест по обе стороны Атлантического океана»¹⁷. При этом США акцентируют внимание на «расширении инициатив в области дипломатии и развития в Африке» (Урнов, 2022).

Одним из главных документов в отношениях США и государств Африки южнее Сахары является американский Закон о росте и возможностях Африки (*Africa Growth and Opportunity Act*, далее – *AGOА*), подписанный

¹⁵ Источник: *UNCTAD (2024) Africa: Foreign Investment in Clean Energy Boosts Sustainability Momentum*. Available at: <https://unctad.org/press-material/africa-foreign-investment-clean-energy-boosts-sustainability-momentum> (accessed 4 November 2024).

¹⁶ *ЮНКТАД (2023) Доклад о мировых инвестициях. Инвестиции в устойчивую энергетику для всех*. Available at: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2023_overview_ru.pdf (дата обращения: 04.11.2024); *EY (2023) Africa Attractiveness Report 2023*. Available at: http://www.ey.com/en_za/services/assurance/Africa-attractiveness-report-2023 (accessed 18 June 2023).

¹⁷ *U.S. Department of Commerce (2022) Remarks by U.S. Secretary of Commerce Gina Raimondo at the U.S.–Africa Business Forum*. Available at: <https://www.commerce.gov/news/speeches/2022/12/remarks-us-secretary-commerce-gina-raimondo-us-africa-business-forum> (accessed 4 November 2024).

в 2000 г. с целью создания системы преференциальной торговли для африканских государств. В 2015 г. Конгресс продлил его действие до 2025 г. Закон предусматривает дополнительное снижение таможенных пошлин на товары, не охваченные Всеобщей системой преференций. Между тем за последние 20 лет коренных изменений в торговой и инвестиционной структуре США и африканских стран не произошло. В рамках AGOA США сотрудничает с 35 странами, при этом большая часть американского импорта приходится на нефтедобывающие страны – Нигерию и Анголу. Импорт промышленной продукции с 2000 г. вырос более чем втрое (Scoles & Solomon, 2023). По информации Международной торговой комиссии США, наиболее благотворное влияние данный закон оказал на развитие текстильной промышленности африканских стран. В целом же он не сыграл какой-либо значимой роли в обеспечении устойчивого экономического роста африканских стран, так как не охватывал всю товарную торговлю с США¹⁸.

С 2020 г. США заключили более 800 двусторонних торговых и инвестиционных соглашений с 47 африканскими государствами на сумму более 18 млрд долл., а частные американские компании объявили о намерении инвестировать в Африку более 8 млрд долл.¹⁹ Важным событием стала разработка инициативы по цифровой трансформации африканских стран (*Digital Transformation with Africa*). Инвестиции в этот проект составят более 350 млн долл.²⁰ Необходимо отметить планы Американской международной финансовой корпорации развития (*Development Foreign Corporation*) по привлечению более 369 млн долл. на обеспечение продовольственной безопасности африканских стран, а также развитие возобновляемых источников энергии и системы здравоохранения в странах Африки южнее Сахары²¹. Кроме того, экспортно-импортный банк США располагает активами в африканских странах на сумму более 7 млрд долл. и финансирует проекты с участием американских компаний. Сотрудничество США и африканских государств происходит и в военно-технической области. Существует около 40 военных баз и объектов АФРИКОМ США в 24 африканских странах. В июле 2024 г. была закрыта военная база в Нигере.

¹⁸ *US International Trade Commission* (2023) African Growth and opportunity Act(AGOA): Program Usage, Trends and Sectoral Highlights. Available at: <https://www.usitc.gov/publications/332/pub5419.pdf> (accessed 4 November 2024). P. 20.

¹⁹ *The White House* (2022) Fact Sheet: US-Africa Partnership in Promoting Two-Way Trade and Investment in Africa. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/12/14/fact-sheet-u-s-africa-partnership-in-promoting-two-way-trade-and-investment-in-africa/> (accessed 4 November 2024). US International Trade

²⁰ *U.S. Department of State*. (n.d.) Digital Transformation with Africa Available at: <https://www.state.gov/digital-transformation-with-africa/> (accessed 4 November 2024).

²¹ *The White House* (2023) Fact Sheet: Biden-Harris Administration Delivers on Major Trade and Investment Deals Following the 2022 U.S.-Africa Leaders Summit. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2023/07/12/fact-sheet-biden-harris-administration-delivers-on-major-trade-and-investment-deals-following-the-2022-u-s-africa-leaders-summit/>

Возможную модель развития отношений США с государствами Африки можно рассмотреть на примере Кении. Оба государства заявили о намерении заключить Стратегическое торговое и инвестиционное партнерство (*Strategic Trade and Investment Partnership, далее – STIP*)²⁴. Этот документ отражает американское видение углубления экономического взаимодействия со странами и отдельными регионами и отличается от традиционных соглашений о свободной торговле. Во-первых, речь не идет об обязательствах по доступу государств-партнеров на внутренний американский рынок. Во-вторых, продукция, производимая торговыми партнерами США, должна будет содержать компоненты, произведенные на территории самих Соединенных Штатов (похожие положения включены в Соглашение США–Мексика–Канада, заменившее Североамериканское соглашение о свободной торговле). Администрация Дж. Байдена называет *STIP* одной из основных моделей взаимодействия с африканскими странами²⁵.

Особенности сотрудничества Китая с Африкой

В стратегических документах и официальных заявлениях Пекина в качестве ключевого отличия африканской стратегии Китая от политики его западных партнеров позиционируется «общность судеб и задач» всех развивающихся стран, к которым Китай себя причисляет (Дейч, 2008). В опубликованной в 2006 г. «Белой книге» («Политика КНР в отношении Африки»), в частности, неоднократно подчеркивается курс на равноправные отношения с африканскими государствами, на взаимную выгоду и совместное процветание, исключая «вертикальные» отношения эксплуатации и подчинения²⁶. Эти идеи получили дальнейшее развитие в 2013 г. в «трех тезисах» председателя КНР Си Цзиньпина (Гемуева, 2021).

Китайская модель сотрудничества со странами Африканского континента в сравнении с другими ведущими игроками отличается большей долей прагматического реализма. В отличие от США и ЕС, КНР уделяет гораздо меньше внимания продвижению в Африке социальных, политических или экономических норм. Одновременно позиция Китая в большей степени учитывает национальные интересы и потребности африканских партнеров, но не упускает своих выгод (Зеленев & Солощева, 2022а). Такой подход открывает перед КНР широкий спектр вариантов сотрудничества с государствами континента, включая непопулярные гуманитарные направления, считающиеся бесперспективными инфраструктурные объекты и т.д.

²⁴ *The White House* (2024) U.S.-Kenya Joint Leaders Statement. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2024/05/23/united-states-kenya-joint-leaders-statement/> (accessed 4 November 2024).

²⁵ *The White House* (2024) U.S.-Kenya Joint Leaders Statement. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2024/05/23/united-states-kenya-joint-leaders-statement/> (accessed 4 November 2024).

²⁶ Full Text: China's second Africa policy paper. *Xinhua*, 4 December. Available at: https://web.archive.org/web/20151210031220/http://news.xinhuanet.com/english/2015-12/04/c_134886545.htm (accessed 8 November 2024).

С другой стороны, для китайской модели характерно маскируемое под «мягкую силу» проникновение сначала в прибрежные африканские страны для создания там инфраструктуры с целью защиты своих морских путей, а затем и для расширения торговых связей с континентальной Африкой. По сути, эта модель позволяет контролировать свои активы и управлять ими при охвате всего континента. Китай ранжирует страны по их значимости для своих интересов, но для получения выгоды не избегает тех, в которых высоки политические риски, при условии низкой конкуренции.

Торговое сотрудничество Китая с Африкой в последнее десятилетие стабильно расширялось. Товарооборот в среднем увеличивался на 20% в год (Дейч, 2022). Вместе с тем, в отношении внешней торговли для КНР африканское направление остается второстепенным. На Африку приходится около 4% торговли Китая (4,4% экспорта и 3,6% импорта) (Кулькова, 2022). Торговый баланс Китая с африканским континентом в целом остается положительным, что составляет определенную проблему. КНР пытается сократить отрицательный торговый баланс с Африкой путем наращивания импорта, прежде всего за счет увеличения в нем доли несырьевой продукции (см. Рис. 3).

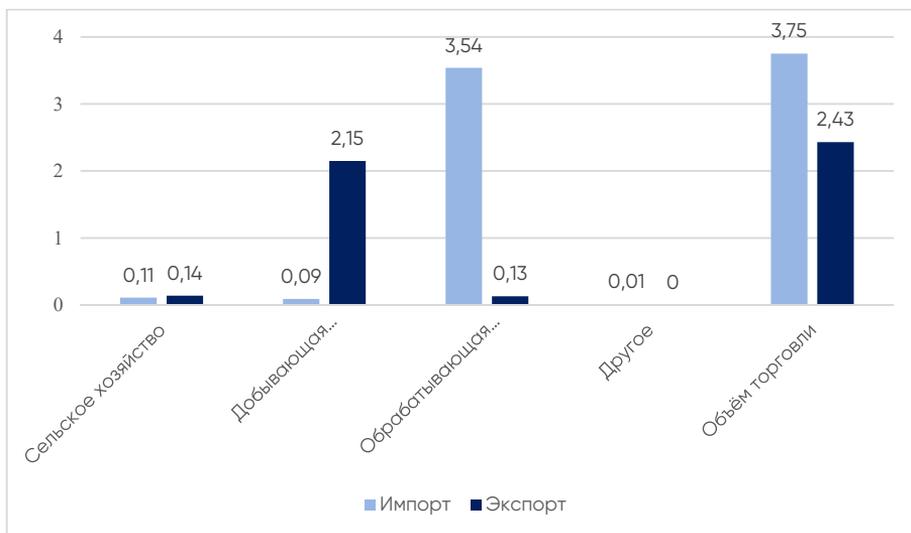

Рисунок 3. Экспорт и импорт Африки в Китай по секторам, 2000–2022 гг.²⁷

Figure 3. Africa's exports and imports to China by sector, 2000–2022

Китай является одним из крупнейших инвесторов в Африке. Накопленные ПИИ из КНР в странах континента с 2003 г. по 2020 г. выросли почти в 100 раз: с 490 млн до 43,4 млрд долл. (Дейч, 2022). Приоритетными направлениями

²⁷ Источник: *Global Development Policy Center (2024) China-Africa Economic Bulletin 2024 Edition*. Available at: <https://www.bu.edu/gdp/2024/04/01/china-africa-economic-bulletin-2024-edition/> (accessed 4 November 2024).

становятся инфраструктура и добыча полезных ископаемых. Доля вложений КНР в крупные объекты значительно выше, чем у США или ЕС из-за разницы в их подходах (Зеленев & Солощева, 2022b). По подсчетам экспертов, при участии КНР в Африке было построено более 100 тыс. км дорог, 10 тыс. км железных дорог, около 1000 мостов и порядка 100 портов²⁸. Многие проекты получали поддержку Пекина в рамках инициативы «Один пояс, один путь».

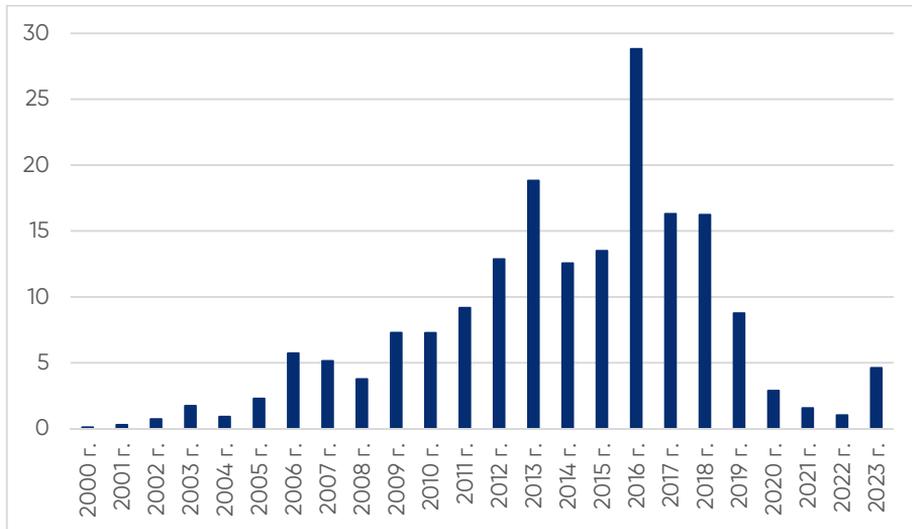

Рисунок 4. Китайские кредиты Африке в 2000–2022 гг., млрд долл.²⁹
Figure 4. Chinese loans to Africa in 2000–2022, USD bln

В последние годы наметилась тенденция к сокращению вложений КНР в Африке (см. Рис. 4). Многие государства континента превратились в крупных должников: долг Джибути к 2020 г. приближался к отметке в 50% ВВП, Ангола должна Китаю 38% своего ВВП, Конго и Замбия – более 20% (Зеленев & Солощева, 2022b). Начиная с 2016 г. снижается валовый годовой доход строительных проектов китайских компаний в Африке (Кондакова & Янькова, 2023). Все это привело к корректировке экономической политики КНР на континенте. Китай стал более осторожен в выделении средств на объекты инфраструктуры. В 2020 г. китайские власти дали понять, что «время, когда африканские правительства получали легкий доступ к финансированию инфраструктуры, закончилось»³⁰.

²⁸ Africa on the go thanks to BRI-led makeover (2022) *China Daily*, 27 August. Available at: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202208/27/WS63097aa7a310fd2b29e748df.html> (accessed 8 November 2024).

²⁹ Источник: *Global Development Policy Center* (2024) *China–Africa Economic Bulletin 2024 Edition*. Available at: <https://www.bu.edu/gdp/2024/04/01/china-africa-economic-bulletin-2024-edition/> (accessed 4 November 2024).

³⁰ Olander E. (2020) China to cut back lending to Africa in the post-COVID-19 era. *The Africa Report. China Global South Project*, 1 December. Available at: <https://chinaglobalsouth.com/2020/11/30/analysts-china-to-cut-back-lending-to-africa-in-the-post-covid-19-era/> (accessed 4 November 2024).

В целом стратегия Китая на африканском направлении характеризуется относительно сбалансированным сочетанием экономических, геополитических, военных и культурно-идеологических факторов, объединенных задачей вовлечения стран региона в более тесные отношения партнерства. Наиболее важными для КНР странами являются Нигерия, Кения, ЮАР, Гана, Ангола, Эфиопия, Египет, Замбия, ДРК (Зеленев & Солощева, 2022b).

Заключение

ЕС остается ведущим игроком в Африке, развивает модель отношений с регионом по аналогии со своим интеграционным проектом, пытаясь малыми средствами реализовать масштабные планы по проведению экономических реформ в странах континента. Пока Европейский союз выдвигает идеи о «равноправном партнерстве» с неравными по всем параметрам партнерами, изобретает новые инструменты сотрудничества, США и Китай без особой институционализации связей, используя «мягкую силу», расширяют свое влияние в Африке: стратегия Китая заключается в участии в крупномасштабных инфраструктурных проектах, а тактика – в постепенном освоении континента без выдвижения предварительных условий; США используют комплексный (свои финансовые возможности, политическую мощь) и точечный подходы для укрепления своего влияния в Африке. Основным соперником ЕС и финансовым спонсором африканских стран стал Китай; наращивают инвестиции Индия и страны Персидского залива. Иными словами, число конкурентов ЕС в Африке растет.

Безусловно, любая стратегия и модель требуют доработки под влиянием внутренних и внешних факторов. К последним относятся процессы, происходящие в мире, в Евросоюзе, который постепенно теряет свои лидирующие экономические и геополитические позиции, и в Африке, экономика которой растет быстрыми темпами. В условиях усиления конкуренции за природные ресурсы экономическое развитие Африки в меньшей степени волнует всех акторов. За идеей «равноправного партнерства» явно просматриваются попытки переложить на африканские страны ответственность за их будущее. При этом отношения поддерживаются осознанием общей судьбы и общих проблем³¹, что ведет к смене парадигмы от помощи развитию к сотрудничеству и партнерству, пока не очень равноправному.

Недостатком постоянно меняющейся модели взаимосвязей ЕС – Африка является увлеченность ЕС их институционализацией, переносом элементов европейской интеграции в страны, отличные по всем показателям от стран Евросоюза, постоянное усложнение процедур одобрения проектов,

³¹ Так, на саммите Италия – Африка У. фон дер Ляйен заявила, что наступил новый этап сотрудничества ЕС и Африки, чьи судьбы переплетены, а интересы еще более связаны, чем прежде. См.: Bayer L. (2024) Ursula von der Leyen says Africa and Europe's 'interests are aligned more than ever before' – as it happened. *The Guardian*, 29 January. Available at: <https://www.theguardian.com/world/live/2024/jan/29/giorgia-meloni-italy-africa-summit-europe-latest-updates> (accessed 4 November 2024).

замедленность процесса принятия решений. Имеет место преобладание «моделирования партнерства» над реализацией его целей. В последние годы ЕС стал активнее использовать принцип многосторонности в отношениях с Африкой, исходя из того, что Африканский союз является крупным региональным образованием, заинтересованным в сотрудничестве с такой геополитической организацией, как Европейский союз.

В ЕС присутствует понимание общих проблем и причин, тормозящих сотрудничество двух регионов. Существует множество противоречий в видении двумя сторонами путей развития Африки и сохранения в ней влияния ЕС на фоне возрастающей конкуренции со стороны Китая, США и других акторов. Дефицит средств для развития экономики этих государств, проблемы миграции и безопасности, структурный дисбаланс и асимметрия связей, дифференцированный подход государств – членов ЕС к развитию отношений с Африкой (фактически 11 из 27 стран ЕС проявляют интерес к официальной стратегии, а новые государства-члены не заинтересованы) – все это усложняет реализацию африканской стратегии Европейского союза. Развитие проекта ЕС – Африка, на наш взгляд, будет идти по пути успехов и неудач, несмотря на новые инструменты и совершенствование механизма связей. Одним из вариантов его сохранения может стать точечный подход и четкая конкретизация целей и стратегии, а также использование гибридных форм связей, в том числе новые финансовые стратегии и план «Глобальная Европа», выдвигающие инвестиции в центр европейской стратегии в Африке.

Список литературы

1. Абрамова И.О. (2013) *Новая роль Африки в мировой экономике XXI века*. М. 323 с.
2. Биссон Л.С. (2020) Новая стратегия ЕС для Африки: в поисках подлинного партнерства. *Современная Европа* (3): 39–50. DOI: 10.15211/soveurope320203950.
3. Васильев А.М. (2012) *Африка и вызовы XXI века*. М.: Изд-во Восточная литература РАН. 374 с.
4. Гемуева К.А. (2021) Сравнение стратегий крупных внешних игроков в развитии электроэнергетики в Африке южнее Сахары. *Сравнительная политика* (1): 49–68. DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10005.
5. Дейч Т.Л. (2008) *Африка в стратегии Китая*. М.: Институт Африки РАН, 2008. 326 с.
6. Дейч Т.Л. (2022) Экономические связи Китая с Африкой: проблемы и перспективы. *Азия и Африка сегодня* (7): 48–56. DOI: 10.31857/S032150750020975-4.
7. Зеленев Е.И., Солощева М.А. (2022a) Китай в Африке: от стран-партнеров к странам-последователям. Часть 1. *Азия и Африка сегодня* (7): 12–21. DOI: 10.31857/S032150750020973-2.
8. Зеленев Е.И., Солощева М.А. (2022b) Китай в Африке: от стран-партнеров к странам-последователям. Часть 2. *Азия и Африка сегодня* (8): 12–21. DOI: 10.31857/S032150750020973-2.
9. Кириченко Л.М. (1974) *Западно-Европейская интеграция и страны Африки*. М.: Международные отношения. 136 с.
10. Колкер Б.М. (1982). *Африка и Западная Европа: Политические отношения*. М.: Наука. 216 с.

11. Кондакова К., Янькова А. (2023) Интересы Китая в Африке. РСМД, 1 ноября. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/interesy-kitaya-v-afrike/> (дата обращения: 04.11.2024).
12. Корендясов Е.Н. (1969) *Коллективный неокOLONИализм в действии*. М.: Международные отношения. 213 с.
13. Кулькова О.С. (2022) «Старые» и «новые» игроки в Африке: драйверы изменения их политики в отношении континента (2010–2022 гг.). *Азия и Африка сегодня* (12): 39–46. DOI: 10.31857/S032150750023560–8.
14. Латкина В.Е. (2014) Политика Европейского Союза в Средиземноморье в контексте «Арабской весны». *Вестник МГИМО-Университета* 2(35): 139–149. DOI: 10.24833/2071–8160–2014–2–35–139–149.
15. Мюрдаль Г. (1972) *Современные проблемы третьего мира*. М. Прогресс.
16. Никольская М.В., Чкония Л.Е., Победенный В.А. (2024) *Made in Africa: от деколонизации – к инновациям через призму африканского капитала*. М.: Издательство «МГИМО-Университет». 68 с. Available at: <https://mgimo.ru/upload/iblock/2e6/3gzwj15uup2hkosi6dgorfssebmrpw11k6/made-in-africa.pdf> (дата обращения: 04.11.2024).
17. Рикардо Д. (2008) *Начала политической экономии и налогового обложения*. Пер. с англ. П.Н. Ключина. М.: Эксмо.
18. Солодовников В.Г., Тарабрин Е.А., Каменов Е. и др. (1975) *Неоколониализм и Африка в 70-х годах (Закономерности и специфика антиимпериалист. борьбы)*. Москва, София : Мысль, Изд-во Болг. акад. наук. 437 с.
19. Трофимова О.Е. (2011) *Эволюция средиземноморской политики Евросоюза: путь от сотрудничества к интеграции*. М.: ИМЭМО РАН. 122 с.
20. Урнов А.Ю. (2022) Политика США в Африке к Югу от Сахары. *Ученые записки Института Африки РАН* 3(60): 6–25.
21. Allen T. (2002) EU Trade with ACP countries. *Statistics in focus. External trade* 6(3): 1–8. Available at: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/3e576156-11e8-11ea-8c1f-01aa75ed71a1> (accessed 4 November 2024).
22. Amin S. (1997) *Imperialism and Unequal Development*. N.Y. and London: Monthly Review Press.
23. Baier J. (2019) Cotonou 2020 – What the European Union can learn from Chinese trade and investment relations with Africa. *Policy Briefs. OGE Policy*. Available at: https://www.oegfe.at/wp-content/uploads/2019/02/OEGfE_Policy_Brief-2019.02.pdf (accessed 4 November 2024).
24. Diez T. & Tocci N. (2017) *The EU. Promoting Regional Integration and Conflict Resolution*. London: Palgrave Macmillan.
25. *Europe-Africa: A Special Partnership* (2019) Institute Montaigne. 163 p. Available at: <https://www.institutmontaigne.org/ressources/pdfs/publications/europe-africa-special-partnership-report.pdf> (accessed 4 November 2024).
26. Furtado C. (1974) *The Myth of Economic Development*. John Wiley & Sons Limited.
27. Hansen P. & Jonsson S. (2015) *Eurafrica: The Untold History of European Integration and Colonialism (Theory for a Global Age Series)*. Bloomsbury Academic. 344 p.
28. Kulkova O. (2014) Africa and the European Union: Summit Number Four. *RIAC*, April 2014. Available at: <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/africa-and-the-european-union-summit-number-four/> (accessed 4 November 2024).
29. Milward A.S. (1992) *The European Rescue of the Nation-State*. London: Routledge.
30. Omolo K. (2019) The Africa-EU Relations and Regional Integration in Africa: Reassessing EU's Influence on Africa's Integration Project(s). *Centre international de formation europeenne. L'Europe en Formation* 388(1): 1–25.
31. Pierson P. (2003) *Politics in Time: History, Institutions, and Social Analysis*. Princeton: Princeton University Press.

32. Prebisch R. (1976) *A critique of peripheral capitalism. United Nations*. Available at: <https://repositorio.cepal.org/server/api/core/bitstreams/359c24f3-d8ad-443a-b2a8-f6c3c6272f13/content> (accessed 4 November 2024).
33. Robertson D. (2021) EU-ACP Economic Partnership Agreements: Modern Colonialism elements: Modern Colonialism Disguised in Violation of the WTO. *Vanderbilt Law Review* 50(1): 463–497. Available at: <https://scholarship.law.vanderbilt.edu/vjtl/vol50/iss2/5> (accessed 4 November 2024).
34. Scoles S. & Solomon M. (2023) United States Seeks Enhanced Trade Ties with Africa. *White&Case*, 5 January. Available at: <https://www.whitecase.com/insight-alert/united-states-seeks-enhanced-trade-ties-africa> (accessed 4 November 2024).
35. Singer H.W. (1975) *The Strategy of International Development*. London.
36. Tay S. (2013) AfCFTA and the Creeping Power Play: Africa, the European Union and China. *Policy Center for the new South*, 15 February. Available at: <https://www.policycenter.ma/publications/afcfta-and-creeping-power-play-africa-european-union-and-china> (accessed 4 November 2024).
37. Thelen K., Steinmo S. & Longstreth F. (1992) *Structuring Politics: Historical Institutionalism in Comparative Analysis*. Cambridge University Press. 272 p.

Comparative Politics. Volume 15. No. 4. October–December / 2024
DOI 10.46272/2221-3279-2024-4-15-5

PROJECT EU–AFRICA: CHANGES OF STRATEGY IN COMPETITIVE ENVIRONMENT

Dr. Olga E. TROFIMOVA – Leading Research Fellow, European Union Studies Sector, Center for European Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations Russian Academy of Sciences (IMEMO RAS).

ORCID: 0000-0001-8788-5064. E-mail: olgatrofimova53@mail.ru
23 Profsoyuznaya Str., Moscow, Russia, 117997.

Dr. Nikolai Al. PODCHASOV – Senior Research Fellow, European Union Studies Sector, Center for European Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations Russian Academy of Sciences (IMEMO RAS).

ORCID: 0000-0003-3075-9651. E-mail: nickpodchasov@yandex.ru
23 Profsoyuznaya Str., Moscow, Russia, 117997.

Alexander D. KULINICH – Junior Research Fellow, European Union Studies Sector, Center for European Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations Russian Academy of Sciences (IMEMO RAS).

ORCID: 0009-0003-2753-8476. E-mail: kulinich.a.d@my.mgimo.ru
23 Profsoyuznaya Str., Moscow, Russia, 117997.

Received July 11, 2024

Accepted September 30, 2024

Acknowledgments. This article was prepared with the support of a grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for major scientific projects in priority areas of scientific and technological development No. 075-15-2024-551 "Global and regional centers of power in the emerging world order".

Abstract: The aim of this article is to identify changes in the priorities of the EU's African strategy, seeking to maintain its position on the continent in light of competition from such actors as the United States and China, as well as to trace the evolution of the relations formats and influence of integration processes on the EU-Africa relations model. The authors use complex interdisciplinary approach, narrative methods and comparative analysis to determine new trends in EU cooperation with African countries including transition to multilateralism and regionalization; applying elements of integration and external Europeanization as convergence and incorporation of procedures, practices and norms in cooperation projects in Africa, using "soft power" instruments; policy of "equal partnership" and politicization of EU-Africa relations. However, the effectiveness of Europeanization as a replication of the European value system and democratic transition in African countries with other civilizational norms is very limited, so EU countries follow institutional logic in their relations with them. The authors underscore that the process of regional integration in Africa is one of the results of deepening cooperative interactions against the backdrop of its continuing asymmetry, also being an important difference of EU-Africa project from other cooperative models. Asymmetry manifests in economic relations, especially trade agreements, recognition of equal partnership, different positions in new world order, intra-country development differences and financial and labor force abilities of African countries. Equally relevant is the analysis of EU competition with the USA and China in Africa, identifying its specific traits in cooperation with the continent, and future prospects of the EU cooperation with African countries under the new realities and possible shortcomings of a new EU-Africa project.

Keywords: European Union, strategy, equal relationship, regionalization, integration processes, trade, investments, development aid, competition, the USA, China

References:

1. Abramova I.O. (2013) *Novaya rol' Afriki v mirovoj e'konomike XXI veka [New role of Africa in world economy in XXI century]*. Moscow, 323 p. (In Russian).
2. Allen T. (2002) EU Trade with ACP countries. Statistics in focus. *External trade* 6(3): 1–8. Available at: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/3e576156-11e8-11ea-8c1f-01aa75ed71a1> (accessed 4 November 2024).
3. Amin S. (1997) *Imperialism and Unequal Development*. N.Y. and London: Monthly Review Press.
4. Baier J. (2019) Cotonou 2020 – What the European Union can learn from Chinese trade and investment relations with Africa. *Policy Briefs. OGF Policy*. Available at: https://www.oegfe.at/wp-content/uploads/2019/02/OEGfE_Policy_Brief-2019.02.pdf (accessed 4 November 2024).
5. Bisson L.S. (2020) Novaya strategiya YES dlya Afriki: v poiskakh podlinnogo partnerstva [The EU's New Strategy for Africa: In Search of a Genuine Partnership]. *Sovremennaya Evropa [Contemporary Europe]*(3): 39–50. DOI: 10.15211/soveurope320203950. (In Russian).
6. Deich T.L. (2008) *Afrika v strategii Kitaya [Africa in the strategy of China]*. Moscow: Institute for African Studies RAS. 326 p. (In Russian).
7. Deich T.L. (2022) Ekonomicheskiye svyazi Kitaya s Afrikoy: problemy i perspektivy [China's Economic Ties with Africa: Problems and Prospects]. *Aziya i Afrika segodnya [Asia and Africa Today]*(7): 48–56. DOI: 10.31857/S032150750020975-4. (In Russian).
8. Diez T., Tocci N. (2017) The EU. *Promoting Regional Integration and Conflict Resolution*. London: Palgrave Macmillan.
9. *Europe-Africa: A Special Partnership* (2019) Institute Montaigne. 163 p. Available at: <https://www.institutmontaigne.org/ressources/pdfs/publications/europe-africa-special-partnership-report.pdf> (accessed 4 November 2024).
10. Furtado C. (1974) *The Myth of Economic Development*. John Wiley & Sons Limited.

11. Gemueva K.A. (2021) Sravneniye strategiy krupnykh vneshnikh igrokov v razvitii elektroenergetiki v Afrike yuzhneye Sakhary [Comparison of Major External Actors' Strategies for the Power Sector Development in Sub-Saharan Africa]. *Sravnitel'naia politika [Comparative Politics Russia]* (1): 49–68. DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10005. (In Russian).
12. Hansen P. & Jonsson S. (2015) *Eurafrica: The Untold History of European Integration and Colonialism (Theory for a Global Age Series)*. Bloomsbury Academic. 344 p.
13. Kirichenko L.M. (1974) *Zapadno-Evropejskaya integraciya i strany Afriki [Western European integration and African countries Moscow International Relations]*. Moscow: Mezhdunarodny'e otnosheniya. 136 p. (In Russian).
14. Kolker B.M. (1982). *Afrika i Zapadnaya Evropa: Politicheskie otnosheniya [Western Europe: Political relations]*. Moscow: Nauka. 216 p. (In Russian).
15. Kondakova K., Yankova A. (2023) Interesy Kitaya v Afrike [China's Interests in Africa]. *RSMD [RIAC]*, November 1. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/interesy-kitaya-v-afrike/> (accessed 4 November 2024). (In Russian).
16. Korendyasov E.N. (1969) *Kollektivnyj neokolonializm v dejstvii [Collective neocolonialism in action]*. Moscow: Mezhdunarodny'e otnosheniya. 213 p. (In Russian).
17. Kulkova O. (2014) Africa and the European Union: Summit Number Four. *RIAC*, April 2014. Available at: <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/africa-and-the-european-union-summit-number-four/> (accessed 4 November 2024). (In Russian).
18. Kulkova O.S. (2022) «Staryye» i «novyye» igroki v Afrike: drayvery izmeneniya ikh politiki v otnoshenii kontinenta (2010–2022 gg.) ["Old" and "new" players in Africa: drivers of change in their policies towards the continent (2010–2022)]. *Aziya i Afrika segodnya [Asia and Africa Today]* (12): 39–46. DOI: 10.31857/S032150750023560-8. (In Russian).
19. Latkina V.E. (2014) Politika Yevropeyskogo Soyuza v Sredizemnomor'ye v kontekste «Arabskoy vesny» [The European Union's Policy in the Mediterranean in the Context of the «Arab Spring»]. *Vestnik MGIMO-Universiteta [MGIMO Review of International Relations]* 2(35): 139–149. DOI: 10.24833/2071-8160-2014-2-35-139-149. (In Russian).
20. Milward A.S. (1992) *The European Rescue of the Nation-State*. London: Routledge.
21. Myrdal G. (1972) *Sovremennyye problemy tret'yego mira [Contemporary Problems of the Third World]*. Moscow: Progress. (In Russian).
22. Nikolskaya M.V., Chkonina L.E., Pobedenny V.A. (2024) *Made in Africa: ot dekolonizatsii – k innovatsiyam cherez prizmu afrikanskogo kapitala [Made in Africa: from decolonization to innovation through the prism of African capital]*. Moscow: MGIMO–University Publishing House. 68 p. Available at: <https://mgimo.ru/upload/iblock/2e6/3gzwj15uup2hkosi6gopfssebmpw11k6/made-in-africa.pdf> (accessed 4 November 2024). (In Russian).
23. Omolo K. (2019) The Africa-EU Relations and Regional Integration in Africa: Reassessing EU's Influence on Africa's Integration Project(s). *Centre international de formation europeenne. L'Europe en Formation* 388(1): 1–25.
24. Pierson P. (2003) *Politics in Time: History, Institutions, and Social Analysis*. Princeton: Princeton University Press.
25. Prebisch R. (1976) *A critique of peripheral capitalism. United Nations*. Available at: <https://repositorio.cepal.org/server/api/core/bitstreams/359c24f3-d8ad-443a-b2a8-f6c3c6272f13/content> (accessed 4 November 2024).
26. Ricardo D. (2008) *Nachala politicheskoy ekonomii i nalogovogo oblozheniya [Principles of Political Economy and Taxation]*. Trans. from English by P.N. Klyukina. Moscow: Eksmo. (In Russian).
27. Robertson D. (2021) EU-ACP Economic Partnership Agreements: Modern Colonialism elements: Modern Colonialism Disguised in Violation of the WTO. *Vanderbilt Law Review* 50(1): 463–497. Available at: <https://scholarship.law.vanderbilt.edu/vjtl/vol50/iss2/5> (accessed 4 November 2024).

28. Scoles S., Solomon M. (2023) United States Seeks Enhanced Trade Ties with Africa. *White&Case*, 5 January. Available at: <https://www.whitecase.com/insight-alert/united-states-seeks-enhanced-trade-ties-africa> (accessed 4 November 2024).
29. Singer H.W. (1975) *The Strategy of International Development*. London.
30. Solodovnikov V.G., Tarabrin E.A., Kamenov E. et al. (1975) *Neokolonializm i Afrika v 70-x godax: Zakonomernosti i specifika antiimperialisticheskoi. bor'by' [Neocolonialism in Africa in the 1970s (Patterns and specific of anti-imperialist struggle)]*. Moscow, Sofia: My'sl',Izd-vo Bolgaria. akademiya nauk. 437 p. (In Russian).
31. Tay S. (2013) AfCFTA and the Creeping Power Play: Africa, the European Union and China. *Policy Center for the new South*, 15 February. Available at: <https://www.policycenter.ma/publications/afcfta-and-creeping-power-play-africa-european-union-and-china> (accessed 4 November 2024).
32. Thelen K., Steinmo S., Longstreth F. (1992) *Structuring Politics: Historical Institutionalism in Comparative Analysis*. Cambridge University Press. 272 p.
33. Trofimova O.E. (2011) *Evolutsiya sredizemnomorskoy politiki Yevrosoyuza: put' ot sotrudnichestva k integratsii [Evolution of the Mediterranean policy of the European Union: the path from cooperation to integration]*. Moscow: IMEMO RAS. 122 p. (In Russian).
34. Urnov A.Yu. (2022) Politika SSHA v Afrike k Yugu ot Sakhary [US Policy in Sub-Saharan Africa]. *Uchenyye zapiski Instituta Afriki RAN [Scientific Notes of the Institute of African Studies of the Russian Academy of Sciences]* 3(60): 6–25. (In Russian).
35. Vasil'ev A.M. (2012) *Afrika i vy'zovy' XXI veka [Africa and challenges of XXI century]*. Moscow: Izd-vo Vostochnaya literatura RAN. 374 p. (In Russian).
36. Zelenev E.I., Soloshcheva M.A. (2022a) Kitay v Afrike: ot stran-partnerov k stranam-posledovatelyam. Chast' 1 [China in Africa: From Partner Countries to Follower Countries. Part 1]. *Aziya i Afrika segodnya [Asia and Africa Today]* (7): 12–21. DOI: 10.31857/S032150750020973-2. (In Russian).
37. Zelenev E.I., Soloshcheva M.A. (2022b) Kitay v Afrike: ot stran-partnerov k stranam-posledovatelyam. Chast' 2 [China in Africa: From Partner Countries to Follower Countries. Part 2]. *Aziya i Afrika segodnya [Asia and Africa Today]* (8): 12–21. DOI: 10.31857/S032150750020973-2. (In Russian).

ГЕНДЕРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ: ЮЖНОАФРИКАНКИ НА РУКОВОДЯЩИХ ПОСТАХ В СТРУКТУРАХ ООН

Любовь ПРОКОПЕНКО
Институт Африки РАН

Аннотация: В нынешних условиях конфронтации с Западом Россия стремится диверсифицировать внешние связи, что обуславливает рост внимания к таким партнерам, как страны Африки. Налаживание эффективного сотрудничества предполагает глубокое знание политических элит, чему во многом способствуют исследования российских африканистов, проводимые на базе Института Африки РАН и в других исследовательских центрах – Центре африканских исследований ИВИ РАН, ИСАА МГУ, МГИМО МИД России, НИУ ВШЭ, ИМЭМО РАН, на Восточном факультете СПбГУ и др. Исследовательский интерес представляют такие направления, как изучение женских политических элит, а также элиты в многосторонних институтах, в первую очередь в структурах ООН.

Сначала 2000-х гг. в Южно-Африканской Республике (ЮАР) одной из главных особенностей формирования политического руководства стало расширение представительства женщин в органах власти на всех уровнях. Некоторые из них занимали руководящие посты в различных структурах ООН. В настоящей статье на основе функционального и биографического методов исследования проанализирована деятельность южноафриканок, которые активно занимались проблематикой прав человека, борьбы с голодом, ВИЧ / СПИД на национальном и международном уровнях, в том числе в рамках ООН и Африканского союза. Объектом исследования статьи стали такие видные политические деятели ЮАР, как Н. Пиллэй, Ф. Мламбо-Нгкука и Ш. Сисулу. Автор отмечает как их достижения в решении упомянутых выше проблем современности, так и трудности, с которыми они сталкивались в период своей деятельности.

Особое внимание уделено отношению южноафриканок к теме гендерного равенства, которое они рассматривают в качестве необходимого условия демократического развития. На различных многосторонних площадках Н. Пиллэй, Ф. Мламбо-Нгкука и Ш. Сисулу выступали за расширение прав и возможностей женщин во всех областях политической, экономической и общественной жизни общества, как находясь на руководящих постах в ООН, так и по завершении срока полномочий. Многолетняя деятельность южноафриканок в рамках ООН в борьбе за права человека, в борьбе с голодом и ВИЧ / СПИД, а также за гендерное равенство демонстрирует возможность участия женщин в решении проблем современности на самом высоком уровне.

Любовь Ярославовна Прокопенко – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт Африки РАН.

ORCID: 0000-0002-1121-8828. E-mail: skole60@mail.ru
123001, Россия, Москва, ул. Спиридоновка, 30/1.

Поступила в редакцию: 15.10.2023

Принята к публикации: 04.10.2024

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Ключевые слова: ЮАР, представительство женщин, ООН, права человека, гендерное равенство, стиль руководства

В настоящее время, учитывая обстановку геополитической конфронтации, Африка является важным и перспективным направлением для развития сотрудничества. Россия стремится к углублению взаимодействия с африканскими странами в экономической, политической и социальной сферах (Абрамова, 2015), что, в частности, показали Первый и Второй экономические и гуманитарные форумы «Россия – Африка». Одним из ключевых партнеров России на африканском континенте является Южно-Африканская Республика (ЮАР). Так, успешно развивается партнерство двух стран по линии БРИКС, что еще раз подтвердилось в ходе проведения саммита объединения под председательством России в октябре 2024 года в Казани. В связи с этим в качестве предмета исследования была выбрана политическая элита ЮАР.

Остаются актуальными слова первого президента ЮАР Нельсона Манделы о том, что «Южную Африку и Россию должно объединять будущее, – их не должны разъединять ни географическая отдаленность, ни прошлые заблуждения, ни политические мифы»¹. А развитие эффективных двусторонних связей между странами невозможно без расширенных и углубленных знаний друг о друге.

Одной из особенностей политической элиты ЮАР является значительное присутствие женщин (Прокопенко, 2018). К моменту принятия ООН в 2015 г. Целей устойчивого развития (ЦУР) Южно-Африканская Республика добилась серьезных успехов по достижению гендерного равенства, прежде всего в области участия женщин в политической жизни (так, если в 1997 г. женщины занимали 25% мест в парламенте, то к 2015 г. их представительство увеличилось до 42%²). Поскольку женщины активно участвовали в борьбе с режимом апартеида, признание их равенства с мужчинами рассматривается на национальном уровне как одно из проявлений справедливости. В декабре 1995 г. парламент Республики ратифицировал Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. В 1997 г. начала работать Национальная комиссия по гендерному равенству. За 30 лет в ЮАР принято более 40 законодательных актов, ставящих своей целью достижение гендерного равенства.

¹ *Документы XX века* (1994) Речь президента ЮАР Нельсона Манделы о южноафриканско-российских исторических связях. 17 августа 1994 г. Available at: <http://doc20vek.ru/node/4204> (дата обращения: 08.11.2024).

² *The World Bank* (n.d.) Proportion of seats held by women in national parliaments (%) – South Africa. Available at: <https://data.worldbank.org/indicator/SG.GEN.PARL.ZS?locations=ZA> (accessed 8 November 2024).

На практике современная концепция равенства женщин и мужчин в политике на национальном уровне реализуется через использование системы квот женского представительства на выборных должностях: в 1999 г. в Южно-Африканской Республике было введено положение, согласно которому в составе парламента и кабинета министров должно быть не менее 30% женщин, затем этот показатель был увеличен до 50%. В 2000 г. по числу женщин в парламенте ЮАР входила в первую десятку стран мира (30%), а в ноябре 2023 г. в законодательном органе было 42% женщин (168 из 400 мест). Широко представлены женщины и на уровне исполнительной власти. Так, с 1999 г. пост главы министерства иностранных дел на протяжении более двух десятилетий подряд занимали женщины: Нкосазана Дламини-Зума (1999–2009 гг.), Маите Нкоана-Машабане (2009–2018 гг.), Линдиве Сисулу (2018–2019 гг.) и Наледи Пандор (2019–июнь 2024 гг.)³. Это свидетельство не только признания прав и возможности женщин заниматься вопросами внешней политики, но и признание их возможности представлять страну на высоких постах в международных организациях, в частности, в структурах ООН, как самой авторитетной организации на мировой арене.

Гендерные исследования как направление в исследованиях международных отношений

Трансформация международных отношений на современном этапе происходит в том числе в вопросах изменения отношения к роли женщин в политической деятельности. На международную политику и происходящие в ней процессы (например, легитимация власти, политическая мобилизация, политика идентичности) влияет фактор репрезентации в политическом дискурсе гендерных отношений (Буцук, 2015). Введение в научный оборот понятия «гендер» дополнило и изменило теоретическую и методологическую основу исследований международных отношений.

Гендерные исследования представляют относительно новое направление в изучении международных отношений. Первые гендерные теоретические подходы появились в конце 1980–х гг. В работах Дж. Э. Тикнер (Тикнер, 2006), Фреда Холлидея (Halliday, 1994), Сары Браун (Brown, 1998), Кристин Сильвестер (Silvester, 1994), Анны Мари Гетц (Goetz, 2003), Элизабет Прюгль (Meyer & Prüggl, 1999), Марыси Залевской и Джейн Парпарт (Zalewski & Parpart, 1998) и других западных авторов рассматривалась тема равенства полов в вопросах политики и международных отношений. С. Браун предполагала, что «подлинно эмансипационные феминистские международные отношения будут принимать гендерные различия в качестве отправной точки, но не будут воспринимать их как данность» (Brown, 1988: 473). Примерно в тот же период Дж. Э. Тикнер пыталась доказать, что феминистские взгляды на международные отношения являются лишь промежуточным шагом на пути к конечной цели – бесгендерной перспективы (Tickner, 1992).

³ С июня 2024 г. пост министр иностранных дел и сотрудничества ЮАР занимает Рональд Ламола.

В последние десятилетия гендерное измерение политических процессов в мировой политической науке стало объектом пристального изучения. В основе методологии гендерных исследований лежит «... изучение отношений власти и подчинения, которые реализуются и утверждаются в обществе через гендерные отношения» (Овчарова & Рябова, 2019: 510). В методологическом смысле гендерный подход к изучению международных отношений позволил по-новому взглянуть на изменение статусно-ролевых позиций мужчин и женщин в современном обществе.

Анализ гендерного измерения современных международных отношений сопряжен с некоторыми сложностями, присущими также другим методологическим подходам. Российские ученые отмечают, что в теории международных отношений остается актуальной проблема уровней анализа, которая, в том числе, «...делает полученное знание фрагментарным из-за неизбежных онтологических, эпистемологических и методологических компромиссов в исследовательском процессе» (Лошкарев, 2021: 5).

В изучении международных организаций, в том числе ООН, в качестве одного из методов анализа в международно-политической науке применяются формализованные модели. В рамках формализованных моделей международных отношений гендер как один из видов идентичности становится элементом набора допущений – наряду со стилем принятия решений, предпочтениями субъектов, их позитивными и нормативными убеждениями, а также набором стратегий (Дегтярев, 2017: 38).

Тему представленности южноафриканок в руководстве структур ООН необходимо рассматривать в двух плоскостях – представленность женщин в руководстве ООН вообще и причины назначений на эти посты в ряде случаев представительниц ЮАР.

Западная и отечественная исследовательская литература по теме представленности женщин в руководстве международных организаций не столь обширна, как литература о гендерных сдвигах в политике или в бизнесе. Одна из причин – ограниченность статистических данных по этой теме. До недавнего времени исследования о деятельности женщин в международных организациях ограничивались краткими тематическими обзорами, большая часть которых посвящена культурным и институциональным барьерам инкорпорации в них женщин. Среди комплексных / углубленных исследований последних лет необходимо выделить работы Кирстен Хаак (Haack, 2014, 2017; Haack & Karns, 2023), Ингвилд Бодде (Bode, 2020), Констанции Варгас (Vargas, 2019), М.В. Соколовой (Sokolova, 2023) и др. В своих исследованиях авторы рассматривают вопросы гендерной природы институциональных процессов и практик, которые влияют на доступ женщин к руководящим ролям в международных организациях, прежде всего в структурах ООН. Ряд авторов пришли к выводу, что гендерный паритет является узким местом в процессе отбора руководителей международных организаций. При этом в некоторых исследованиях отмечается воздействие политизации на этот отбор. Как справедливо

отмечает О.В. Гаман-Голутвина, «один и тот же эмпирический материал может быть истолкован противоположным образом, а политическая конфликтность может отражаться на методологическом уровне» (Гаман-Голутвина, 2016: 90).

Гендерная проблематика в международных отношениях нашла отражение и в работах российских исследователей, например, С.М. Виноградовой (Виноградова, 2010), Т.В. Зоновой (Зонова, 2009), Т.В. Скороспеловой (Скороспелова, 2019), Е.Э. Шишловой (Шишлова, 2014), В.И. Михайленко (Михайленко, 2020).

Гендерное равенство в многосторонних организациях и структурах

Вопрос о представленности женщин в Секретариате и структурах ООН находится на повестке дня организации с 1970 г. Гендерное равенство является неотъемлемым направлением работы Организации, что дополнительно закреплено в Целях устойчивого развития (ЦУР), принятых в 2015 г. В то же время ООН и другие международные организации практически всегда возглавляют мужчины (с момента создания ООН на пост Генерального секретаря всегда избирался мужчина), а их персонал характеризует дисбаланс гендерного профиля.

Например, к 2024 г. в числе 79 председателей Генеральной Ассамблеи было только 4 женщины⁴. В числе постоянных представителей в ООН 38 женщин (в 1995 г. – 8). Дж.Э. Тикнер отмечает, что «нормы и правила, на которых построена и воплощается в жизнь западная демократическая модель, были экспортированы в международные организации и также подвержены влиянию гендерных предрассудков» (Тикнер, 2006: 268).

Согласно последним исследованиям, «с 1990 г. женщины-лидеры избирались только в 25% ведущих многосторонних международных институтов» (Sokolova, 2023: 1088). С 1990 по 2020 гг. в 129 крупных международных организациях было 158 назначений женщин. Однако к 2020 г. в 39% международных организаций не было женщин на позиции руководителя (Sokolova, 2023: 1105).

Установление гендерного равенства на уровне руководства международных организаций, прежде всего ООН, является не только этическим, но и стратегическим решением. Наличие женщин на таких руководящих постах свидетельствует об укреплении норм принятия женщины в качестве руководителя на самом высоком уровне. С течением времени государства-члены ООН все чаще подчеркивали взаимосвязь между гендерным равенством в ООН и ее лидерством и моделирующим влиянием на государства-члены. Они признали, что женщины привносят разные точки зрения и жизненный опыт, которые имеют ценность для ООН, особенно в областях (например, поддержание мира, помощь в целях развития), где сотрудники ООН напрямую взаимодействуют с теми, кому они служат.

⁴ *Building Trust* (2024) A Joint Statement on the representation of women at UN leadership positions. Available at: <https://buildingtrust.si/statement/a-joint-statement-on-the-representation-of-women-at-un-leadership-positions> (accessed 9 November 2024).

Британский исследователь Кирстен Хаак, анализируя доступ и представительство женщин в международных организациях, отмечает, что «... единственным фактором, который может положительно повлиять на увеличение численного представительства женщин и выйти за рамки стереотипов и женоненавистнических взглядов, является активная поддержка со стороны Генерального секретаря ООН» (Haack, 2022: 15). Справедливость этого суждения подтверждает практика. В мае 2015 г. в секретариате ООН сообщили, что генсек организации Пан Ги Мун поддерживает идею назначения женщины своим преемником. На выборах Генерального секретаря ООН, состоявшихся в 2016 г., в числе десяти официальных кандидатов было пять женщин. Новый Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш в 2017 г. публично отметил отсутствие прогресса по вопросу роста представленности женщин на руководящих постах в организации и заявил о приверженности ООН к увеличению их числа на высших должностях в Секретариате к 2028 г. Намерения были подтверждены конкретными действиями: к 2022 г. в плане гендерного равенства во внутренней системе ООН стали заметны положительные перемены. В марте 2022 г. А. Гутерриш заявил: «Мы достигли гендерного паритета среди высшего руководства ООН. В Секретариате доля женщин увеличилась с 37 до 42%»⁵.

Опыт новой демократической ЮАР: южноафриканки на руководящих постах ООН

Впервые представительница новой демократической ЮАР была назначена на высокий пост в ООН еще в 1995 г.: пост заместителя председателя ЮНЭЙДС (Объединенная программа ООН по ВИЧ / СПИД) заняла министр здравоохранения ЮАР Н. Дламини-Зума. Будучи одним из наиболее опытных южноафриканских женщин-политиков, видным деятелем правящей партии «Африканский национальный конгресс» (АНК), Дламини-Зума работала на министерских постах в правительствах всех президентов демократической ЮАР: Н. Манделы, Т. Мбеки, К. Мотланте, Дж. Зумы, а также президента С. Рамапосы.

С конца 2000-х гг. представительницы ЮАР также занимали ряд высоких должностей в структурах Организации Объединенных Наций: Н. Пиллэй – Верховный комиссар ООН по правам человека (2008–2014 гг.), Ф. Мламбо-Нгкука – исполнительный директор «ООН-Женщины» (2013–2021 гг.), Шейла Сисулу – заместитель Исполнительного директора Всемирной продовольственной программы (ВПП) ООН (2008–2013 гг.).

Назначение южноафриканок на руководящие посты в Организации Объединенных Наций стало возможно благодаря совокупности факторов.

⁵ *Новости ООН* (2022) Генсек ООН: патриархат победить сложно, но мы можем это сделать. Available at: <https://news.un.org/ru/story/2022/03/1419932> (дата обращения: 27.06.2024).

В первую очередь необходимо отметить, что в последние десятилетия Южно-Африканская Республика играет все более активную роль в мировом сообществе. Успехи в построении нерасового демократического государства и международно-признанные лидеры во главе страны (лауреат Нобелевской премии мира Нельсон Мандела, а позже Табо Мбеки) выделяют ЮАР на фоне других стран континента. Выдвинутая в 1996 г. Т. Мбеки концепция гармоничного развития страны под названием «африканский ренессанс» (Прокопенко & Шубин, 2001), по существу, была в русле тезиса о необходимости формирования многополярного мира и была ответом на вызовы глобализации. Авторитет ЮАР в качестве одного из региональных лидеров Африки укрепляли также ее активные усилия в деле реформирования ООН.

Кроме того, представительницы ЮАР обладали солидным опытом общественной и партийной работы, работы на высоких государственных постах (Ф. Мламбо-Нгкука), в дипломатии (Ш. Сисулу) и в международных организациях (Н. Пиллэй). Наконец, важную роль сыграла сама ЮАР, поскольку выдвинула их кандидатуры на высокие должности. Как показало исследование гендерного аспекта руководства международных организаций, проведенное в 2023 г. международной группой из США и Швейцарии, «... этап выдвижения кандидатур – одна из причин, почему гендерный паритет является узким местом в процессе отбора руководителей международных организаций» (Sokolova, 2023: 1090). В настоящее время многие страны приняли меры по обеспечению гендерного паритета в различных сферах, но лишь некоторые из них (в том числе и ЮАР) взяли на себя такое же обязательство в плане увеличения участия женщин в ведущих международных организациях.

Один из наиболее эффективных способов борьбы с гендерными стереотипами – пропаганда положительных примеров карьеры женщин, чей статус и достижения в профессиональном плане ясно опровергают предвзятые представления и стандартные ярлыки. Далее будут рассмотрены конкретные примеры деятельности южноафриканок на национальном и международном уровне.

Наванетхем Пиллэй: на страже прав человека

Пионером среди южноафриканок, чья работа на руководящей должности в международной организации получила широкое признание, стала Наванетхем (Нави) Пиллэй – Верховный комиссар ООН по правам человека в 2008–2014 гг. Пиллэй является одним из наиболее уважаемых экспертов в области международного уголовного права и прав человека.

Полувековая деятельность Пиллэй в области защиты прав человека началась, как и у многих чернокожих юристов, в студенческие годы с борьбы с режимом апартеида. После окончания университета в 1967 г. она открыла юридическую практику, в рамках которой защищала права активистов, выступающих против апартеида, и политзаключенных.

Пиллэй внесла весомый вклад в защиту прав женщин, став в 1992 г. соучредителем международной организации «Равенство сейчас» (*Equality Now*). Была также одним из лидеров женского движения в Южной Африке и членом Женской национальной коалиции (*Women's National Coalition*).

После прихода к власти АНК в 1994 г. Пиллэй вернулась на родину. В январе 1995 г. по инициативе президента страны Н. Манделы была назначена на должность судьи Высокого суда в Натале, став первой цветной женщиной в этом органе.

На протяжении почти десятка лет (1995–2004 гг.) Пиллэй была судьей, а позже председателем Международного уголовного трибунала по Руанде (МУТР)⁶. Она участвовала в вынесении приговора бывшему бургомистру коммуны Таба Жан-Полю Акайесу, осужденному по девяти пунктам обвинения за изнасилование женщин тутси как преступление против человечности и акт геноцида (Benesch, 2004: 63), что стало важным этапом в деле борьбы с сексуальным насилием во время конфликтов⁷.

Пиллэй сыграла решающую роль также в разработке судебной практики МУТР в отношении свободы слова и пропаганды ненависти. Например, во время рассмотрения так называемого дела СМИ⁸ председатель суда Н. Пиллэй заявила: «Без огнестрельного оружия, мачете или любого другого вида оружия вы стали причиной гибели тысяч невинных мирных жителей»⁹.

Деятельность Н. Пиллэй в МУТР обогатила опыт в области международного уголовного правосудия и способствовала созданию прецедентов для различных международных юрисдикций, в том числе Международного уголовного суда (МУС) (*International Criminal Court, ICC*), поэтому в 2003 г. она была избрана судьей МУС. В своей деятельности особое внимание уделяла вопросам дискриминации во всех ее проявлениях. Так, по словам южноафриканского журналиста и исследователя Д. Майнорс, Пиллэй, придя работать в МУС, «была разочарована тем, что работавшие там африканки, казалось, не замечали расовой дискриминации и ограниченных возможностей продвижения по службе»¹⁰.

⁶ *International Criminal Tribunal for Rwanda* (ICTR), создан в ноябре 1994 г. для рассмотрения международных преступлений после геноцида в Руанде, суд находился в г. Аруша (Танзания).

⁷ Необходимо отметить, что до этого Международный уголовный суд по бывшей Югославии (МТБЮ), учрежденный Советом Безопасности ООН в 1993 г., сексуальные преступления рассматривал так же, как преступления против человечности, военные преступления и геноцид.

⁸ Дело против основателей радиостанции «Тысяча холмов» Нахиманы и Бараягвизы, а также владельца газеты «Кангура» Нгезе, передачи и публикации которых призывали людей участвовать в истреблении народа тутси.

⁹ *United Nations International Criminal Tribunal for Rwanda* (2003) Three Media Leaders convicted for Genocide. 3 December. Available at: <https://unictir.irmc.org/en/news/htree-media-leaders-convicted-genocide> (accessed 9 September 2024).

¹⁰ Minors D. (2022) Wits awards jurist and activist Navi Pillay her 18th honorary degree. *MailGuardian*, 2 May. Available at: <https://mg.co.za/education/2022-05-02-wits-awards-jurist-and-activist-navi-pillay-her-18th-honorary-degree> (accessed 27 June 2024).

Успешная работа в Международном уголовном суде сделала возможным ее дальнейший карьерный рост: 1 сентября 2008 г. Генеральная Ассамблея ООН назначила Пиллэй Верховным комиссаром ООН по правам человека. С самого начала пребывания в этой должности она выступала против смертной казни и призывала государства, применявшие эту меру наказания, перейти к ее отмене. Пиллэй прилагала серьезные усилия для функционирования эффективной международной системы по защите прав человека, глубоко вникала в возникающие в этой области проблемы. Она неоднократно подчеркивала, что подписываемые договоры и обязательства по ним, взятые государствами, кодифицируют универсальные ценности и устанавливают процедуры, позволяющие каждому человеку жить полноценной жизнью. Верховный комиссар настаивала на необходимости ответственности каждого государства-участника ООН, принимающего важные решения для укрепления системы договорных органов по правам человека, открыто говорила о проблемах. Так, в 2012 г. в своем докладе она отмечала, что считает шокирующим и недопустимым факт того, что «в среднем 23% государств-участников одного договора никогда не участвовали в обзоре его процедуры» (Strengthening the United Nations, 2012: 94).

Ей принадлежит большая заслуга в борьбе с дискриминацией всех видов, в том числе в отношении ранее игнорировавшихся групп, что нередко вызывало недовольство со стороны развитых стран, возражавших против тщательного изучения их обращения с меньшинствами. Пиллэй настаивала на необходимости сосредоточить внимание не только на политических и гражданских правах меньшинств, но и на их экономических, социальных и культурных правах.

В интервью южноафриканскому журналисту Д. Майнорс Пиллэй вспоминала разговоры с сотрудниками из западных стран, считавших правомерным превалирование назначений их представителей в международные институты на том основании, что их страны платили большие взносы в ООН¹¹. Такое географическое неравенство в подборе персонала Организации она считала дискриминацией, равно как и низкое представительство в нем женщин. Она не только озвучивала свою позицию, но делала конкретные шаги для изменения положения дел. В годы ее руководства происходили кадровые изменения, в том числе в плане улучшения гендерной ситуации. Н. Пиллэй также хорошо понимала необходимость недопущения расовой и гендерной дискриминации: «Тот, кто толкует закон, как минимум, не менее, если не более, важен, чем тот, кто его составляет... Я не сумею выразить, до какой степени необходимым я считаю представительство женщин и учет гендерной концепции на всех уровнях следствия, обвинения, защиты в суде, защиты свидетелей и судебного разбирательства» (Квест, 2008: 1).

¹¹ Minors D. (2022) Wits awards jurist and activist Navi Pillay her 18th honorary degree. *MailGuardian*, 2 May. Available at: <https://mg.co.za/education/2022-05-02-wits-awards-jurist-and-activist-navi-pillay-her-18th-honorary-degree> (accessed 27 June 2024).

Аналогичным образом Пиллэй хорошо понимала важность защиты прав НПО: «Я пыталась создать больше законного пространства для организаций гражданского общества, потому что некоторые страны принимали законы, мешающие их финансированию»¹².

Н. Пиллэй придерживалась демократического подхода к управлению, но, защищая идеалы верховенства права и гендерного равенства, выступала с жестких и бескомпромиссных позиций, особенно когда речь шла о борьбе с гендерными преступлениями.

В феврале 2011 г. Пиллэй посетила Россию. В ходе ее визита состоялись встречи с президентом РФ Д.А. Медведевым, министрами, главами ведомств, председателем Верховного Суда, генеральным прокурором, депутатами Государственной Думы, представителями гражданского общества и правозащитниками. Ранее под ее руководством Управление Верховного комиссара ООН уже подписало соглашение о создании магистерской программы по правам человека в трех российских университетах (МГИМО, РУДН и РГГУ)¹³. Офис Пиллэй также способствовал разработке новой русскоязычной версии сайта Управления Верховного комиссара ООН по правам человека.

На высоком посту ООН Н. Пиллэй находилась до августа 2014 г. За годы своей работы Н. Пиллэй внесла большой вклад в разработку нормативной базы международного правосудия, включая принципы и практику борьбы с гендерными преступлениями. На сайте названной ее именем Исследовательской группы (*Navi Pillay Research Group, NPRG*), созданной в школе права Университета Квазулу-Натал (ЮАР), даже заявляется о ее вкладе в «...изменение глобального дискурса, политики и практики, касающихся прав человека».¹⁴

После Пиллэй продолжила общественную деятельность в ЮАР и за ее пределами. Она является судьей *ad hoc* Международного суда ООН (*International Court of Justice, ICJ*), членом экспертной Африканской группы за справедливость и подотчетность (*Africa Group for Justice and Accountability, AGJA*). В 2017 г. была избрана председателем Консультативного совета Международной академии Нюрнбергских принципов (*Advisory Council of the International Nuremberg Principles Academy*), которая занимается образованием в сфере прав человека.

Пиллэй объективна в отношении внешней политики ЮАР. Юрист международного уровня говорит как о положительных ее сторонах, так и критикует недостатки. Отмечая факт ратификации Южно-Африканской Республикой всех основных договоров ООН по правам человека, ее усилия в принятии

¹² Minors D. (2022) Wits awards jurist and activist Navi Pillay her 18th honorary degree. *Mail & Guardian*, 2 May. Available at: <https://mg.co.za/education/2022-05-02-wits-awards-jurist-and-activist-navi-pillay-her-18th-honorary-degree> (accessed 27 June 2024).

¹³ МГИМО-Университет (2009) Подписано соглашение о создании магистерской программы по правам человека. 15 июля. Available at: <https://mgimo.ru/about/news/main/117863/> (дата обращения: 08.11.2024).

¹⁴ *University of KwaZulu-Natal* (n.d.) Welcome to the Navi Pillay Research Group. Available at: <https://law.ukzn.ac.za/navi-pillay-research-group> (accessed 9 September 2024).

в 2008 г. Декларации ООН по вопросам сексуальной ориентации и гендерной идентичности, Пиллэй в то же время обращает внимание на наблюдавшуюся в последнее время некоторую непоследовательность голосования страны по ряду резолюций по правам человека. Например, она подвергла критике голосование ЮАР, которую возглавлял президент Сирил Рамапоса, против принятой в октябре 2018 г. резолюции Совета по правам человека ООН «О защите правозащитников, занимающихся продвижением экономических, социальных и культурных прав». Пиллэй заявила, что в ЮАР существенна роль гражданского общества, поэтому страна должна была отстаивать права, закрепленные в Билле о правах человека, и защищать правозащитников.

Пиллэй продолжает вести просветительскую работу по вопросам прав человека, читая лекции для студентов, консультируя юристов и политиков, выступая на различных мероприятиях во многих странах мира. В 2016 г. ей было присвоено звание почетного доктора Университета имени Эразма Роттердамского (г. Роттердам, Нидерланды), а в 2022 г. – Университета Витватерсранда (ЮАР). В мае 2021 г. Н. Пиллэй выступила на 15-й ежегодной лекции по правам человека, которую проводит Стелленбошский университет. Пиллэй призвала ЮАР ратифицировать Факультативный протокол к Международному пакту об экономических, социальных и культурных правах, что поможет ЮАР сыграть роль в повышении авторитета Совета Безопасности в области прав человека и ограничении применения права вето в ситуациях массовых нарушений прав человека.

В школе права Университета Квазулу-Наталь (ЮАР) она создала названную ее именем Исследовательскую группу и стала ее покровителем. Н. Пиллэй поддерживает план Генерального секретаря ООН Антониу Гутерриша по реформированию Организации, считая, необходимым вернуться к фундаментальным принципам работы ООН и ее Уставу.

Фумзиле Мламбо-Нгкука – исполнительный директор «ООН-Женщины»

В 2013–2021 гг. государственный и политический деятель ЮАР Фумзиле Мламбо-Нгкука занимала пост исполнительного директора «ООН-Женщины» (*UN-Women*) – структуры, созданной в июле 2010 г. в качестве специального подразделения ООН по гендерному равенству и расширению прав и возможностей женщин.

В годы апартеида Ф. Мламбо-Нгкука была активистом молодежных и женских общественных организаций. В 1984–1989 гг. работала в Женеве координатором одной из крупнейших международных организаций Ассоциации молодых христианских женщин (*World Young Women's Christian Association, YWCA*), разрабатывая программу развития молодых женщин. Мламбо-Нгкука считалась одним из лидеров женского движения Южной Африки.

После победы АНК на выборах в 1994 г. Мламбо-Нгкука была избрана депутатом парламента, в 1997 г. стала членом Национального исполнительного комитета (НИК) правящего АНК. С середины 1990-х гг. начался взлет

ее карьеры государственного деятеля, когда она занимала ряд министерских постов. В июне 2005 г. президент ЮАР Табо Мбеки назначил Ф. Мламбо-Нгкука вице-президентом¹⁵. Однако противники этого назначения объясняли взлет политической карьеры африканки помощью супруга, влиятельного представителя руководства АНК Булелани Нгкука. Мламбо-Нгкука оставалась на этом посту до ухода в отставку президента Мбеки в 2008 г.

В августе 2013 г. Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун назначил Мламбо-Нгкука – энергичного политика и общественного деятеля, имевшего большой опыт работы в различных международных организациях, одного из лидеров женского движения Южной Африки, – новым директором исполнителем структуры «ООН-Женщины».

В новой должности она проявила себя активным деятелем и хорошим организатором. В 2013 г. структура «ООН-Женщины» оказала прямую поддержку программам в 96 странах. Крупнейшими областями помощи были искоренение насилия в отношении женщин (85 стран), лидерство и участие (71) и расширение экономических возможностей¹⁶. Ее успешную работу неоднократно отмечал Пан Ги Мун. Оценил ее и следующий Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш: в июле 2017 г. он снова назначил южноафриканку на эту должность на следующие четыре года.

Ф. Мламбо-Нгкука неоднократно заявляла об универсальности проблемы равенства полов, так как оно пока не достигнуто даже в промышленно развитых странах. Под ее руководством структура «ООН-Женщины» продолжала играть на глобальном уровне «...ведущую роль в продвижении и поддержке усвоения норм и стандартов, которые ускоряют реализацию гендерного равенства...» (Шведова, 2014: 37). Она настаивала на том, что для строительства более справедливого, бесконфликтного и надежного мира необходимо поддерживать представительство женщин на лидерских позициях в жизни общества, в политике и бизнесе. Она подчеркивала, что для достижения гендерного равенства «...необходимо мобилизовать не только парламенты, но и население, не только гражданское общество, но и все общество»¹⁷.

Стойкая позиция в отстаивании гендерного равенства сформировалась у этого африканского политика и международного деятеля на базе личного опыта, в котором кроме лавров успеха были и «тернии» мужского шовинизма. Например, ее назначение на пост вице-президента ЮАР в 2005 г. после снятия Джейкоба Зумы (зулус) некоторые ее соотечественники-зулусы расценили как оскорбление: «Дело не только в том, что она женщина, хотя и этот фактор неблагоприятный: негоже женщине представлять в правительстве нацию великих воинов» (Давидсон & Филатова, 2009: 430).

¹⁵ Она стала первой женщиной в стране, занявшей такой высокий государственный пост.

¹⁶ *UN Women* (2014) Women Annual Report 2013–2014. Available at: <http://www.unwomen.org/~media/58ED9AE-6A3B544149C9DEFA302CC9884.ashx> (accessed 27 June 2024).

¹⁷ Phumzile Mlambo-Ngcuka (2015) Why we need new allies for gender equality. *World Economic Forum*, 18 January. Available at: <https://www.weforum.org/agenda/2015/01/why-we-need-new-allies-for-gender-equality> (accessed 27 June 2024).

Руководство Мламбо-Нгкука отличалось демократическим стилем управления с ориентацией на межличностные отношения. В коммуникации с кадрами возглавляемой организации Мламбо-Нгкука удавалось сохранять благоприятный психологический климат. В то же время многие отмечали ее твердость в реализации принятых решений (контроль и требовательность к сотрудникам). Это особо проявилось в последние два года ее пребывания на посту.

Новым вызовом для структуры «ООН-Женщины» стала разразившаяся пандемия *COVID-19*. 25 ноября 2020 г. Мламбо-Нгкука в своем послании по случаю Международного дня борьбы за ликвидацию насилия в отношении женщин заявила, что «выявлена тесная связь между пандемией *COVID-19* и резким ростом числа зарегистрированных случаев насилия всех видов. Мы дали этому явлению название "теневая пандемия"»¹⁸. 15 марта 2021 г., выступая в Нью-Йорке на 65-й сессии Комиссии ООН по положению женщин, она настаивала на том, что пандемия *COVID-19* оказала непропорционально большое влияние на женщин и девочек. При этом она критиковала Всемирную организацию здравоохранения (ВОЗ) за отсутствие женщин в ее руководстве.

В августе 2021 г. после двух четырехлетних сроков работы Мламбо-Нгкука ушла в отставку. В интервью по этому поводу она заявила, что возвращается в ЮАР и продолжит заниматься общественной работой, в том числе направленной на поддержку молодых активистов, идущих в политику.

В декабре 2022 г. она стала членом Консультативного комитета МОК (Международный олимпийский комитет) по правам человека. Есть в биографии Мламбо-Нгкука и миротворческая деятельность: в ноябре 2022 г. она участвовала в посредничестве Африканского союза (АС) при подписании мирного соглашения между федеральными властями Эфиопии и повстанцами штата Тыграй. В 2022 г. Мламбо-Нгкука была отмечена наградой *Forbes Africa*.

Мламбо-Нгкука остается убежденным поборником гендерного равенства. В 2023 г. она заявила: «Через 50 лет мы не должны говорить о женщинах-лидерах, мы должны говорить только о лидерах».¹⁹

Шейла Сисулу: уверенный взлет карьеры

Шейла Сисулу известна своей деятельностью в качестве заместителя Исполнительного директора Всемирной продовольственной программы (ВПП) ООН (*World Food Programme, WFP*) в 2008–2013 гг.

¹⁸ *UN Women* (2020) Statement by Phumzile Mlambo-Ngcuka, UN Women Executive Director, on the International Day for the Elimination of Violence against Women. Available at: <https://eca.unwomen.org/ru/news/stories/2020/11/statement-ed-phumzile-international-day-for-the-elimination-of-violence-against-women> (accessed 27 June 2024).

¹⁹ *Forbes Africa* (2023) The 50 Over 50 List of Africa's Female Powerhouses. Available at: <https://www.forbesafrica.com/lists/2023/02/14/50-over-50-success-at-every-age> (accessed 27 June 2024).

Свою карьеру Ш. Сисулу начинала как педагог. Была активистом борьбы за равенство и социальную справедливость, вступила в ряды АНК. В 1988–1991 гг. Сисулу работала в Южноафриканском совете церквей (*South African Council of Churches, SACC*), который открыто выступал против апартеида. На общественных началах работала в проекте по вопросам неблагоприятного положения чернокожей молодежи в Южной Африке.

После победы АНК на выборах в 1994 г. Ш. Сисулу стала специальным советником министра образования, входила в состав группы, которая разрабатывала новое законодательство, отвечая за политику гендерного равенства, развитие молодежи, воспитание и образование детей младшего возраста.

В 1997 г. Сисулу была назначена генеральным консулом ЮАР в США, а в 1999 г. – послом ЮАР в США. Она активно занималась вопросами, связанными с повышением информированности международной общественности о социальных проблемах ЮАР и Африки и в целом. В июле 1999 г. в интервью *Washington Post* она сказала, что как посол видит свою задачу в том, чтобы «эффективно привлекать внимание к своей стране»²⁰. Говорила, что в дипломатическом корпусе не замечала по отношению к себе снисхождения или особого обращения со стороны коллег-мужчин, однако сетовала, что на первых порах «общественность раз за разом принимает меня за жену посла» (Séphocle, 2000: 182).

Заработав в ходе деятельности в качестве посла репутацию неравнодушного к гуманитарным проблемам человека, способного мыслить глобально, в феврале 2003 г. Ш. Сисулу была назначена заместителем исполнительного директора Департамента внешних связей Всемирной продовольственной программы (ВПП) ООН (*World Food Programme, WFP*). А через пять лет, в январе 2008 г., она стала заместителем Исполнительного директора ВПП.

Сисулу неоднократно на разных площадках повторяла, что международная общественность недостаточно внимательно относится к теме голода и недоедания. Представляя в июле 2006 г. на пресс-конференции в Женеве новый доклад «Голод и обучение», она отметила, что 25 тыс. человек в мире ежедневно умирают от болезней, связанных с голодом и недоеданием, поэтому голод становится причиной гибели многих людей и источником недостаточного развития многих стран. В декабре 2008 г. она заявляла, что «непрекращающийся продовольственный кризис и рост заболеваемости ВИЧ / СПИД в Африке образуют смертоносное партнерство, которое разрушает

²⁰ Boustany N. (1999) A 'Positive Variation' of Activism. The Washington Post. Available at: <https://www.washingtonpost.com/archive/politics/1999/07/16/a-positive-variation-of-activism/043d947d-a166-4bb5-9784-2e4ec1d347> (accessed 27 June 2024).

средства к существованию и подрывает экономику на самом бедном континенте мира»²¹. Она также говорила об опасном влиянии сложившейся ситуации на стабильность африканских стран, приводя пример Зимбабве.

В июне 2009 г. Сисулу приезжала в Россию для участия в Первом Всемирном зерновом форуме, который проходил в Санкт-Петербурге. В интервью корреспонденту РИА Новости она отметила, что в борьбе с голодом «Всемирный зерновой форум может стать необходимым катализатором дальнейших решительных действий по обеспечению необходимого продовольственного содействия и необходимого развития»²².

В этой должности Сисулу работала до января 2013 г. Позже была специальным посланником министра сельского, лесного и рыбного хозяйства ЮАР. В 2015–2023 гг. была ректором Университета имени У. Сисулу, открытого в г. Мтата (ЮАР) в 2005 г. В своей новой работе Сисулу уделяла внимание не только вопросам образования молодежи в целом, но и расширению прав молодых женщин, получающих образование и вливающимся в ряды молодых специалистов. Ш. Сисулу имеет почетную степень доктора наук Университета штата Мэриленд (США). В 2017 г. почетное звание доктора ей присвоил также Университет Родса (г. Грэхэмстаун, ЮАР) в знак признания заслуг в деле обеспечения продовольственной безопасности.

Заключение

В российской африканистике гендерная тематика исследуется уже более тридцати лет (Крылова, Ксенофонтова, Прокопенко & Гришина, 2019). В многочисленных исследованиях социокультурных и политических отношений затрагивались также вопросы гендерного измерения международных отношений. Гендерные подходы в этом плане представляются весьма перспективными, так как позволяют изучить влияние социальных отношений на международные отношения с новых позиций. Роль гендера в повестке международных институтов наглядно видна на примере ООН, которая в последние годы демонстрирует позитивные изменения гендерного состава своих структур в сторону увеличения числа женщин.

Не умаляя заслуг и личных, профессиональных и организаторских качеств южноафриканок, необходимо отметить факт того, что их назначения в структурах ООН пришлось на период, когда ЮАР не только была в авангарде гендерных преобразований общества, но и стала одним из региональных лидеров Африки. В определенной степени это могло повлиять на выбор в пользу южноафриканок.

²¹ Fletcher P. (2008) Hunger, HIV/AIDS hit Africa with double punch: WFP. *Reuters*, 5 December. Available at: <https://www.reuters.com/article/us-aids-food-africa/hunger-hiv-aids-hit-africa-with-double-punch-wfp-idUSTRE4B43S520081205> (accessed 27 June 2024).

²² *РИА Новости* (2009) Шейла Сисулу: миру необходимо увеличить доступ к продовольствию. Available at: <https://ria.ru/20090604/173262893.html?ria=isi3f3ouj8667to3lppbfm674l3r74jo> (дата обращения: 27.06.2024).

Деятельность героинь данного исследования демонстрирует примеры в основном эффективного руководства. Природная склонность к коммуникации, терпение и интуиция помогают женщинам-дипломатам в решении международных проблем, а женщинам-руководителям организаций снимать напряженность и предотвращать кризисы и конфликты в коллективе. Так, группа американских исследователей во главе с Элис Игли считает, что женщины чаще выбирают демократический стиль руководства (Eagly, 1995). В то же время, учитывая специфику работы в сфере международных отношений и необходимость принятия важных решений, женщины-руководители проявляют также такие качества, как «...жесткость, непримиримость, бескомпромиссность – качества, присущие, как правило, мужчинам» (Зонова, 2009).

Практика показала, что Н. Пиллэй, Ф. Мламбо-Нгкука и Ш. Сисулу умело сочетали жесткость с демократическим стилем руководства для формирования сбалансированного стиля коммуникации как с кадрами возглавляемых организаций, так и с международным сообществом. Именно такой стиль руководства наиболее оправдан в эпоху постмодерна. Как отмечает российский исследователь Е.Э. Шишлова, «... для достижения успеха в различных сферах общественной жизни необходимо гармоничное сочетание феминных и маскулинных черт, и этот процесс распространяется как на отдельных индивидов, так и на целые цивилизации» (Шишлова, 2014: 251).

Результатом твердости характера и принципиальности Верховного комиссара ООН по правам человека Н. Пиллэй стал большой вклад в разработку нормативной базы международного правосудия, включая принципы и практику борьбы с гендерными преступлениями. Стойкая позиция в отстаивании гендерного равенства исполнительного директора «ООН-Женщины» Ф. Мламбо-Нгкука привлекла внимание мирового сообщества к универсальности проблемы равенства полов и необходимости мобилизации власти и общества для искоренения гендерного неравенства. Те же качества позволили заместителю исполнительного директора Всемирной продовольственной программы ООН Ш. Сисулу повлиять на международную общественность и наравне с темой ВИЧ / СПИД уделять больше внимания теме голода и недоедания.

На момент назначения на посты в ООН южноафриканки уже имели солидный опыт работы в государственных структурах и общественных организациях, в том числе на международном уровне, что помогало им налаживать конструктивные отношения с представителями разных стран и культур, представленных в ООН и ее структурах.

Интересно, что в их деятельности прослеживается тенденция склонности к вопросам социальной политики. Известные южноафриканки не раз активно взаимодействовали на различных площадках ЮАР и на международных встречах и форумах по вопросам борьбы с бедностью, защиты детей, а также гендерного равенства и расширения политических и экономических прав женщин. В будущем, вероятно, более настойчивое и массивное

продвижение социальной политики «... может изменить способ ведения международных дел, если число женщин-лидеров будет продолжать расти» (Vargas, 2019: 541).

Нельзя не отметить, что южноафриканки неоднократно сталкивались с дискриминацией по различным признакам. Их деятельность в рамках ООН иногда подвергалась критике со стороны СМИ, государств-участниц и различных НПО. Но для руководителя высокого ранга важна действенная реакция на обоснованную критику, а также способность спокойно выполнять свою работу. Стойкость характера, большой жизненный опыт, самоорганизация помогали южноафриканкам справляться не только с серьезными нагрузками в связи с ненормированным рабочим днем, частыми перелетами в ходе служебных командировок, психологическим напряжением, но и с явным или завуалированным сопротивлением коллег-мужчин.

Отнюдь не пытаюсь преувеличить влияние героинь статьи на дальнейшие гендерные подвиги кадровой политики ООН, хотелось бы отметить, что после завершения срока полномочий Н. Пиллэй пост Верховного комиссара по правам человека с небольшим перерывом также занимали женщины: Мишель Бачелет (2018–2022 гг.) и Нада Аль-Нашиф (в качестве исполняющего обязанности в августе–сентябре 2022 г.) А в 2023 г. (десять лет спустя после ухода в отставку Ш. Сисулу) исполнительным директором Всемирной продовольственной программы (ВПП) ООН вновь была назначена женщина – американка Синди Маккейн.

Деятельность южноафриканок отмечена многими международными наградами. В феврале 2023 г. Ф. Мламбо-Нгука вошла в список 50-ти влиятельных женщин-лидеров Африки, достигших 50-летнего возраста и продолжающих активную деятельность, который опубликовал журнал *Forbes Africa*²³. Высокая оценка деятельности Н. Пиллэй, Ф. Мламбо-Нгука и Ш. Сисулу на их родине и в международном сообществе, несомненно, укрепила международный имидж ЮАР и стала достойным ответом на вопрос о смысле и результативности борьбы женщин за свои права и возможности их представительства на руководящих должностях в ООН.

Список литературы

1. Абрамова И.О. (2015) Глобальные политические и экономические процессы в Африке в контексте реализации целей развития континента в XXI веке. *Ученые записки Института Африки РАН* 1(32): 4–13.
2. Бузык Е.Д. (2015) Конструирование гендерной идентичности в политическом дискурсе. *Вестник МГИМО-Университета* 3(42): 167–172. DOI: 10.24833/2071-8160-2015-3-42-166-172.
3. Виноградова С.М. (2010) Государство, безопасность, суверенитет: международные отношения в зеркале феминизма. *ПОЛИТЕКС* 6(4): 53–67.

²³ *Forbes Africa* (2023) The 50 Over 50 List of Africa's Female Powerhouses. 14 February. Available at: <https://www.forbesafrica.com/lists/2023/02/14/50-over-50-success-at-every-age> (accessed 27 June 2024).

4. Гаман-Голутвина О.В. (2016) Политология как метадисциплинарная матрица. *Международные процессы* 14(1): 86–94. DOI: 10.17994/IT.2016.14.1.44.7.
5. Гаман-Голутвина О.В., Никитин А.И. (ред.) (2019) *Современная политическая наука: методология*. М.: «Аспект Пресс». 776 с.
6. Давидсон А.Б., Филатова И.И. (2009) Южная Африка: власть, демонтаж апартеида, новые политические ориентиры. В: *Современная Африка: метаморфозы политической власти*. М.: Издательство «Восточная литература». с. 377–446.
7. Давидсон А.Б., Филатова И.И. (2010) *Россия и Южная Африка. Три века связей*. М.: Высшая школа экономики (Государственный университет). 332 с.
8. Дегтярев Д.А. (2017) Формализованные модели в международно-политической науке. *Полис. Политические исследования* 4: 33–48. DOI: 10.17976/jpps/2017.04.04.
9. Зонова Т.В. (2009) Гендерный фактор в политике и дипломатии. *Международные процессы* 7(2): 94–100.
10. Квест Ш. (2008) *Гендер и реформирование системы правосудия. ОБСЕ ООН*. Женева. 32 с.
11. Крылова Н.Л., Ксенофонтова Н.А., Прокопенко Л.Я., Гришина Н.В. (2019) Африка в гендерном измерении (К 30-летию гендерных исследований в российской африканистике). *Женщина в российском обществе. Российский научный журнал* (2): 32–42. DOI: 10.21064/WinRS.2019.2.3.
12. Лошкарев И.Д. (2021) Проблема уровней анализа в теории международных отношений: на пути к онтологическим обязательствам? *Сравнительная политика* 12(4): 5–18. DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10036.
13. Михайленко В.И. (2020) Эвристический потенциал гендерных теоретических подходов в исследовании международных отношений. *История и современное мировоззрение* 2(4): 55–62. DOI: 10.33693/2658-4654-2020-2-4-55-62.
14. Овчарова О.Г., Рябова Т.Б. (2019) Гендерные аспекты политологических исследований. В: О.В. Гаман-Голутвина, А.И. Никитин (ред.) *Современная политическая наука: методология. Научное издание*. М.: «Аспект Пресс». с. 509–524.
15. Прокопенко Л.Я. (2018) *Женщины и власть (на примере стран Юга Африки)*. М.: Институт Африки РАН. 206 с.
16. Прокопенко Л.Я., Шубин В.Г. (2001) Африканский ренессанс. *Ученые записки Института Африки РАН* 2(24): 25–58.
17. Скороспелова Т.В. (2019) Гендерная проблематика в исследованиях феномена войны. *Вестн. Моск. ун-та. Серия 25: Международные отношения и мировая политика* 11(3): 77–91.
18. Тикнер Дж. Э. (2006) *Мировая политика с гендерных позиций. Проблемы и подходы эпохи, наступившей после «холодной войны»*. М.: Культурная революция. 336 с.
19. Шведова Н.А. (2014) Международное сообщество о гендерном равенстве. Билль о правах женщин. *Женщина в российском обществе. Российский научный журнал* 4: 32–39.
20. Шишлова Е.Э. (2014) Психологическая и философская рефлексия феномена андрогина как «постгендера». *Вестник МГИМО-Университета* 1(34): 244–253. DOI: 10.24833/2071-8160-2014-1-34-244-253.
21. Benesch S. (2004) Inciting Genocide, Pleading Free Speech. *World Policy Journal* 21(2): 62–69.
22. Bode I. (2020) Women or leaders? Practices of narrating the United Nations as a gendered institution. *International Studies Review* 22(3): 347–369.
23. Brown S. (1988) Feminism, International Theory, and International Relations of Gender Inequality. *Sage journal* 17(3): 461–476.
24. Eagly A.H., Karau S.J., Makhijani M.G. (1995) Gender and the effectiveness of leaders: a meta-analysis. *Psychological bulletin* 117 (1): 125–145. DOI: 10.1037/0033-2909.117.1.125.
25. Eboe-Osuji be Chile (ed.) (2010) *Protecting Humanity. Essays in International Law and Policy in Honour of Navanethem Pillay*. Martinus Nijhoff Publishers. 910 p.

26. Goetz A.M. (2003) *No Shortcuts to Power: African Women in Politics and Policy Making*. London: Zed Books, 246 p.
27. Haack K. (2014) Breaking barriers? Women's representation and leadership at the United Nations. *Global Governance* 20(1): 37–54.
28. Haack K. (2017) Women, organizational crisis and access to leadership in international organizations. *Journal of Women, Politics & Policy* 38(2): 175–198. DOI: 10.1080.
29. Haack K. (2022) *Women's Access, Representation and Leadership in the United Nations*. London: Palgrave Macmillan, 222 p.
30. Haack K., Karns M.P. (2023) Where are the women leaders in international organizations and what difference do they make? In Edgar A.D. (ed.) *Handbook on Governance in International Organizations*. UK: Edward Elgar Publishing Limited, pp. 140–155.
31. Halliday F. (1994) *Rethinking International Relations*. UBC Press. 304 p.
32. Meyer, M.K., Prüg E. (eds.) (1999) *Gender Politics in Global Governance*. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 315 p.
33. Pillay N. (2012) *Strengthening the United Nations human rights treaty body system. A report by the United Nations High Commissioner for Human Rights*. 100 p.
34. Séphocle M. (2000) *Then, They Were Twelve: The Women of Washington's Embassy Row*. London: Greenwood Publishing Group, 218 p.
35. Silvester C. (1994) *Feminist theory and international relation in a postmodern era*. N.-Y.: Cambridge University Press, 265 p.
36. Sokolova M.V., DiCaptio A., Collinson N.-B., Quirante Z. (2023) Beating the Odds: Women's Leadership in International Organizations. *Politics & Gender*. Cambridge University Press. 19(4): 1087–1109. DOI: 10.1017/S1743923X23000107.
37. Tickner J.A. (1992) *Gender in International Relations. Feminist Perspectives on Achieving Global Security*. N.-Y.: Columbia University Press. 180 p.
38. Vargas C.B. (2019) Women in Command: The Impact of Female Leadership on International Organisations. *Global Society* 33(4): 541–564. DOI: 10.1080/13600826.2019.1642858.
39. Zalewski M., Parpart J. (eds.) (1998) *The "Man" question in international relation*. London: Routledge. 228 p.

Comparative Politics. Volume 15. No. 4. October–December / 2024
DOI 10.46272/2221-3279-2024-4-15-6

SOUTH AFRICAN WOMEN IN LEADERSHIP POSITION IN UN STRUCTURES

Dr. Lyubov Ya. PROKOPENKO – Senior Researcher, Institute of African Studies, Russian Academy of Sciences.

ORCID: 0000-0002-1121-8828. E-mail: skole60@mail.ru
30/1, Spiridonovka St., Moscow, Russia, 123001.

Received October 15, 2023

Accepted October 4, 2024

Abstract: In the current conditions of confrontation with the West, Russia seeks to diversify its external relations, hence a growing attention it pays to such partners as African countries. Establishing effective cooperation requires deep knowledge of political elites, which is largely facilitated by the research of Russian Africanists, conducted primarily at the Institute of African Studies of the Russian Academy of Sciences as well as in other research centers - the Centre for

African Studies of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, the Institute of Asian and African Countries of Moscow State University, MGIMO University, HSE University, IMEMO of the Russian Academy of Sciences, the Oriental Faculty of St. Petersburg State University, etc. Among their areas of interest are such subjects as the study of female political elites, as well as the elites in multilateral institutions, primarily in the UN structures.

Since the early 2000s, one of the main features of the formation of political leadership in the Republic of South Africa (South Africa) has been the expansion of women's representation in government bodies at all levels. Some of these women held leadership positions in various UN structures. This article uses functional and biographical research methods to analyze the activities of South African women who have been active in human rights issues, in the fight against hunger and HIV/AIDS at the national and international levels, at the UN and the African Union. This article's research was centered at such prominent South African political figures as Mrs. N. Pillay, Mrs. P. Mlambo-Ngcuka, and Mrs. S. Sisulu. The author notes both their achievements in solving the above-mentioned contemporary problems and the difficulties they encountered in their activities.

Special attention is paid to the attitude of South African women towards the issue of gender equality, which they consider a necessary condition for democratic development. At various multilateral venues, Mrs. N. Pillay, Mrs. P. Mlambo-Ngcuka, and Mrs. S. Sisulu advocated for the empowerment of women in all areas of political, economic, and public life, both while holding leadership positions in the UN and after completing their terms of office. The long-standing work of South African women at the UN in the fight for human rights, against hunger and HIV/AIDS and for gender equality demonstrates the possibility of women's participation in solving contemporary problems at levels of utmost significance.

Keywords: South Africa, women's representation, UN, human rights, gender equality, leadership style

References:

1. Abramova I.O. (2015) Global'nye politicheskie i ekonomicheskie processy v Afrike v kontekste realizacii celej razvitiya kontinenta v XXI veke [Global Political and Economic Processes in Africa in the Context of the Implementation of the Continent's Development Goals in the 21st Century]. *Uchenye zapiski Instituta Afriki [Journal of the Institute for African Studies]*1(32): 4–13. (In Russian).
2. Benesch S. (2004) Inciting Genocide, Pleading Free Speech. *World Policy Journal* 21(2): 62–69.
3. Bode I. (2020) Women or leaders? Practices of narrating the United Nations as a gendered institution. *International Studies Review* 22(3): 347–369.
4. Brown S. (1988) Feminism, International Theory, and International Relations of Gender Inequality. *Sage journal*17(3): 461–476.
5. Butsyk E.D. (2015) Konstruirovaniye gendernoj identichnosti v politicheskom diskurse [Construction of Gender Identity in Political Discourse]. *Vestnik MGIMO–Universiteta [MGIMO Review of International Relations]* 3(42): 167–172. DOI: 10.24833/2071-8160-2015-3-42-166-172. (In Russian).
6. Davidson A.B., Filatova I.I. (2009) Yuzhnaya Afrika: vlast', demontazh aparthejda, novye politicheskie orientiry [South Africa: power, dismantling apartheid, new political guidelines]. In: *Sovremennaya Afrika: metamorfozy politicheskoy vlasti [Contemporary Africa: Metamorphoses of Political Power]*. Moscow: Izdatelstvo «Vostochnaya Literatura». Pp. 377–446. (In Russian).
7. Davidson A.B., Filatova I.I. (2010) *Rossiya i Yuzhnaya Afrika. Tri veka svyazey. [Russia and South Africa. Three centuries of relationship]*. Moscow: Higher School of Economics (State University). 332 p. (In Russian).

8. Degterev D.A. (2017) Formalizirovannyye modeli v mezhdunarodno-politicheskoy nauke [Formal Models in International Studies]. *Polis. Politicheskie issledovaniya [Polis. Political Studies]* 4: 33–48. DOI: 10.17976/jpps/2017.04.04. (In Russian).
9. Eagly A.H., Karau S.J., Makhijani M.G. (1995) Gender and the effectiveness of leaders: a meta-analysis. *Psychological bulletin* 117(1): 125–145. DOI: 10.1037/0033-2909.117.1.125.
10. Eboe-Osuji be Chile (ed.) (2010) *Protecting Humanity. Essays in International Law and Policy in Honour of Navanethem Pillay*. Martinus Nijhoff Publishers. 910 p.
11. Gaman-Golutvina O.V. (2016) Politologiya kak metadisciplinarnaya matrica [Political Science as a Metadisciplinary Matrix]. *Mezhdunarodnye protsessy [International Processes]* 14(1): 86–94. DOI: 10.17994/IT.2016.14.1.44.7. (In Russian).
12. Gaman-Golutvina O.V., Nikitin A.I. (eds.) (2019) *Sovremennaya politicheskaya nauka: metodologiya [Modern Political Science: Methodology]*. Moscow: Aspect Press. 776 p. (In Russian).
13. Goetz A.M. (2003) *No Shortcuts to Power: African Women in Politics and Policy Making*. London: Zed Books, 246 p.
14. Haack K. (2014) Breaking barriers? Women's representation and leadership at the United Nations. *Global Governance* 20(1): 37–54.
15. Haack K. (2017) Women, organizational crisis and access to leadership in international organizations. *Journal of Women, Politics & Policy* 38(2): 175–198. DOI: 10.1080.
16. Haack K. (2022) *Women's Access, Representation and Leadership in the United Nations*. London: Palgrave Macmillan, 222 p.
17. Haack K., Karns M.P. (2023) Where are the women leaders in international organizations and what difference do they make? In Edgar A.D. (ed.) *Handbook on Governance in International Organizations*. UK: Edward Elgar Publishing Limited, pp. 140–155.
18. Halliday F. (1994) *Rethinking International Relations*. UBC Press. 304 p.
19. Krylova N.L., Ksenofontova N.A., Prokopenko L.Ya., Grishina N.V. (2019) Afrika v gendernom izmerenii (K 30-letiyu gendernykh issledovaniy v rossiyskoy afrikanistike). Zhenshchina v rossiyskom obshchestve [Africa in the Gender Dimension (On the 30th Anniversary of Gender Studies in Russian African Studies). Woman in Russian Society]. *Rossiyskiy nauchnyy zhurnal [Russian Scientific Journal]* (2): 32–42. DOI: 10.21064/WinRS.2019.2.3. (In Russian).
20. Kvest S. (2008) *Gender i reformirovanie sistemy pravosudiya. OBSE OON* [Gender and justice reform. OSCE, UN]. Geneva. 332 p. (In Russian).
21. Loshkariov I.D. (2021) Problema urovney analiza v mezhdunarodnykh otnosheniyakh: na puti kontologicheskim obyazatel'stvam? [The Problem of Levels of Analysis in the Theory of International Relations: on the Way towards Ontological Obligations?]. *Sravnitel'naya politika [Comparative Politics Russia]* 12(4): 5–18. DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10036. (In Russian).
22. Meyer, M.K., Prügl E. (eds.) (1999) *Gender Politics in Global Governance*. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 315 p.
23. Mikhaylenko V.I. (2020) Evristicheskij potencial gendernykh teoreticheskikh podhodov v issledovanii mezhdunarodnykh otnoshenij [Heuristic potential of gender theoretical approaches in the study of international relations] *Istoriya i sovremennoe mirovozzrenie [History and modern perspectives]* 2(4): 55–62. DOI: 10.33693/2658-4654-2020-2-4-55-62. (In Russian).
24. Ovcharova O.G., Riabova T.B. (2019) Gendernyye aspekty politologicheskikh issledovaniy [Gender aspects of political science research]. In: Golutvina, A.I. Nikitin (eds.) *Sovremennaya politicheskaya nauka: metodologiya. Nauchnoe izdanie [Contemporary political science: methodology]*. Moscow: «Aspect Press». Pp. 509–524. (In Russian).
25. Pillay N. (2012) *Strengthening the United Nations human rights treaty body system. A report by the United Nations High Commissioner for Human Rights*. 100 p.

26. Prokopenko L.Ya. (2018) *Zhenshchiny i vlast' (na primere stran Yuga Afriki) [Women and Power (using the countries of Southern Africa as an example)]*. Moscow: Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences. 206 p. (In Russian).
27. Prokopenko L.Ya., Shubin V.G. (2001) Afrikanskij renaissance [African Renaissance]. *Uchenye zapiski Instituta Afriki RAN [Journal of the Institute for African Studies]* 2(24): 25–58. (In Russian).
28. Séphocle M. (2000) *Then, They Were Twelve: The Women of Washington's Embassy Row*. London: Greenwood Publishing Group. 218 p.
29. Shishlova E.E. (2014) Psihologicheskaya i filosofskaya refleksiya fenomena androgina kak «postgendera» [Phenomenon of Androgyne as "Post-Gender": Psychological and Philosophical Analysis]. *Vestnik MGIMO-universiteta [MGIMO Review of International Relations]* 1(34): 244–253. DOI: 10.24833/2071-8160-2014-1-34-244-253. (In Russian).
30. Shvedova N.A. (2014) Mezhdunarodnoe soobshchestvo o gendernom ravenstve. Bill' o pravah zhenshchin [International community on gender equality. Women's Bill of Rights]. *Zhenshchina v rossijskom obshchestve [Woman in Russian Society]* 4: 32–39. (In Russian).
31. Silvester C. (1994) *Feminist theory and international relation in a postmodern era*. N.-Y.: Cambridge University Press, 265 p.
32. Skorospelova T.V. (2019) Gendernaya problematika v issledovaniyakh fenomena voyny [Gender issues in studies of the phenomenon of war]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25: Mezhdunarodnyye otnosheniya i mirovaya politika [Bulletin of Moscow University. Series 25: International Relations and World Politics]* 11(3): 77–91. (In Russian).
33. Sokolova M.V., Di Captio A., Collinson N.-B., Quirante Z. (2023) Beating the Odds: Women's Leadership in International Organizations. *Politics & Gender*. Cambridge University Press. 19(4): 1087–1109. DOI: 10.1017/S1743923X23000107.
34. Tickner J.A. (1992) *Gender in International Relations. Feminist Perspectives on Achieving Global Security*. N.-Y.: Columbia University Press. 180 p.
35. Tikner J.A. (2006) *Mirovaya politika s gendernyh pozicij. Problemy i podhody epohi, nastupivshej posle «holodnoj vojny» [World politics from a gender perspective. Problems and approaches in the post-Cold War era]*. Moscow: Cultural Revolution. 336 p. (In Russian).
36. Vargas C.B. (2019) Women in Command: The Impact of Female Leadership on International Organisations. *Global Society* 33(4): 541–564. DOI: 10.1080/13600826.2019.1642858.
37. Vinogradova S.M. (2010) Gosudarstvo, bezopasnost', suverenitet: mezhdunarodnyye otnosheniya v zerkale feminizma [State, Security, Sovereignty: International Relations in the Mirror of Feminism]. *POLITEKS [POLITEX]* 6(4): 53–67. (In Russian).
38. Zalewski M., Parpart J. (eds.) (1998) *The "Man" question in international relation*. London: Routledge. 228 p.
39. Zonova T.V. (2009) Gendernyj faktor v politike i diplomatii [Gender factor in politics and diplomacy]. *Mezhdunarodnye protsessy [International Trends]* 7(2): 94–100. (In Russian).

ТРЕУГОЛЬНИК ИНДИЯ – КИТАЙ – США В ЮЖНОЙ АЗИИ

Сергей ЛУНЕВ, Анатолий ДАВЫДЕНКО
МГИМО МИД России

Аннотация: В статье анализируются пути трансформации Южной Азии, специфика внешнеполитических стратегий великих держав, сопряженность регионализации и глобализации (их сочетание или противостояние), а также перспективы противостояния / взаимозависимости сверхкрупных стран в регионе. В настоящее время Южная Азия неизбежно испытывает на себе многосторонние и неоднозначные последствия крупнейших геополитических сдвигов. Анализ текущей ситуации приобретает особое значение, поскольку данный регион в определенной мере отражает изменившуюся глобальную обстановку. В Южной Азии расположены государства, которые существенно отличаются друг от друга по численности населения, географическим масштабам, военной и экономической мощи, научно-техническому потенциалу, цивилизационным особенностям и другим параметрам, которые определяют все аспекты межгосударственных отношений. Индия по всем базовым параметрам намного превосходит всех соседей по региону вместе взятых, что порождает у них особые опасения и вызывает чувство собственной беспомощности. При такой ситуации соседи азиатского гиганта стремятся укрепить свои позиции, делая ставку на внерегиональные державы (в настоящий момент это, прежде всего, Китай) и вынося спорные вопросы во взаимоотношениях с Индией на международное обсуждение. В статье разбираются такие вопросы, как воздействие внешнего фактора на международную обстановку в Южной Азии, существенные перемены в положении великих держав после начала постбиполярного периода, индийско-китайское противостояние и негативная для России и Китая роль США в регионе.

Ключевые слова: Южная Азия, Индия, Китай, США, Россия, противостояние, «новая холодная война», внешнеполитическая стратегия

Сергей Иванович Лунев – доктор исторических наук, профессор МГИМО МИД России, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН.

ORCID: 0000-0002-5850-1188. E-mail: silounev@gmail.com
119454, Москва, Проспект Вернадского, д. 76.

Анатолий Юрьевич Давыденко – кандидат исторических наук, доцент МГИМО МИД России.

E-mail: andavy10@mail.ru
119454, Москва, Проспект Вернадского, д. 76.

Поступила в редакцию: 18.04.2024

Принята к публикации: 31.10.2024

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

В современной мировой системе особую роль играют четыре крупнейшие державы: США, Китай, Индия и Россия. Основной целью данной статьи является анализ подходов внерегиональных игроков к Южной Азии, чья геополитическая и экономическая мощь растет в первую очередь благодаря динамичному развитию Индии. Южная Азия является своеобразной «лабораторией», изучение которой позволяет сделать выводы о системе взаимодействия государств различных масштабов и уровня развития, о модели региональных взаимоотношений и их витальности.

Комплексного исследования поднимаемых проблем в России не проводилось. Чаще всего как отечественные, так и зарубежные авторы концентрируются на анализе отдельных стран региона или конкретных параметрах. Тем не менее есть достаточно обширный корпус источников и литературы, а также значительный объем эмпирических данных по вопросам, освещаемым в статье. Из отечественных авторов, внесших значительный вклад в изучение рассматриваемой темы, следует выделить А.Г. Володина (2016), Н.В. Галищевой и М.С. Решиковой (2021; 2023), А.В. Куприянова (2020; 2023), С.И. Лунева (2019а; 2019б; 2020а; 2020б), Э.П. Шавлай (2020) и Т.Л. Шаумян (2022). Среди зарубежных авторов особого внимания заслуживают исследования К. Баджаи, Дж. Хуанга, К. Махбубани (Bajrai, Huang & Mahbubani, 2016), А. Мазумдара (Mazumdar, 2014), Дж. Миршаймера (Mearsheimer, 2021), С. Мохана (Mohan, 2012) и С. Сингха (Singh, 2013).

Новизна исследования обусловлена выявлением взаимосвязи и взаимовлияния различных аспектов внешней политики, двусторонних и международных отношений. Особое внимание уделено разработке иерархии слагаемых силы в формирующемся международном порядке, а также выявлению факторов, которые в наибольшей степени будут определять безопасность, экономическое развитие и политическое влияние государств. Кроме того, сам исследовательский вопрос, связанный с изучением распространения «новой холодной войны» на Южную Азию, является новым в отечественной науке.

Американо-индийские отношения

В 1990-х гг. роль США и России в Южной Азии существенно ослабла. После распада Советского Союза у власти в России оказались «атлантисты», которые стали уделять значительно меньше внимания Востоку в целом и Индии в частности. Приоритетом внешней политики стало выстраивание отношений с Западом, что фактически предполагало превращение России в его периферийного партнера. Произошел резкий отход от курса на развитие отношений с Индией, Пакистану стало придаваться не меньшее значение, а остальные государства Южной Азии и вовсе исчезли из поля зрения Москвы. С середины 1990-х гг. российско-индийские связи стали понемногу укрепляться, но полного восстановления прежнего уровня двусторонних отношений так и не произошло.

Параллельно начался процесс постепенного укрепления американо-индийских связей. Однако значительный рост интереса Вашингтона к Южной Азии произошел лишь к рубежу XX-XXI вв. США сделали ставку на Индию как на ключевого партнера в регионе. Несмотря на заключение важных соглашений с Пакистаном, Вашингтон рассматривал его преимущественно как инструмент для реализации своих интересов, а после вывода американских войск из Афганистана в 2021 г. значение Пакистана для США еще больше снизилось. Остальные страны Южной Азии, за исключением Индии, оставались на периферии интересов американской политики.

С конца XX в. Вашингтон перестал возлагать ответственность за продолжавшееся насилие в Кашмире и постоянные индийско-пакистанские военные столкновения только на Дели. Активно развивались политическая, военно-политическая, экономическая и культурная составляющие американо-индийских отношений. Особое значение для Вашингтона Индия стала приобретать как антикитайская сила, способная активно участвовать в сдерживании Пекина. Существенное повышение значения южноазиатской державы в системе внешнеполитических приоритетов США было связано именно с этим. Официально Вашингтон опровергает, что военное сотрудничество с Индией направлено на сдерживание Китая. Однако американские военные, демонстрируя значительно большую откровенность, начали открыто заявлять об этом еще два десятилетия назад.

Индия и США прекрасно осознают, что их партнерство во многом основывается на общем стремлении к сдерживанию Китая. Индийско-китайские отношения остаются крайне напряженными, тогда как современное взаимодействие между Индией и США многие политики, эксперты и СМИ характеризуют как «медовый месяц»¹. Пекин с настороженностью относится к перспективе создания «антикитайского блока», что может серьезно затруднить реализацию стратегических целей Китая в Большой Восточной Азии. На сближение с США Индию подталкивают также стратегические партнерства с Японией и Австралией, углубление стратегического диалога с Южной Кореей и Вьетнамом.

Одной из инициатив США стало вовлечение Индии в Четырехсторонний диалог по безопасности (США – Япония – Индия – Австралия) в 2007 г. Хотя этот формат прекратил существование уже через год, в 2017 г. администрация Д. Трампа, отказавшись от реализации Транстихоокеанского партнерства, возродила «Стратегический четырехугольник». Период президентства Трампа ознаменовался существенным укреплением военно-политических связей с Индией, особенно в сфере совместных военно-морских учений. Прежде всего необходимо отметить ежегодные учения «Малабар», в которых в последние годы участвует и Япония.

¹ См., например, Kanthan S.L. (2023) Is the India-US honeymoon coming to an end soon? *Global Times*, 17 December. Available at: <https://www.globaltimes.cn/page/202312/1303791.shtml> (accessed 15 July 2024).

США также стали играть большую роль в поставках вооружений в Индию. Хотя Индия остается крупнейшим импортером вооружений в мире, по данным на 2019–2023 гг. США занимали лишь третье место среди поставщиков (Россия – 36% от общего объема импорта, Франция – 33%, США – 11%)². В 2016 г. Нью-Дели и Вашингтон подписали военно-логистическое соглашение, позволяющее военным самолетам и кораблям обеих стран пользоваться базами партнера.

Однако пока нельзя утверждать, что произошел полный разворот Индии в сторону Соединенных Штатов. С момента обретения независимости Индия последовательно настаивает на том, чтобы ее воспринимали как равноправного партнера, в то время как Вашингтон склонен рассматривать других игроков исключительно в качестве «младших братьев». Стремление США к глобальной гегемонии неизбежно вступает в конфликт с независимым внешнеполитическим курсом Дели, который Индия никогда не отказывалась отстаивать.

Следует учитывать и существенные расхождения между Индией и США по глобальным геополитическим и геоэкономическим проблемам. Южно-азиатская держава активно выступает против стремления Запада сохранить доминирующее положение в мировой экономической системе и последовательно поддерживает интересы стран Юга. Особое неприятие у Нью-Дели вызывает перспектива формирования монополярного устройства мира. Эта позиция была зафиксирована еще в соглашениях, подписанных в ходе нормализации двусторонних отношений с КНР в начале 1990-х гг.

В Южной Азии США выступают противником России и Китая. На протяжении более трех десятилетий Вашингтон предпринимает попытки препятствовать развитию российско-индийских отношений. В частности, в 1993 г. США блокировали поставки криогенных двигателей из России в Индию³. В 2022–2024 гг. США усилили давление на Нью-Дели, стремясь принудить его к исполнению антироссийских санкций и сокращению поставок российского вооружения.

Американо-пакистанские отношения

Пакистан стал военным союзником Соединенных Штатов еще в середине 1950-х гг. Однако политика США в Южной Азии всегда зависела от глобальной обстановки, поскольку регион не занимал высокого места в американских внешнеполитических приоритетах. По мнению Исламабада, Вашингтон

² Wezeman P.D., Djokic K., Fleurant G.M., Hussain Z. & Wezeman S.T. (2024) Trends in International Arms Transfers. *SIPRI Fact Sheet*, March. Available at: https://www.sipri.org/sites/default/files/2024-03/fs_2403_at_2023.pdf (accessed 15 July 2024).

³ В 1992 г. было заключено соглашение между Индийской организацией космических исследований и Главкосмосом о поставках криогенных двигателей для вывода спутников на околоземную орбиту. США оказали давление на Б.Н. Ельцина, который в июле 1993 г. отказался от сделки. Интересно, что криогенные двигатели можно использовать только в мирных целях, а в августе США предложили Индии свои криогенные двигатели.

неоднократно «предавал» Пакистан. После начала второй войны между Пакистаном и Индией в августе 1965 г. Соединенные Штаты, опасаясь вовлечения в войну КНР, оказали давление и на Индию, и на Пакистан для прекращения конфликта. США прекратили поставки вооружения в Южную Азию, что стало серьезным ударом для Пакистана, получившего от Вашингтона в 1954–1965 гг. военную помощь на сумму 2 млрд долл. (Gupta, 1972). Для Индии же это решение оказалось практически незаметным, так как за 1950–1960-е гг. США оказали ей военную помощь на сумму 87 млн 109 тыс. долл.⁴ (в 1965 фин.г. – 10,3 млн долл.⁵). Американская администрация также заявила Пекину, что не даст ему возможности непосредственно участвовать в индо-пакистанской войне на стороне Пакистана⁶.

После иранской революции и ввода советских войск в Афганистан американско-пакистанские отношения резко укрепились из-за возросшего значения Пакистана для США. На развитие партнерства не повлиял и инцидент в Исламабаде в 1979 г., когда радикальные элементы сожгли американское посольство в ответ на американско-иранский конфликт. В 1980-х гг. Вашингтон предоставил Пакистану военно-экономическую помощь на сумму 3,2 млрд долл., включая поставки 40 истребителей-бомбардировщиков *F-16* (Khalilzad, 1989).

Практически сразу после вывода советских войск из Афганистана произошло резкое снижение уровня американско-пакистанских отношений. Соединенные Штаты не только прекратили оказание экономической помощи Пакистану, но и добились сокращения помощи со стороны МБРР и МВФ. Выполнение соглашения о поставках 60 самолетов *F-16 A/B*, заключенного во время визита премьер-министра Пакистана Беназир Бхутто в Вашингтон летом 1989 г., было заморожено⁷. Более того, американская сторона отказалась вернуть средства, перечисленные за самолеты⁸.

С началом американской оккупации Афганистана в 2001 г. Соединенным Штатам потребовалась поддержка Пакистана. Интересно, что Вашингтон склонял своего союзника к участию в кампании с заявлениями, что, если Исламабад не согласится, они «вбомбят Пакистан в каменный век» (Musharraf, 2006). Американские войска неоднократно проводили боевые операции на пакистанской территории, в которых гибли сотни пакистанских военнослужащих и мирных жителей.

⁴ United States Interests and Policies toward South Asia. *Hearings before the Subcommittee on the Near East and South Asia of the Committee on Foreign Affairs. House of Representatives. 93rd Congress. 1st Session.* Washington, 1973. p. 194.

⁵ Review of United States Government Operations in South Asia. *Senate Document No. 77. 90th Congress, 11th Session.* Washington, 1968, p. 186.

⁶ *Washington Post* (1965) 19 September.

⁷ *The Times of India* (1989) 4 August.

⁸ Fair C. (2021) The U.S.-Pakistan F-16 Fiasco. *Foreign Policy*, 3 February. Available at: <https://foreignpolicy.com/2011/02/03/the-u-s-pakistan-f-16-fiasco/> (accessed 15 July 2024).

Пакистан стал логистическим центром, обеспечивающим поддержку операции Международных сил содействия безопасности, возглавляемых НАТО. В 2003 г. США официально списали пакистанский долг в размере 1 млрд долл.⁹ В 2004 г. президент США Джордж Буш-младший назвал Пакистан основным союзником вне НАТО, что означало наделение Исламабада статусом, позволявшим в том числе приобретать передовые военные технологии. Принятый в США в 2009 г. Закон о расширенном партнерстве с Пакистаном (англ. *Enhanced Partnership with Pakistan Act*) дополнительно обеспечил наращивание двустороннего взаимодействия. В 2010 г. стороны создали механизм Пакистано-американского стратегического диалога, предусматривавший ежегодные встречи на министерском уровне. В рамках диалога было образовано пять рабочих групп, курирующих ключевые направления взаимодействия: экономику и финансы, энергетику, оборону, борьбу с терроризмом, безопасность, стратегическую стабильность и режим нераспространения. США также остаются важным экспортным рынком для Пакистана, а двусторонние торговые отношения характеризуются преференциальными условиями.

Однако американо-пакистанские отношения резко обострились после прихода к власти республиканской администрации в 2018 г. США обвинили Пакистан в поддержке исламистского терроризма, что Индия утверждает на протяжении последних 70 лет. Президент Д. Трамп заявил, что Пакистан «дает приют тем самым террористам, с которыми мы боремся»¹⁰. В 2018 г. Вашингтон приостановил предоставление Пакистану помощи, объем которой, по различным оценкам, варьировался от 1,3 млрд долл. (по словам Д. Трампа) до 1,66 млрд долл. (по данным Пентагона) и 3 млрд долл. (по независимым оценкам)¹¹. Тем не менее уже в декабре 2018 г. Д. Трамп направил письмо премьер-министру Пакистана Имрану Хану с просьбой содействовать урегулированию ситуации в Афганистане. Этот шаг свидетельствовал об осознании Вашингтоном того, что без внешней поддержки стратегия США в Афганистане обречена на провал, что в дальнейшем и подтвердилось.

Китайско-индийские отношения

Китай, в отличие от Соединенных Штатов и России, в постбиполярный период стремился к установлению тесных отношений с соседями Индии. Курс Пекина в регионе стал одним из ключевых факторов, определяющих напряженные китайско-индийские отношения. Индия чрезвычайно обеспокоена

⁹ *Dawn* (2003) Debt write-off by the United States. 5 May. Available at: <https://www.dawn.com/news/100351/debt-write-off-by-the-united-states> (accessed 15 July 2024).

¹⁰ *The White House* (2017) Remarks by President Trump on the Strategy in Afghanistan and South Asia. 21 August. Available at: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-strategy-afghanistan-south-asia/> (accessed 15 July 2024).

¹¹ *The Economic Times* (2018) US suspended a total of USD 3 billion in security assistance to Pakistan this year: Sources. 29 November. Available at: <https://economictimes.indiatimes.com/news/defence/us-suspended-a-total-of-usd-3-billion-in-security-assistance-to-pakistan-this-year-sources/articleshow/66862254.cms> (accessed 15 July 2024).

развитием партнерских отношений Китая с Пакистаном, особенно в области военного сотрудничества и ядерных технологий. Не менее тревожным для Дели является усиление позиций КНР в зоне Индийского океана, а также укрепление политических и экономических связей Китая с другими государствами Южной Азии, которые нередко воспринимаются как направленные против Индии. В свою очередь, Пекин с подозрением относится к углублению индийских отношений со странами Юго-Восточной Азии, видя в этом элемент антикитайской стратегии.

Обе державы также выражают озабоченность военной мощью друг друга, особенно в ракетно-ядерной сфере. Индия обеспокоена размещением Китаем баллистических ракет в Тибете¹², поскольку их расположение показывает, что они нацелены именно на Индию. Кроме того, постоянное развитие китайской военно-ядерной программы вызывает серьезные опасения в Дели. В то же время Китай внимательно следит за развитием индийской военно-ядерной и ракетной программ, считая, что их основная цель – противодействие КНР. Эти опасения основываются на том, что для конфликта с Пакистаном Индии достаточно ее обычных вооружений, учитывая, что она по всем основным компонентам значительно превосходит Пакистан, у которого основной экономический и демографический потенциал расположен в зоне 100 км вдоль границ с Индией. Военная элита двух азиатских гигантов крайне настороженно реагирует на соседей, что особенно характерно для Индии, где память о поражении в войне 1962 г. остается важным элементом восприятия Китая как основного военного противника.

Крайне медленно продвигаются двусторонние переговоры по территориальной проблеме между Китаем и Индией, несмотря на заключенное в 1991 г. соглашение о недопущении военных столкновений на границе и ограничении на ней численности войск и вооружений. В 2003 г. Пекин согласился признать принадлежность штата Сикким Индии, однако продолжает оспаривать нахождение штата Аруначал-Прадеш в составе Индии и даже выражает официальные протесты по поводу визитов индийских премьер-министров в этот штат.

Кроме того, Китай серьезно озабочен деятельностью тибетских беженцев в Индии, число которых достигает около 150 тысяч человек, включая Далай-ламу, получивших убежище в этой стране после подавления восстания в Тибете в 1959 г. Тибетцы постоянно организуют масштабные антикитайские выступления. Особенно Пекин волнует проблема будущего места рождения нового первосвященника тибетской церкви. Намеки нынешнего духовного лидера на то, что это может произойти в Таванге (штат Аруначал-Прадеш), вызывают особое беспокойство, поскольку это место находится за пределами китайского контроля.

¹² Nair V.K. (2023) The Challenge Posed by China's Military Posture in Tibet. *Indian Defence Review*, 9 March. Available at: <http://www.indiandefencereview.com/spotlights/the-challenge-posed-by-chinas-military-posture-in-tibet/> (accessed 15 July 2024).

В последнее время участились случаи вооруженных столкновений между пограничниками двух стран. Особое внимание мировой общественности вызвали столкновения в Докламе (на китайско-бутанской границе) в июне-августе 2017 г. и в Галване (провинция Ладакх) в июне 2020 г. Несмотря на то, что вместо оружия применялись только камни и палки, в Галване погибли не менее 20 индийских военнослужащих и 4 китайских¹³. 22 июня были проведены инициированные Россией виртуальные переговоры министров иностранных дел трех стран¹⁴, которые поспособствовали согласию азиатских гигантов на нормализацию ситуации, однако Москва подчеркнуто отказалась от попыток выступить посредником.

Однако в январе 2022 г. произошли новые столкновения в Ладакхе, а в декабре того же года – в Таванге. Хотя в этих случаях схватки были менее масштабными и обошлись без жертв, обе стороны продолжили обвинять друг друга в провокациях. На двадцать первом раунде переговоров по приграничной проблеме, состоявшемся в феврале 2023 г., стороны подтвердили намерение сохранять мир на границе, однако вопрос о разведении сил в ряде районов остался нерешенным. Необходимо отметить и плохо развитые связи между Индией и Китаем в культурной области. Главной проблемой индийско-китайских отношений является прямое соперничество двух азиатских гигантов.

По глобальным проблемам у Индии намного больше расхождений с США, чем с Китаем (Лунев, 2019). Южноазиатский гигант не стремится становиться военным союзником Соединенных Штатов, которые находятся в прямом противостоянии с КНР. Индия, проводя традиционную политику лавирования и балансирования, является членом не только Четырехстороннего диалога по безопасности, но и БРИКС, который ставит своей основной целью создание полицентрического мира. В рамках ШОС, которую некоторые западные аналитики рассматривали как потенциальную альтернативу НАТО, Индия не поддерживала идею создания военного блока. Дели ставил задачей укрепление политических, экономических и энергетических связей с Центральной Азией, нормализацию ситуации в Афганистане, усиление борьбы с «тремя силами зла» и создание более благоприятной атмосферы для решения кашмирской проблемы. Однако от участия в ШОС Индия получила мало дивидендов. В первую очередь это связано с позицией Пекина, который, в частности, не принимает конкретных действий по борьбе с международным терроризмом (Лунев, 2020).

¹³ Tirziu A.G. (2023) Rising tensions along the Indian-Chinese border. *GIS (Liechtenstein)*, 8 August. Available at: <https://www.gisreportsonline.com/r/china-india-border-2/> (accessed 31 July 2024).

¹⁴ *The Indian Express* (2020) Jaishankar to hold talks with China, Russia on June 22. 16 April. Available at: <https://indianexpress.com/article/india/jaishankar-to-hold-talks-with-china-russia-on-june-22-6460777/> (accessed 31 July 2024).

Индия демонстрирует крайне осторожный подход на международных форумах, стараясь избегать явной поддержки какой-либо стороны в контексте противоречий, связанных с возникающей «новой холодной войной». Такой же нейтралитет характерен для ее позиции на глобальных площадках, таких как ООН и «Большая двадцатка» (G20). В случае лидерства Индия проводит тонкую и взвешенную политику. Например, итоговый документ саммита G20, прошедшего в Дели в сентябре 2023 г., не содержал формулировок о так называемой агрессии России на Украине.

Таким образом, одним из основных инструментов стратегии балансирования является участие Индии в многосторонних организациях, которые нередко занимают противоположные позиции по глобальным проблемам.

Китайско-пакистанские связи

Южная Азия особенно значима для Индии, поскольку ее лидерство в регионе обеспечивает легитимность статуса великой державы. Индия доминирует в регионе в политической и экономической сферах, а также имеет превосходство в военной и научной областях. Такое положение Индии существенно влияет на систему международных отношений в Южной Азии.

Соседи Индии испытывают к ней недоверие и, осознавая свою слабость, стремятся к усилению присутствия других великих держав, выступая на их стороне. Если в биполярный период роль балансира против Индии исполняли США, то в постбиполярную эпоху выбором индийских соседей стал Китай. Для Индии это является серьезным вызовом, так как Дели традиционно противостоял попыткам глобальных держав играть самостоятельную роль в региональной системе и выступать в роли посредников.

Даже после отделения Восточного Пакистана и образования Бангладеш в 1971 г. Исламабад продолжает бросать вызов Индии, поскольку Пакистан остался мощной в военном плане страной и продолжает рассчитывать на экзогенную поддержку. Исламский мир традиционно оказывал ему политическую и финансовую помощь. Однако еще в условиях биполярного мира поддержки исламских стран стало недостаточно. На фоне слабого интереса западноевропейских стран, Японии и подхода СССР к региону Пакистан сделал ставку на укрепление отношений с США и КНР. При этом Китай оказался более надежным союзником для Пакистана. Социологическое исследование, проведенное в 2018 г. в крупнейшей пакистанской провинции Пенджаб, показало, что три четверти опрошенных пакистанцев верят в готовность Китая защитить их страну в случае новой индо-пакистанской войны (Clary, Lalwani & Siddiqui, 2021).

Пекин оказывает своему союзнику, Пакистану, значительную поддержку в развитии военной ракетно-ядерной программы. В частности, Китай участвовал в строительстве специализированных ракетных предприятий на территории Пакистана, а все модели пакистанских ракет, способных нести ядерное оружие, за исключением одной, были разработаны на основе китайских моделей. С 2015 г. на долю Китая приходится 75% пакистанских

закупок вооружения¹⁵. Кроме того, в период 2017–2021 гг. количество совместных китайско–пакистанских военных учений ежегодно превышало число российско–китайских¹⁶. Соглашение 2015 г. предусматривает продажу Китаем Исламабаду восьми дизель–электрических многоцелевых подводных лодок, половину из которых планировалось строить на пакистанских верфях¹⁷. Тесно сотрудничают Пакистан и Китай в самолетостроении. налажен, например, выпуск боевого истребителя–бомбардировщика *JF-17* совместной разработки (существуют планы его продаж в третьи страны).

В 2005 г. Пекин и Исламабад подписали Договор о дружбе, сотрудничестве и добрососедских отношениях. 20 апреля 2015 г. председатель КНР Си Цзиньпин посетил Пакистан с первым за девять лет официальным визитом. Был подписан 51 меморандум о сотрудничестве, обеспечивающих, по обоюдной оценке, выведение двустороннего партнерства на новый уровень. В сентябре 2022 г. прошло 11–е заседание Совместного комитета сотрудничества. Правда, протокол с его итогами долгое время находился на согласовании и был подписан только в июле 2023 г. Официальный визит премьер–министра Пакистана Шахбаз Шарифа в Китай 1–2 ноября 2022 г. и его встреча с Си Цзиньпином подтвердили обоюдный настрой на дальнейшее развитие и углубление двустороннего сотрудничества. Пакистан подтвердил свою поддержку Инициативы глобальной безопасности, выдвинутой Си Цзиньпином в апреле 2022 г. на открытии Баоского азиатского форума, а также готовность участвовать вместе с Китаем и другими странами в ее реализации. Пакистано–китайский диалог высокого уровня продолжался и в 2023–2024 гг., укрепляя стратегическое партнерство между двумя странами.

Инвестиционное и денежно–кредитное сотрудничество с Китаем стало ключевым направлением пакистано–китайского взаимодействия, особенно учитывая критическую финансовую ситуацию Пакистана, который находится на грани долгового кризиса (Замараева, 2023). В 2023 г. Китай продолжил оказывать Исламабаду значительную финансовую поддержку, включая государственные и коммерческие займы.

Крупнейшим совместным проектом двух стран является Китайско–пакистанский экономический коридор (КПЭК), считающийся частью китайской глобальной инициативы «Один пояс, один путь». Реализация подписанных в этой связи серии двусторонних соглашений потребует китайских инвестиций в размере 62 млрд долл.¹⁸. Эти средства будут направлены преимущественно

¹⁵ Lalwani S.P. (2023) Threshold Alliance: The China-Pakistan Military Relationship. Special Report. *United States Institute of Peace*, March. Available at: https://www.usip.org/sites/default/files/2023-03/sr-517_threshold-alliance-china-pakistan-military-relationship.pdf (accessed 31 July 2024).

¹⁶ Ibid.

¹⁷ *Ведомости* (2015) Пакистан хочет купить у Китая восемь подлодок на \$5 млрд. 24 мая. Available at: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2015/07/24/602149-pakistan-hochet-kupit-u-kitaya-vosem-podlodok-na-5-mlrd> (accessed 31 July 2024).

¹⁸ Siddiqui S. (2017) CPEC investment pushed from \$55 to \$62b. *Tribune*, 12 April. Available at: <https://tribune.com.pk/story/1381733/cpec-investment-pushed-55b-62b/> (accessed 31 July 2024).

на масштабное преобразование транспортно-логистической и энергетической инфраструктуры, модернизацию значительной части промышленно-производственной базы и создание особых экономических зон.

Один из центральных совместных объектов в рамках КПЭК – строительство, модернизация и эксплуатация Китаем глубоководного порта Гвадар на пакистанском побережье Аравийского моря. Хотя порт остается в собственности Пакистана, с 2023 г. его эксплуатация осуществляется китайской компанией, которая получает 91% от доходов порта. Кроме того, двусторонний торговый оборот между Китаем и Пакистаном продолжает расти. В 2021 г. он составил почти 28 млрд долл., при этом Китай имеет значительное положительное сальдо (Замараева, 2023).

Нельзя не указать и на появление определенных проблем в экономической подсистеме китайско-пакистанских отношений. В последнее время замедлилась реализация проектов в рамках КПЭК, включая порт Гвадар, что связано с тяжелым политическим и экономическим кризисом в Пакистане. В Пакистане нарастают претензии в отношении конкретной реализации данных программ из-за исключительно своекорыстных подходов Пекина, преследующего только свои интересы. Так, в 2018 г. Пакистан отказался от китайского предложения о строительстве самого высокого в мире гидроузла Диамер-Бхаша стоимостью 14 млрд долл. из-за стремления Пекина полностью контролировать дамбу¹⁹. Однако в 2020 г. соглашение все же было заключено²⁰. Растет и задолженность Пакистана перед Китаем, которая в 2023 г. достигла 30 млрд долл., что составляет 23% от всех внешних долгов страны²¹.

В последнее время определенную сложность в китайско-пакистанские отношения вносила и поддержка пакистанской армией исламистских террористических организаций. Гражданские администрации Пакистана регулярно заявляют о своей непричастности к деятельности этих группировок, что, вероятно, соответствует действительности. Армия Пакистана, являющаяся ключевым политическим актором в стране, традиционно не информирует гражданские правительства о своих действиях в ракетно-ядерной сфере и о взаимодействии с радикальными организациями.

Несмотря на эти проблемы, пакистанская элита считает КНР очень надежным союзником, с которым поддерживается «всепогодное стратегическое сотрудничество и партнерство».

¹⁹ Скосырев В. (2018) На китайском Шелковом пути растет число ухабов. *Независимая газета*, 12 января. Available at: https://www.ng.ru/world/2018-01-12/6_7149_china.html (accessed 20 August 2024).

²⁰ Kiani K. (2020) Rs442bn accord for construction of Diamer-Bhasha dam signed. *Dawn*, 14 May. Available at: <https://www.dawn.com/news/1556951> (accessed 20 August 2024).

²¹ Hussain A. (2023) China to 'deepen and expand' military ties with Pakistan. *Al Jazeera*, 27 April. Available at: <https://www.aljazeera.com/news/2023/4/27/china-to-deepen-and-expand-military-ties-with-pakistan> (accessed 20 August 2024).

Китайско-бангладешские связи

Еще в 1980-е гг. Бангладеш начала ориентироваться на Китай в своей внешней политике, параллельно развивая отношения с США и мусульманским миром. Китай стал для Бангладеш надежным военно-политическим партнером и основным поставщиком вооружения. Президент Х.М. Эршад в 1980-е гг. пять раз посетил Китай. В 1986 г. Бангладеш приняла с официальным визитом председателя КНР Ли Сяньняня, а в 1989 г. – премьер-министра Ли Пэна.

В постбиполярный период ориентация Бангладеш на Китай усиливалась при правлении Националистической партии Бангладеш, ориентированной также на исламский мир. Однако с приходом к власти «Авами лиг», более склонной к сотрудничеству с Индией, эта направленность стала менее заметной. В 2005 г. Китай и Бангладеш подписали соглашение о «долгосрочном и дружественном партнерстве». Во время официального визита премьер-министра Бангладеш Шейха Хасины в Китай в марте 2010 г. было принято решение установить «тесное всестороннее партнерство и сотрудничество», а во время визита председателя КНР Си Цзиньпина в Бангладеш в 2016 г. стороны договорились о придании китайско-бангладешским отношениям статуса «стратегического сотрудничества и партнерства».

В декабре 2002 г. стороны заключили соглашение о сотрудничестве в сфере обороны. В его рамках Китай обязался проводить техническое обслуживание поставленного вооружения, обучать бангладешских военнослужащих, обмениваться военно-политической информацией и осуществлять другие меры поддержки. Уже к началу 2000-х гг. Китай стал главным поставщиком вооружения в Бангладеш. В 2009–2013 гг. 13% китайского военного экспорта направлялось в Бангладеш (Ежегодник СИПРИ, 2015).

В 2012 г. Бангладеш приобрела у Китая два подержанных фрегата и два корвета. В 2013 г. были куплены две патрульные лодки, а в конце года было подписано соглашение о продаже двух дизельно-электрических подводных лодок класса "Ming" на сумму в 203,3 млн долл.²² В мае 2014 г. стороны подписали четыре двусторонних соглашения по военному сотрудничеству, включая пункт о безвозмездной военной помощи, предусматривающий обучение бангладешских военнослужащих²³. В 2015–2019 гг. на Китай пришлось 74% вооружений, закупленных Бангладеш за рубежом. Существенное беспокойство Индии вызвало строительство Китаем базы подводных лодок «Шейх Хасина» в южной части Бангладеш, стоимостью 1,2 млрд долл.²⁴

²² Keck Z. (2003) China to Sell Bangladesh 2 Submarines. *The Diplomat*, 22 December. Available at: <https://thediplomat.com/2013/12/china-to-sell-bangladesh-2-submarines/> (accessed 20 August 2024).

²³ *Bangladesh News* (2014) 12 May.

²⁴ Hasan M. (2023) What is Driving China-Bangladesh Bonhomie? *The Diplomat*, 18 October. Available at: <https://thediplomat.com/2023/10/what-is-driving-china-bangladesh-bonhomie/> (accessed 15 July 2024).

Индия более спокойно относится к экономическому сотрудничеству своих соседей с Китаем. Это касается, в частности, модернизации глубоководного порта на острове Сонадия и порта в Читтагонге, содействия Китая в запуске первого спутника Бангладеш, а также подписания соглашений о строительстве шоссе между двумя странами, сооружении 128-километровой железной дороги, соединяющей Бангладеш и Китай через территорию Мьянмы, и создании китайской экономической и промышленной зоны в Читтагонге. В 2016 г. Бангладеш присоединилась к китайской инициативе «Один пояс, один путь». В 2023 г. инвестиции Китая – крупнейшего инвестора в экономику Бангладеш – составили 1,4 млрд долл. Около 700 китайских компаний, действующих на территории Бангладеш, создали рабочие места для более чем полумиллиона человек²⁵.

Находящаяся у власти с 2005 г. партия «Авами лиг», которая вновь победила на выборах в январе 2024 г., постепенно усиливает курс на более тесное сотрудничество с Китаем, продолжая балансировать между КНР и Индией. В то время как Пекин позитивно отреагировал на очередную победу партии, реакция Дели была сдержанной. Правда, в том же году народные волнения привели к отстранению «Авами лиг» от власти. Проблемы в отношениях между Индией и Бангладеш явно более серьезны по сравнению с китайско-бангладешскими связями.

Дакка поддержала выдвинутые Си Цзиньпином инициативы Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП) и Морского шелкового пути XXI века. В их развитие, как часть этого большого проекта, был создан проект Экономический коридор БКИМ (Бангладеш – Китай – Индия – Мьянма). Китайское финансирование способствовало реализации ряда крупных проектов. Например, 29 ноября 2023 г. китайская компания завершила строительство южной ветви первого в Южной Азии подводного тоннеля через реку Карнапхули, одного из участков экономического коридора БКИМ. В июне 2022 г. введен в эксплуатацию построенный китайскими специалистами мост через реку Падма стоимостью 3,6 млрд долл.²⁶, что, по оценкам экспертов, должно увеличить ВВП Бангладеш более чем на 1%. Ведутся интенсивные работы по модернизации зоны морского порта Читтагонг, где китайские компании планируют создать «умный город» с развитой системой общественного транспорта. КНР начала предоставлять Бангладеш займы на десятки миллиардов долларов для реализации различных экономических проектов.

На фоне нового витка кризиса в Тайваньском проливе бангладешские власти подтвердили приверженность принципу «одного Китая». При этом представительство Тайваня в Дакке было закрыто еще в 2008 г. в ответ

²⁵ Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China (2023) China–Bangladesh Relations in 2023: Laying Solid Foundation for Splendid Future. 31 December. Available at: https://www.mfa.gov.cn/eng/wjlb_663304/zwjg_665342/zwb_d_665378/202401/t20240105_11219041.html (accessed 15 July 2024).

²⁶ Gubin A. (2023) Bengal Lights for the Belt and Road Initiative: Specifics of Bangladesh Policy. *RIAC*, 31 January. Available at: <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/bengal-lights-for-the-belt-and-road-initiative-specifics-of-bangladesh-policy/> (accessed 15 July 2024).

на требование Пекина прекратить контакты с островом в качестве предварительного условия для расширения китайско-бангладешского партнерства.

КНР поддерживает также тесные связи с Непалом, Шри-Ланкой и Мальдивами. В последнее время Пекин развивает в первую очередь экономические связи. КНР превращается в главного инвестора Непала и стала крупнейшим кредитором Шри-Ланки, где на долю КНР в 2022 г. приходилось 20% общей задолженности страны²⁷. Мальдивы также уже должны КНР 1,37 млрд долл., что составляет 20% государственного долга страны, тогда как долг перед Индией в 10 раз меньше²⁸. Китайско-мальдивский торговый оборот растет очень быстро: в 2022 г. он составил 451 млн долл., а за январь–ноябрь 2023 г. увеличился до 700 млн долл.²⁹ Китайские показатели уже близки к индийским, чей торговый оборот с Мальдивами за 2022–2023 фин.г. составил 973 млн долл.³⁰

Реакция стран региона на Специальную военную операцию на Украине

Специальная военная операция России на Украине не оказала серьезного воздействия на ситуацию в Южной Азии. Страны региона занимают различные позиции по этому вопросу, исходя в первую очередь из своих национальных интересов. Индия, Пакистан и Шри-Ланка воздерживаются при голосовании в ООН по резолюциям, касающимся Украины, тогда как Непал, Мальдивы и Бутан осуждают действия России. Позиция Бангладеш остается нестабильной: страна то голосует за осуждение России, то воздерживается.

Поскольку Индия и КНР не пытаются оказать какое-то воздействие на Мальдивы, Непал и Бутан в плане их позиции по СВО, данные малые страны оказались в западном лагере (при этом Непал рассчитывает на полноценное вхождение в ШОС). Такая позиция может принести им дивиденды от развитых стран и не нанесет никакого урона их отношениям с Индией и Китаем. Россия не проводит активной политики в этих странах, что делает их выбор еще менее конфликтным. Аналогичный подход характерен и для Бангладеш.

Наиболее двойственную политику проводит пакистанский генералитет, который, по существу, принимает все ключевые политические решения в стране. Пакистанский народ в целом крайне скептически относится к США, но в армии значительная часть военачальников продолжает на них ориентироваться. Уже летом 2022 г., после визита начальника штаба армии Пакистана Камара Баджвы в Великобританию, начались поставки современных пакистанских боеприпасов на Украину через Румынию.

²⁷ ORF (2023) Indo-Pacific Strategy. Issue Brief No. 654, August. Available at: <https://www.orfonline.org/research/locating-sri-lanka-in-bidens-indo-pacific-strategy/> (accessed 31 July 2024).

²⁸ Al Jazeera (2024) China, Maldives upgrade ties with infrastructure deals in pivot from India. 11 January. Available at: <https://www.aljazeera.com/news/2024/1/11/china-maldives-upgrade-ties-with-infrastructure-deals-in-pivot-from-india> (accessed 31 July 2024).

²⁹ The Hindu (2024) Maldives, China sign 20 agreements after Muizzu-Xi meeting amid diplomatic row with India. 11 January. Available at: <https://www.thehindu.com/news/international/maldives-china-sign-20-agreements-after-muizzu-xi-meeting-amid-diplomatic-row-with-india/article67728474.ece> (accessed 31 July 2024).

³⁰ Government of India. Ministry of Commerce & Industry. Department of Commerce (n.d.) Export Import Data Bank. Available at: <https://tradestat.commerce.gov.in/eidb/iecnt.asp> (accessed 31 July 2024).

Стремление пакистанских проамерикански настроенных военнослужащих делать ставку на Запад очевидно. Согласно данным BBC, в августе 2022 г. Пакистан заключил контракты с двумя американскими компаниями на поставку 155-мм снарядов для Украины на сумму 364 млн долл.³¹ По другой информации, которую подтверждали некоторые официальные представители США и источники в пакистанских вооруженных силах, с лета 2022 г. по весну 2023 г. скрытые поставки Пакистаном боеприпасов Украине составили в 900 млн долл.³², за что Вашингтон в рамках тайной договоренности помог Исламабаду получить финансовую помощь от МВФ³³. Хотя пакистанская армия, администрация Дж. Байдена и МВФ опровергли эти данные, опубликованные секретные документы подтверждают факт сотрудничества.

Пакистан стремится получить от Соединенных Штатов финансовую поддержку для укрепления своего пошатнувшегося экономического положения. Одновременно Исламабад уклоняется от выполнения обязательств перед Китаем в рамках Китайско-пакистанского экономического коридора (КПЭК), базового маршрута в рамках китайской инициативы «Один пояс, один путь».

К 2023 г. долг Пакистана перед Китаем вырос до 30 млрд долл., что составляет почти четверть внешнего долга страны³⁴.

При этом Пакистан в рамках политики балансирования активно участвует в деятельности ШОС и декларирует полную приверженность курсу на дальнейшее укрепление связей с Китаем и Россией. Для Исламабада крайне важно «всепогодное стратегическое сотрудничество и партнерство» с Пекином, поскольку существуют опасения, что в случае глобальных изменений Китай может отказаться от его поддержки в противостоянии с Индией. Невыгодно Исламабаду и ухудшение отношений с Россией, которая начала поставлять Пакистану товары по сниженным ценам.

Заключение

После начала СВО Соединенные Штаты усилили давление на государства Южной Азии, в то время как Китай, напротив, стремится избегать провокаций в отношении Индии, акцентируя внимание на экономическом

³¹ *The Times of India* (2023) Cash-starved Pakistan's \$364 million 'secret' arms sale to Ukraine exposes 'neutral' claim: Report. 14 November. Available at: <https://timesofindia.indiatimes.com/world/pakistan/cash-starved-pakistans-364-million-secret-arms-sale-to-ukraine-exposes-neutral-claim-report/articleshow/105210865.cms> (accessed 20 August 2024).

³² Grim R., Hussein M. (2023) U.S. helped Pakistan get IMF bailout with secret arms deal with Ukraine, leaked documents reveal. *Intercept*, 17 September. Available at: <https://theintercept.com/2023/09/17/pakistan-ukraine-arms-imf/> (accessed 20 August 2024); *The Times of India* (2023) Pakistan sold \$900m munitions to Ukraine for IMF bailout in US-brokered deal? 19 September. Available at: <https://timesofindia.indiatimes.com/world/pakistan/pakistan-sold-900m-munitions-to-ukraine-for-imf-bailout-in-us-brokered-deal/articleshow/103769806.cms> (accessed 20 August 2024).

³³ *Business Today* (2023) IMF bailout to Pakistan linked to secret arms deal with US for Ukraine: Report. 18 September. Available at: <https://www.businesstoday.in/latest/world/story/imf-bailout-to-pakistan-linked-to-secret-arms-deal-with-us-for-ukraine-report-398817-2023-09-18> (accessed 20 August 2024).

³⁴ Hussain A. (2023) China to 'deepen and expand' military ties with Pakistan. *Al Jazeera*, 27 April. Available at: <https://www.aljazeera.com/news/2023/4/27/china-to-deepen-and-expand-military-ties-with-pakistan> (accessed 20 August 2024).

сотрудничестве с ее соседями. Россия, в свою очередь, не предпринимает значительных усилий для изменения подходов малых и средних стран региона к глобальным проблемам и не имеет возможности существенно повлиять на китайско-индийские отношения из-за крайне негативного восприятия азиатскими гигантами попыток посредничества между ними.

«Новая холодная война» в Южной Азии имеет латентный и очень специфический характер. В целом нельзя считать, что США и Россия проводят очень активный внешнеполитический курс в регионе: Вашингтон фокусируется на ослаблении позиций Китая и России, в то время как Москва стремится укреплять связи как с Индией, так и с Китаем. Однако в Дели считают, что Москва отдает явный приоритет Пекину. При этом Индия, имеющая существенные противоречия с КНР в Южной Азии, проводит независимый курс, не поддаваясь на стремление США превратить ее в своего военного партнера. Дели воспринимает себя как доминирующую силу региона и болезненно реагирует на политический курс Китая в Южной Азии, особенно на военно-политическое сотрудничество Пекина с государствами Южной Азии.

Для Китая Индия является в долгосрочном плане главным стратегическим соперником в Азии, а в будущем, возможно, и в мире. Подобный подход еще более характерен для Индии. Несмотря на определенную нормализацию двусторонних отношений на данном этапе, многие факторы ограничивают связи Китая и Индии, причем большинство из них является производным от базового противоречия – соперничества азиатских гигантов.

Оба государства имеют стратегическую цель становления (Индия) и укрепления (Китай) в качестве мировой державы, сохранив при этом роль регионального лидера. Но территориальная сфера базовых национальных интересов Индии уже, чем у Китая, и ограничивается в первую очередь Южной Азией, а также Юго-Восточной Азией. Можно предположить, что после становления полицентрического мира китайско-индийские противоречия будут иметь очевидную тенденцию к углублению. Следует также отметить, что страны Южной Азии, Индия и Китай стремятся получить дополнительные выгоды от резко осложнившейся ситуации в мире.

Список литературы

1. Володин А.Г. (2016) Индия и «страны Южных морей»: геоэкономические интересы и геополитические императивы. *Геополитический журнал* 4(16): 7–14.
2. Галищева Н.В., Рещикова М.С. (2021) Индийско-китайские отношения: борьба «Тигра» и «Дракона» за место под солнцем. *Международные процессы* 19(4): 104–122. DOI: 10.17994/IT.2021.19.4.67.5.
3. Галищева Н.В., Рещикова М.С. (2023) Индия и Китай в Южной Азии: борьба за политическое и экономическое влияние в регионе. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика* 15(1): 133–154. DOI: 10.21638/spbu13.2023.109.
4. Ежегодник СИПРИ, 2014 (2015) *Вооружения, разоружение и международная безопасность*. Москва: ИМЭМО РАН.

5. Замараева Н.А. (2023) Китай во внутренней и внешней политике Пакистана (2021–2022 гг.). В: Сафронова Е.И. (сост., отв. ред.) *Китай в мировой и региональной политике. История и современность*. Выпуск XXVIII. Москва: ИКСА РАН. С. 130–147.
6. Куприянов А.В. (2020) Китайский фактор в формировании индийского подхода к концепции индо-тихоокеанского региона. *Сравнительная политика* 11(2): 68–75. DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10020.
7. Куприянов А.В. (2023) Присутствие США и КНР в регионе Индийского океана: взгляд из Нью-Дели. *США и Канада: экономика, политика, культура* 53(9): 32–45. DOI: 10.31857/S2686673023090031.
8. Лунев С.И. (2019а) Политика Китая в отношении Южной Азии и реакция Индии. В: Воскресенский А.Д. (ред.) *Модель развития современного Китая: оценки, дискуссии, прогнозы*. Москва: Стратегические изыскания. С. 463–486.
9. Лунев С.И. (2019б) *Регионализация и интеграция: Индия и Южная Азия*. Москва: Юрайт. 304 с.
10. Лунев С.И. (2020а) Проблемы терроризма и подходы к Афганистану в треугольнике Россия-Индия-Китай. *Сравнительная политика* 11(2): 76–88. DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10021.
11. Лунев С.И. (2020б) Россия и Индия в Индо-Тихоокеанском регионе и фактор США. *Актуальные проблемы Европы* 1: 182–212. DOI: 10.31249/ape/2020.01.09.
12. Шавлай Э.П. (2020) Китайский фактор в индийско-американских отношениях. *Сравнительная политика* 11(2): 57–67. DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10019.
13. Шаумян Т.Л. (2022) Индия на глобальных перекрестках. *Свободная мысль* 2: 145–155.
14. Bajpai K., Huang J., Mahubani K. (2016) *China-India Relations*. Routledge. 242 p.
15. Clary C., Lalwani S., Siddiqui N. (2021) Public Opinion and Crisis Behavior in a Nuclearized South Asia. *International Studies Quarterly* 65(4): 1064–1076. DOI: 10.1093/isq/sqab042.
16. Gupta V. (1972) *Anderson Papers. A Study of Nixon's Blackmail of India*. Delhi: Indian School Supply Depot, Publication Division. 236 p.
17. Khalilzad Z. (1989) The United States in South Asia. *Current History* 88(542): 417–420. DOI: 10.1525/curh.1989.88.542.417.
18. Mazumdar A. (2014) *Indian Foreign Policy in Transition: Relations with South Asia*. London: Routledge. 244 p.
19. Mearsheimer J.J. (2021) The Inevitable Rivalry: America, China, and the Tragedy of Great-Power Politics. *Foreign Affairs* 100(6): 48–58.
20. Mohan C. (2012) *Samudra Manthan: Sino-Indian Rivalry in the Indo-Pacific*. Washington, D.C.: Brookings Institution Press. 330 p.
21. Musharraf P. (2006) *In the Line of Fire: A Memoir*. N.Y.: Free Press. 368 p.
22. Singh S. (2013) *India in South Asia: Domestic identity politics and foreign policy from Nehru to the BJP*. London: Routledge. 176 p.

Comparative Politics. Volume 15. No. 4. October–December / 2024
DOI 10.46272/2221-3279-2024-4-15-7

INDIA–CHINA–USA TRIANGLE IN SOUTH ASIA

Dr. Sergey I. LUNEV – Dr. of Science (History), Professor, MGIMO University; Principal Chief Research Fellow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences.

ORCID: 0000-0002-5850-1188. E-mail: silounev@gmail.com
76 Prospekt Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454.

Dr. Anatoly Yu. DAVYDENKO – Assistant Professor, MGIMO University.
E-mail: andavy10@mail.ru
76 Prospekt Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454.

Received April 18, 2024

Accepted October 31, 2024

Abstract: The article examines the transformation of South Asia, highlighting the distinctive characteristics of the foreign policy strategies of major powers, the interplay between regionalization and globalization, and the prospects for either confrontation or interdependence among the region's dominant states. South Asia is currently undergoing multifaceted and ambiguous repercussions of significant geopolitical shifts, underscoring the growing importance of analyzing the contemporary phase of interstate relations in this region. South Asia, in many ways, mirrors the broader global changes but on a smaller scale. The region comprises countries with stark disparities in territory, population, economic capacity, scientific and technological advancement, military power, as well as cultural and civilizational traits – all of which significantly shape interstate relations. India's dominance within the region fosters distrust among its neighbors and exacerbates their perception of vulnerability. Consequently, these states increasingly seek to strengthen their positions in both regional and international arenas by leveraging relationships with extra-regional powers, most notably China. Moreover, unresolved disputes with India are frequently brought to the attention of the international community. The article also addresses the impact of external factors on South Asia's international relations system, focusing on the substantial shifts in the strategies of major powers following the Cold War. It explores key issues such as the Indian–Chinese rivalry in the region, the United States' adverse influence, and Russia's policy toward South Asia.

Keywords: South Asia, India, China, USA, Russia, confrontation, “new cold war”, foreign policy strategy

References:

1. Bajpai K., Huang J., Mahubani K. (2016) *China-India Relations*. Routledge. 242 p.
2. Clary C., Lalwani S., Siddiqui N. (2021) Public Opinion and Crisis Behavior in a Nuclearized South Asia. *International Studies Quarterly* 65(4): 1064–1076. DOI: 10.1093/isq/sqab042.
3. Ezhegodnik SIPRI, 2014. (2015) Vooruzheniya, razoruzhenie i mezhdunarodnaya bezopasnost'. Moscow: IMEMO RAS. (In Russian).
4. Galishcheva N.V., Reshchikova M.S. (2021) Indijsko-kitajskie otnosheniya: bor'ba «Tigra» i «Drakona» za mesto pod solncem [Indian-Chinese relations: the struggle of the «Tiger» and the «Dragon» for a place in the sun]. *Mezhdunarodnye processy [International Trends]* 19(4): 104–122. DOI: 10.17994/IT.2021.19.4.67.5. (In Russian).
5. Galishcheva N.V., Reshchikova M.S. (2023) Indiya i Kitaj v Yuzhnoj Azii: bor'ba za politicheskoe i ekonomicheskoe vliyanie v regione [India and China in South Asia: the struggle for political and economic influence in the region]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Vostokovedenie i afrikanistika [Bulletin of St. Petersburg University. Oriental and African Studies]* 15 (1): 133–154. DOI: 10.21638/spbu13.2023.109. (In Russian).
6. Gupta V. (1972) *Anderson Papers. A Study of Nixon's Blackmail of India*. Delhi: Indian School Supply Depot, Publication Division. 236 p.
7. Khalilzad Z. (1989) The United States in South Asia. *Current History* 88(542): 417–420. DOI: 10.1525/curh.1989.88.542.417.
8. Kupriyanov A.V. (2023) Prisutstvie SShA i KNR v regione Indiiskogo okeana: vzgliad iz N'iu-Deli [The presence of the United States and China in the Indian Ocean region: a view from New Delhi]. *SShA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura [USA and Canada: Economics, Politics, Culture]* 53(9): 32–45. DOI: 10.31857/S2686673023090031. (In Russian).

9. Kupriyanov A.V. (2020) Kitajskij faktor v formirovanii indijskogo podxoda k koncepcii indo-tihookeanskogo regiona [The Chinese factor in the formation of the Indian approach to the concept of the Indo-Pacific region]. *Sravnitel'naia politika [Comparative Politics]* 11(2): 68–75. DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10020. (In Russian).
10. Lunev S.I. (2019a) Politika Kitaya v otnoshenii Yuzhnoj Azii i reakciya Indii [China's policy towards South Asia and India's reaction]. In: Voskressensky A.D. (ed.) *Model' razvitiya sovremennogo Kitaya: ocenki, diskussii, prognozy [The model of the development of modern China: assessments, discussions, forecasts]*. Moscow: Strategicheskie izyskaniya. Pp. 463–486. (In Russian).
11. Lunev S.I. (2019b) *Regionalizatsiya i integratsiya: Indiya i Yuzhnaya Aziya [Regionalization and integration: India and South Asia]*. Moscow: Yurajt. 304 p. (In Russian).
12. Lunev S.I. (2020a) Problemy terrorizma i podkhody k Afganistanu v treugol'nike Rossiia-Indiia-Kitai [Problems of Terrorism and Approaches to Afghanistan in the Russia-India-China Triangle]. *Sravnitel'naia politika [Comparative Politics]* 11(2): 76–88. DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10021. (In Russian).
13. Lunev S.I. (2020b) Rossiia i Indii v Indo-Tihookeanskom regione i faktor SShA [Russia and India in the Indo-Pacific region and the US factor]. *Aktual'nye problemy Evropy [Current Problems of Europe]* 1: 182–212. DOI: 10.31249/ape/2020.01.09. (In Russian).
14. Mazumdar A. (2014) *Indian Foreign Policy in Transition: Relations with South Asia*. London: Routledge. 244 p.
15. Mearsheimer J.J. (2021) The Inevitable Rivalry: America, China, and the Tragedy of Great-Power Politics. *Foreign Affairs* 100(6): 48–58.
16. Mohan C. (2012) *Samudra Manthan: Sino-Indian Rivalry in the Indo-Pacific*. Washington, D.C.: Brookings Institution Press. 330 p.
17. Musharraf P. (2006) *In the Line of Fire: A Memoir*. N.Y.: Free Press. 368 p.
18. Shaumyan T.L. (2022) Indii na global'nykh perekrestkakh [India at global crossroads]. *Svobodnaia mysl' [Free Thought]* 2: 145–155. (In Russian).
19. Shavlaj E.P. (2020) Kitaiskii faktor v indii-amerikanskikh otnosheniakh [The Chinese factor in Indian-American relations]. *Sravnitel'naia politika [Comparative Politics]* 11(2): 57–67. DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10019. (In Russian).
20. Singh S. (2013) *India in South Asia: Domestic identity politics and foreign policy from Nehru to the BJP*. London: Routledge. 176 p.
21. Volodin A.G. (2016) Indiya i «strany Yuzhnykh morei»: geoekonomicheskie interesy i geopoliticheskie imperativy. [India and the «South Sea countries»: geo-economic interests and geopolitical imperatives]. *Geopoliticheskij Zhurnal [The Geopolitical Journal]* 4(16): 7–14. (In Russian).
22. Zamaraeva N.A. (2023) Kitaj vo vnutrennej i vneshnej politike Pakistana (2021–2022 gg.) [China in the domestic and foreign policy of Pakistan (2021–2022)], *Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istoriya i sovremennost'. Vypusk XXVIII: ezhegodnoe izdanie [China in world and regional politics. History and modernity. Issue XXVIII: Annual edition]*. Moscow: IKSA RAS. Pp. 130–147. (In Russian).

ДИЛЕММЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: СРАВНЕНИЕ ПОДХОДОВ ГЕРМАНИИ И ФРАНЦИИ К СООТНОШЕНИЮ РОЛИ ЕС И НАТО В ЕВРОПЕ ПОСЛЕ 2022 Г.

Павел ТИМОФЕЕВ, Мария ХОРОЛЬСКАЯ
ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН

Аннотация. В 2016–2017 гг. именно тандем Франции и Германии способствовал прогрессу в углублении евроинтеграции в сфере безопасности. Несмотря на то, что подходы сторон к соотношению атлантизма и европеизма различаются, им удавалось найти компромисс. Эскалация украинского кризиса внесла изменения в политику безопасности этих государств. В статье выдвигается следующая гипотеза: в последние два года расхождения по вопросам безопасности между сторонами усилились, приходиться к согласию становится сложнее. В условиях ограниченности ресурсов Германия в еще большей степени полагается на трансатлантические гарантии, а Франция выступает за европейский подход. Для проверки гипотезы авторы сравнивают изменения в политике и риторике двух государств на трех уровнях: концептуальном (место НАТО и ЕС в стратегических документах и выступлениях лидеров), программно-инициативном (участие в инициативах НАТО и ЕС в сфере безопасности в последние два года) и военно-промышленном (подходы к вооружению и перевооружению армий, приоритет европейских проектов или же трансатлантических закупок). Анализ показал, что после обострения конфликта на Украине стремление Германии и Франции опираться на Североатлантический альянс как на надежного гаранта усилилось, при этом последняя продолжает искать способы развивать европейскую оборону. Отношение обоих государств к инициативам и закупкам в рамках ЕС и НАТО также отличается. Французская республика, опирающаяся на собственный ВПК и ядерное оружие, активно продвигает проекты в Европейском союзе, чтобы получить финансовую выгоду и укрепить европейскую «стратегическую автономию». При этом в рамках Североатлантического альянса государство ведет себя достаточно сдержанно. Германия же, не имеющая таких возможностей, делает упор на проверенные структуры НАТО, двусторонние инициативы и закупки части вооружения в США. Выявлена связь между политическими позициями изучаемых государств и степенью их зависимости от американского ВПК.

Павел Петрович Тимофеев – кандидат политических наук, зав. сектором региональных проблем и конфликтов Отдела европейских политических исследований, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН.

ORCID: 0000-0002-0512-7436. E-mail: p.timofeyev@gmail.com
117997, Москва, Профсоюзная, д. 23.

Мария Витальевна Хорольская – кандидат политических наук, научный сотрудник Отдела европейских политических исследований, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН.

ORCID: 0000-0002-1885-7729. E-mail: khorolskaja.marya@yandex.ru
117997, Москва, Профсоюзная, д. 23.

Поступила в редакцию: 26.08.2024

Принята к публикации: 06.10.2024

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Ключевые слова: Франция, Германия, франко-германский тандем, украинский конфликт, «стратегическая автономия» ЕС, НАТО, ВПК, закупки вооружения, «Европейский небесный щит»

В 2019 г. лидеры европейской интеграции – Германия и Франция – торжественно отметили 56-ю годовщину стратегических союзных отношений подписанием Аахенского договора (Рубинский & Синдеев, 2023). Речь шла не только о формальном юбилее: в 2016–2017 гг. франко-германский тандем способствовал активизации государств – членов ЕС в военной сфере. Конкретными результатами стали выход Глобальной стратегии безопасности ЕС, запуск программ «Постоянное структурированное сотрудничество» (*PESCO*) и «Европейская инициатива вмешательства» (*EI2*), создание Европейского оборонного фонда. Вместе с тем уже тогда было заметно несовпадение во взглядах Парижа и Берлина на стратегическую автономию ЕС: если первый выступал за формирование европейских военных проектов на основе «разных скоростей» и эффективности, то второй поддерживал инклюзивный подход, вовлекающий в интеграцию почти всех членов ЕС (Тимофеев & Хорольская, 2020). Отличались и точки зрения сторон на соотношение роли ЕС и НАТО в обеспечении безопасности Европы. Впрочем, эти расхождения не мешали двум государствам находить компромиссы по большинству вопросов.

На фоне эскалации украинского конфликта с февраля 2022 г. имеют место дискуссии о том, как текущая ситуация влияет на роль ЕС и НАТО в системе европейской безопасности. Одни эксперты пишут об иллюзорности «стратегической автономии» ЕС на фоне усиления НАТО (Airiau & Delagenière, 2022), другие подчеркивают снятие пацифистских табу в Европейском союзе (Gros-Verheyde, 2024).

Проблема соотношения европеизма и атлантизма в обеспечении безопасности государств – членов ЕС, особенно обострившаяся после завершения биполярного периода, уже давно интересует отечественных и зарубежных политологов, находя отражение в их работах. Например, в трудах специалистов ИМЭМО РАН (Арбатова et al., 2020; Арбатова, 2021; Арбатова, 2024) освещается развитие европейской «стратегической автономии». Перипетии эволюции франко-германского тандема и позиций двух государств по вопросам европейской безопасности рассматривали эксперты Института Европы РАН (Рубинский & Синдеев, 2022), ИНИОН РАН (Сидоров, 2023), МГИМО МИД России (Истомин & Соколов, 2021), специалисты СПбГУ и другие (Чихачев & Гуляев, 2022). При этом в указанных работах говорится в большей мере о потенциале тандема и перспективах европейской «стратегической автономии».

Среди зарубежных публикаций следует отметить ряд аналитических работ. Так, Я. Пуглирин (Puglierin, 2024) и Л. Шютте (Schütte, 2023) выявляют противоречия оборонной политики ЕС, отдельно выделяя позицию ФРГ. Л. Вахс

(Wachs, 2023), а также Г. Вольф, А. Бурилков, К. Бушнелль и И. Харитонов (Wolff et al., 2024) исследуют германскую оборонную политику. В первой работе анализируется инициатива «Европейский небесный щит». Вторая представляет собой широкий обзор военных закупок Германии за последние годы, позволяющий авторам сделать вывод о том, что предпринятые ей меры не являются достаточными. Р. Беллэ и А. Николя анализируют эволюцию подхода Франции к урегулированию украинского кризиса и к формированию системы безопасности в Европе, обращая внимание на сопутствующие проблемы (Bellais & Nicolas, 2023). Ж.-П. Мольни отмечает влияние украинского конфликта на тенденции развития рынка ВПК ЕС, указывая на факторы его зависимости от США (Maulny, 2023). М. Лефевр размышляет над шагами, сделанными Евросоюзом в военной сфере с 2022 г. и над препятствиями, мешающими европейцам перехватить у США лидерство в НАТО (Lefebvre, 2024).

Не претендуя на всесторонний охват столь обширной проблематики, как соотношение европеизма и атлантизма в ЕС, авторы статьи ставят более скромную цель: выявить, как после эскалации украинского кризиса в 2022 г. изменились подходы Германии и Франции к дихотомии «ЕС – НАТО» в обеспечении европейской безопасности. Гипотеза исследования состоит в том, что, несмотря на декларируемую евроатлантическую солидарность, сторонам стало сложнее находить компромисс в вопросах безопасности. В условиях конфликта на восточных границах ЕС и сокращения экономических ресурсов среди политических элит обоих государств стали четче проявляться прежние ориентиры: Германия стала в большей мере полагаться на трансатлантические гарантии, а Франция – выступать за укрепление ЕС как полюса безопасности в Европе.

Для проверки гипотезы авторы обращаются к сравнительному и системному анализу, отталкиваясь от многолетних работ отечественных международныхников, изучавших отношения в рамках так называемого западного сообщества – США, Западной Европы и Японии. Для настоящей статьи важно, что отношениям США и Европы присуще сложное переплетение экономического сотрудничества и общности ряда идеологических установок с деловой конкуренцией и защитой собственных политических интересов по разным международным вопросам (Гантман et al., 1984; Войтоловский, 2007). Авторы осознают, что в формировании политики в области безопасности участвуют различные элитные группы (в том числе военно-промышленный комплекс – ВПК), а в случае ЕС влияние оказывают и наднациональные институты, однако в условиях ограниченного объема статьи акцент был сделан на политический истеблишмент, играющий ведущую роль в определении курса в данной сфере. Для выявления общности и различий в позициях элит двух государств авторы используют трехуровневое сравнение, которое легло в основу трехчастной структуры статьи.

На первом – концептуальном – уровне анализируется место НАТО и ЕС в стратегических документах и программных выступлениях лидеров Франции и Германии. Это способствует достижению понимания того, как проблемы

воспринимаются правящими элитами обоих государств и какие с их точки зрения структуры лучше обеспечивают безопасность в условиях резкого усиления нестабильности на границах Европейского союза. Если изучение программных выступлений помогает уловить акценты, которые расставляют представители истеблишмента, комментируя международные вопросы, то ознакомление со стратегическими документами (Белыми книгами, докладами по нацбезопасности и пр.) позволяет не только зафиксировать приоритеты и определить желаемые векторы развития политики, но также увидеть, есть ли в них концептуальные расхождения, осложняющие взаимодействие тандема.

На втором – программно-инициативном – уровне проверяется, транслируются ли концептуальные представления лидеров Германии и Франции в практическую поддержку новых инициатив, выдвигаемых в рамках НАТО и ЕС с 2022 г. Иными словами, на данном этапе подтверждаются или опровергаются выводы предыдущего пункта касательно приоритетности названных структур для изучаемых государств. Кроме того, значимость уровня определяется тем, что именно здесь формируются практики, которые будут оказывать влияние на политику Германии и Франции в сфере обеспечения безопасности в будущем.

На третьем – военно-промышленном – уровне авторы обращаются к проблемам производства и закупок вооружения. В статье анализируется, выбирают ли правительства изучаемых государств совместные / европейские разработки или же предпочитают приобретать вооружение и военную технику (ВиВТ) за пределами ЕС, в частности, в США. Рассмотрение данного вопроса позволяет сравнить военно-промышленные приоритеты Франции и Германии в условиях кризиса и нестабильности. Кроме того, представляется важным выявить, как уже сложившаяся структура военно-промышленного комплекса (ВПК) влияет на решения правящих кругов двух государств о закупках / производстве, а также на предыдущие два уровня – участие в инициативах и формулирование стратегических подходов.

Авторы исходят из того, что комплексный анализ трех видов деятельности франко-германских элит – концептуализации, приоритизации политических инициатив и военно-промышленной политики – позволяет выявить ключевые изменения в установках и паттернах кооперации изучаемых государств с ЕС и НАТО. ВПК в данном случае рассматривается не как актер, а как один из факторов в процессе принятия решения.

Концептуальные подходы к соотношению роли НАТО и ЕС в системе европейской безопасности

Для начала следует сравнить подходы двух государств на первом – концептуальном – уровне. Февраль 2022 г. стал рубежом, изменившим взгляды политической элиты и общества во Франции и Германии на проблему безопасности в Европе. Позиции двух государств по этому вопросу традиционно расходились.

Франция, как ядерная держава, обладательница национального ВПК и крупнейшей в ЕС армии (формируемой с 1996 г. на контрактной основе), выступала за превращение ЕС в «Европу-державу» (*Europe puissance*) – одного из ключевых международных акторов. В 2017–2021 гг., опасаясь сдвига США в сторону изоляционизма при Д. Трампе, Э. Макрон заявил о «смерти мозга» НАТО¹, лоббируя идею «европейской опоры»² альянса и требуя от США признать важную роль ЕС в обеспечении безопасности в Европе. Не выделяясь в плане оборонного бюджета – 1,91% ВВП в 2021 г.³, Франция тем не менее активно экспортировала вооружения и неоднократно предлагала сформировать экспедиционные силы для отправки в кризисные регионы.

Между тем положение ФРГ в мировой политике описывалось формулой «экономический гигант и политический карлик» (Соколов, 2023: 141). И если в плане международно-политического влияния роль данного государства возростала, то в вопросах «жесткой силы» его элиты по историческим причинам сохраняли сдержанность. После 1990 г. правительство Германии сокращало вооружения, а с 2011 г. отказалось от всеобщей воинской повинности. Оборонный бюджет ФРГ оставался на уровне менее 2%; власти же заявляли, что в ближайшие годы достичь целевого показателя не удастся. Берлин отвергал поставки оружия в «горячие точки» и предъявлял строгие требования к покупателям, порой вызывая недовольство союзников, в том числе Франции.

Обострение украинского кризиса способствовало консолидации позиций западных государств. 27 февраля 2022 г. канцлер О. Шольц официально провозгласил «смену эпох» (*Zeitenwende*). Заявив о том, что ситуация изменилась, он подчеркнул готовность Германии оказывать поддержку Украине и повышать оборонные расходы в соответствии с рекомендациями НАТО⁴. В целях модернизации бундесвера правительство учредило специальный фонд в размере 100 млрд евро. Схожим образом об «историческом [для ЕС] повороте» 11 марта заявил Э. Макрон. Новый военный бюджет Франции на 2024–2030 гг. был также увеличен на 100 млрд евро⁵. На фоне принятия

¹ Этой метафорой Э. Макрон указывал на неясность стратегических целей НАТО и отсутствие координации между США и европейскими союзниками в рамках Альянса в регионах, важных для интересов его государств-членов (особенно в Сирии). См.: *Le Figaro* (2019) Pour Emmanuel Macron, l'Otan est en état de «mort cérébrale». 7 November. Available at: <https://www.lefigaro.fr/international/le-president-francais-emmanuel-macron-juge-l-otan-en-etat-de-mort-cerebrale-20191107> (accessed 21 October 2024). P. 47.

² Единого толкования этой формулировки нет. В понимании авторов, речь идет о стремлении Германии и Франции усилить оборонный потенциал государств – членов ЕС, что позволило бы США передать часть своей ответственности по обеспечению безопасности Европы самим европейцам в рамках НАТО. См.: *Assemblée Nationale* (2024) Rapport d'information N°2651... sur les enjeux, le rôle et la stratégie d'influence de la France dans. Available at: https://www.assemblee-nationale.fr/dyn/16/rapports/cion_def/116b2651_rapport-information.pdf (accessed 21 October 2024). P. 47.

³ NATO (2024) Defence Expenditure of NATO Countries (2014–2023). Available at: https://www.nato.int/nato_static_files2014/assets/pdf/2024/3/pdf/240314-def-exp-2023-en.pdf (accessed 21 October 2024). P. 8.

⁴ *Die Bundesregierung* (2022) Regierungserklärung von Bundeskanzler Olaf Scholz am 27. Februar 2022. Available at: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/regierungserklaerung-von-bundeskanzler-olaf-scholz-am-27-februar-2022-2008356> (accessed 16 October 2024).

⁵ *Elysée* (2023) Déplacement en Allemagne à l'occasion de la 59ème Conférence de Munich sur la sécurité. Available at: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2023/02/17/deplacement-en-allemande-a-loccasion-de-la-59eme-conference-de-munich-sur-la-securite> (accessed 16 October 2024).

концептуальных документов ЕС и НАТО в 2022 г. («Стратегического компаса» ЕС и Стратегической концепции НАТО) со стороны лидеров двух государств нет недостатка в заявлениях о верности обоим союзам. Вместе с тем при сравнении их подходов к роли данных объединений в системе европейской безопасности можно обнаружить ряд отличий.

В выступлениях О. Шольца основной акцент сделан на обязанностях Германии в рамках НАТО. Еще 27 февраля он подчеркнул готовность при необходимости защищать всех членов блока, включая страны Восточной Европы. Показательно, что в этот момент О. Шольц не говорил о стратегической автономии или программах ЕС, упомянув лишь совместные с Францией перспективные проекты разработки основного боевого танка (*MGCs*) и боевого самолета (*FCAS*). В последующих интервью он повторял, что считает именно НАТО ключевым оборонительным альянсом, призывая не переоценивать роль ЕС в данном вопросе (Puglierin, 2024).

Эта позиция зафиксирована в Стратегии национальной безопасности (2023), первой в истории Германии. Хотя важность членства в НАТО и углубление евроинтеграции стоят в ней рядом, именно Альянс провозглашается главным столпом германской, европейской и трансатлантической безопасности, а также гарантом защиты от военных угроз⁶. При модернизации бундесвера правительство Германии намерено опираться на целевые показатели НАТО. Декларируется стремление к усилению в будущем своего присутствия в зоне ответственности организации; планируется расширение возможностей по поддержке передвижения и обеспечению пребывания союзников на территории ФРГ, а также укрепление потенциала в сферах логистики и здравоохранения. 100-миллиардный фонд призван обеспечить расходы на оборону в размере 2% ВВП, однако вовсе не обязательно, что они будут сохраняться на этом уровне по истечении пятилетнего срока его действия.

Во Франции отношение к НАТО более противоречивое. В 2022–2024 гг. ее истеблишмент постарался приглушить «фрондерские» нотки, подтвердив перед союзниками свои обязательства, в том числе на восточном фланге, и признав за блоком статус краеугольного камня евроатлантической безопасности, что нашло отражение в новом «Национальном стратегическом обзоре»⁷. Оборонный бюджет Франции в 2022–2023 гг. вырос с 1,88 до 1,90%, а в 2025–2027 гг., как ожидается, достигнет 2%⁸. Но ее приверженность

⁶ *Bundesministerium der Verteidigung* (2023) Wehrhaft. Resilient. Nachhaltig. Integrierte Sicherheit für Deutschland. Nationale Sicherheitsstrategie. Available at: <https://www.bmvg.de/resource/blob/5636374/38287252c5442b786ac5d0036ebb237b/nationale-sicherheitsstrategie-data.pdf> (accessed 16 October 2024). P. 31.

⁷ *Revue nationale stratégique* (2022) Secrétariat général de la défense et de la sécurité nationale. Available at: <https://www.sgdsn.gouv.fr/files/files/Revue%20nationale%20strat%C3%A9gique%20-%20Fran%C3%A7ais.pdf> (accessed 16 October 2024). P. 14.

⁸ *NATO* (2024) Defence Expenditure of NATO Countries (2014–2023). Available at: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2024/3/pdf/240314-def-exp-2023-en.pdf (accessed 21 October 2024) P. 8; *Legifrance* (n.d.) Loi № 2023-703 du 1er août 2023 relative à la programmation militaire pour les années 2024 à 2030 et portant diverses dispositions intéressant la défense. Available at: <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000047914986> (accessed 21 October 2024). Art. 3.

атлантизму имеет пределы. Во-первых, размер национальной делегации Пятой республики в Брюсселе, равно как и число ее представителей в командных структурах Альянса, по-прежнему недостаточно велики (в три раза ниже, чем у основных союзников по блоку)⁹; при этом увеличивать их она не спешит. Во-вторых, Франция стремится очертить географические пределы влияния НАТО: в 2023 г. она заблокировала учреждение бюро Альянса в Японии.

Отношение элит Германии и Франции к НАТО обуславливает разницу в их подходах к роли ЕС в системе европейской безопасности. Истеблишмент первым рассматривает укрепление обороноспособности Европейского союза как усиление одной из опор Альянса. Это касается общих оборонных проектов, стандартизации экспорта вооружения и даже программы противоздушной обороны Европы (вероятно, *European Sky Shield Initiative* – см. ниже)¹⁰. Правительство ФРГ подтверждает государственные обязательства в рамках 42 статьи Лиссабонского договора ЕС и 4 статьи Аахенского договора с Францией¹¹, но вопрос европейской безопасности – как одной из составляющих безопасности Германии – трактуется им в более широком смысле: в Стратегии национальной безопасности говорится об укреплении Общей внешней политики и политики безопасности, вкладе торговых соглашений ЕС в обеспечение безопасности и устойчивости Германии, снижении зависимости от критически важных поставок. Кроме того, с точки зрения истеблишмента, в сфере ответственности ЕС находятся прежде всего борьба с невоенными угрозами (кибер- и технологическая безопасность, регулирование миграции, консолидированная санкционная политика), а также предотвращение / урегулирование кризисов.

На данном этапе во Франции, как и в Германии, Европейский союз признается одним из столпов, на который опирается Организация Североатлантического договора. В программной речи 1 сентября 2022 г. Э. Макрон

⁹ Barotte N. (2023) La Cour des comptes dresse un bilan «insatisfaisant» de la France dans l'Otan. *Le Figaro*, 5 October. Available at: <https://www.lefigaro.fr/international/la-cour-des-comptes-dresse-un-bilan-insatisfaisant-de-la-france-dans-l-otan-20231005> (accessed 12 August 2024).

¹⁰ *Bundesministerium der Verteidigung* (2023) Wehrhaft. Resilient. Nachhaltig. Integrierte Sicherheit für Deutschland. Nationale Sicherheitsstrategie. Available at: <https://www.bmvg.de/resource/blob/5636374/38287252c5442b786ac5d0036ebb237b/nationale-sicherheitsstrategie-data.pdf> (accessed 16 October 2024). P. 31–32.

¹¹ Обе статьи подтверждают взаимные обязательства двух государств оказать друг другу и другим государствам – членам ЕС помощь и содействие всеми имеющимися в их распоряжении средствами. В Аахенском договоре, кроме того, стороны указывают на неразделимость своих интересов безопасности и стремятся сблизить свои цели и политику в области безопасности и обороны, тем самым укрепляя системы коллективной безопасности, частью которых они являются. См.: *Europa.eu* (n.d.) Consolidated Version Of The Treaty On European Union. Available at: https://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:2bf-140bf-a3f8-4ab2-b506-fd71826e6da6.0023.02/DOC_1&format=PDF (accessed 21 October 2024); *France Diplomatie* (n.d.) Traité entre la République française et la République fédérale d'Allemagne sur la coopération et l'intégration franco-allemandes (Aix-La-Chapelle, 22.01.2019). Available at: https://www.diplomatie.gouv.fr/IMG/pdf/traita.aix-la-chapelle.22.01.2019_cle8d3c8e.pdf (accessed 21 October 2024).

обозначил три уровня обеспечения безопасности Франции (национальный, уровень ЕС и уровень НАТО), акцентируя отсутствие противоречия между «Европой обороны»¹² и интересами Альянса¹³.

В остальном же отношении правящей элиты Франции к роли ЕС принципиально иное. Если НАТО для нее – «страховка» на случай непредвиденного военного кризиса, то в лице ЕС она желает видеть «геополитическую державу», имеющую свои интересы на мировой арене, отличные от интересов США, проявляющую самостоятельность в энергетическом, технологическом, космическом планах и способную защищаться силовым путем¹⁴. Президент Французской Республики подчеркивает, что ее жизненно важные интересы находятся в Европе, выражает готовность распространить на ЕС ядерные гарантии государства, а также настаивает на участии объединения, наряду с США и Россией, в будущих переговорах по ограничению вооружений в Европе¹⁵.

Вместе с тем французские обозреватели признают, что «Европа обороны» пока остается лишь идеей, на пути реализации которой предстоит множество трудностей (Airiau & Delagenière, 2022; Lefebvre, 2024). Во Франции нет четкого ответа на главные вопросы: что такое «стратегическая автономия» и как должны соотноситься функции НАТО и ЕС в вопросах безопасности.

На этом фоне почти не наблюдается признаков того, чтобы Германия и Франция проявляли значимое внимание к другим организациям в сфере безопасности, в частности, ОБСЕ. В первом случае ее упоминают преимущественно в контексте обеспечения контроля над вооружениями¹⁶, во втором – как рамочную организацию для урегулирования кризисов на постсоветском пространстве¹⁷.

¹² Под «Европой обороны», по мнению авторов, Э. Макрон понимает развитую интеграцию государств – членов ЕС в военной сфере, что обеспечило бы защиту европейцев от внешних угроз. При этом президент признает, что рамки концепции остаются весьма размыты. *Elysée* (2024) Discours du Président de la République sur l'Europe à la Sorbonne. Available at: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2024/04/24/discours-sur-leurope> (accessed 21 October 2024).

¹³ *Elysée* (2022) Discours du Président Emmanuel Macron à l'occasion de la conférence des ambassadrices et des ambassadeurs. Available at: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2022/09/01/discours-du-president-emmanuel-macron-a-l'occasion-de-la-conference-des-ambassadrices-et-des-ambassadeurs> (accessed 16 October 2024).

¹⁴ *Elysée* (2023) Déplacement en Allemagne à l'occasion de la 59ème Conférence de Munich sur la sécurité. Available at: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2023/02/17/deplacement-en-allemande-a-l'occasion-de-la-59eme-conference-de-munich-sur-la-securite> (accessed 16 October 2024).

¹⁵ Ibid.

¹⁶ *Bundesministerium der Verteidigung* (2023) Wehrhaft. Resilient. Nachhaltig. Integrierte Sicherheit für Deutschland. Nationale Sicherheitsstrategie. Available at: <https://www.bmvg.de/resource/blob/5636374/38287252c5442b786ac5d0036ebb237b/nationale-sicherheitsstrategie-data.pdf> (accessed 16 October 2024). P. 44.

¹⁷ *Elysée* (2023) Op.cit.

Таким образом, эскалация украинского кризиса не сгладила, а подсветила разницу в концептуальных подходах Германии и Франции к роли НАТО и ЕС в обеспечении безопасности в Европе. Если первая демонстрирует склонность полагаться на гарантии Альянса и придает особую значимость Соединенным Штатам в данном вопросе, то вторая, не отрицая роли НАТО и США, стремится к укреплению «стратегической автономии» ЕС и его обороноспособности. В 2022–2024 гг. тенденция обоих государств опираться на Североатлантический альянс усилилась, однако Французская Республика при этом продолжает искать способы превратить Европейский союз в самостоятельный центр силы. Но пока что «европейская оборона» остается скорее проектом с неясными перспективами.

Участие Германии и Франции в новых программах и инициативах НАТО и ЕС в сфере безопасности

Переходя от концептуального к программно-инициативному уровню, рассмотрим, как обострение украинского кризиса в 2022 г. повлияло на развитие старых и запуск новых инициатив ЕС и НАТО и насколько здесь активны Германия и Франция.

Первым важным шагом в ЕС стала трансформация Европейского фонда мира (ЕФМ). Созданный государствами – членами объединения в 2021 г. как внебюджетный механизм для урегулирования конфликтов в мире, в 2022 г. он был переориентирован на поддержку Украины. Сумма в размере 5,7 млрд евро, изначально заложенная в бюджет ЕФМ на 2021–2027 гг., была увеличена до 17 млрд. Взносы в фонд рассчитываются исходя из объемов ВВП, поэтому львиная доля финансирования этого механизма приходится на Германию (25%) и Францию (18%)¹⁸. Участие в ЕФМ позволяет государствам – членам ЕС получить денежное возмещение за переданное Украине вооружение. При этом во Франции и в Германии считают, что механизм распределения компенсаций несправедлив. Так, вложив в ЕФМ 1 млрд евро, Франция возместила лишь около 500 млн евро, тогда как Польша, чей вклад в ЕФМ куда ниже (3,7%), получила 1 млрд евро¹⁹. Германия, в свою очередь, смогла вернуть лишь 31 млн евро²⁰.

Универсального ответа на вопрос о том, как реформировать работу ЕФМ, пока не найдено. Франция, направляющая через ЕС (7,56 млрд евро) больше средств, чем по двусторонним каналам (4,43 млрд), выступает за «европейский» подход, требуя закупать с помощью ЕФМ вооружение, произведенное

¹⁸ Schütte, 2023; Ravailhe N. (2023) Nos Obus pour l'Ukraine sont-ils souverains ? *Sauvons l'Europe*, 7 April. Available at: <https://www.sauvonsleurope.eu/nos-obus-pour-lukraine-sont-ils-souverains/> (accessed 16 October 2024).

¹⁹ *Assemblée Nationale* (2023) Rapport d'information N°1840 sur le bilan du soutien militaire à l'Ukraine. Available at: https://www.assemblee-nationale.fr/dyn/16/rapports/cion_def/116b1840_rapport-information.pdf (accessed 16 October 2024).

²⁰ *Die Bundesregierung* (2024) Diese Waffen und militärische Ausrüstung liefert Deutschland an die Ukraine. Available at: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/schwerpunkte/krieg-in-der-ukraine/lieferungen-ukraine-2054514> (accessed 16 October 2024).

в ЕС. Германия, которая передает Украине на двусторонней основе (14,69 млрд) в разы больше, чем через механизмы ЕС (8,87 млрд евро)²¹, требует, чтобы при расчете взноса учитывалась и первая цифра. При этом в ФРГ полагают, что скорость поставок важнее поддержки ВПК ЕС, а значит, возможно приобретение ВиВТ за пределами объединения. В марте 2024 г. стороны достигли компромисса: предпочтение по закупкам будет отдаваться продукции ЕС, но при распределении компенсаций будет учитываться двусторонняя помощь.

Второй инициативой по развитию ВПК ЕС стало принятие в 2022–2023 гг. Акта об укреплении европейской оборонной промышленности путем общих закупок (*EDIRPA*). В отличие от ЕФМ, он представляет собой бюджетный механизм ЕС (300 млн евро), призванный частично (до 15–20%) компенсировать общие закупки ВиВТ в трех категориях: снаряды, средства противовоздушной обороны (ПВО) и противоракетной обороны (ПРО), боевые платформы и модернизация устаревших систем. Это возможно при соблюдении ряда условий: участие в приобретениях не менее трех государств (членов ЕС и ЕАСТ ²²), на которые приходится не менее 65% стоимости комплектующих. Кроме того, компоненты нельзя поставлять из третьих стран, если это несет риски для безопасности ЕС²³.

Истеблишмент Франции стал одним из главных лоббистов Акта, видя в нем возможность одновременно укрепить европейский ВПК и поддержать производство национальной военной продукции (переносные зенитные ракетные комплексы *Mistral* и ракеты *VI Mica*, самоходные артиллерийские установки *Caesar*, радары *GM-200*) с участием партнеров по ЕС²⁴. Отсюда и две основные претензии Франции к механизму: низкий порог компенсаций в 15–20% и наличие для третьих стран «лазейки» в размере 35% стоимости компонентов продукции. Германия же выступала за более гибкие условия участия третьих стран или использования комплектующих из последних (Schütte, 2023). Свою роль играла и сильная связь германского ВПК с компаниями из США.

Третьим шагом ЕС стало принятие 7 июля 2023 г. Акта о поддержке производства боеприпасов (*ASAP*) для увеличения поставок Украине 155-мм артиллерийских снарядов. Его бюджет на 2023–2025 гг. составил 500 млн евро. По этой программе компаниям из стран ЕС и ЕАСТ гарантируется возмещение затрат на увеличение производственных мощностей, необходимых для выпуска как самого вооружения (до 35%), так и его сырья и комплектующих

²¹ *Kiel Institute for the World Economy* (n.d.) Ukraine Support Tracker. Available at: <https://www.ifw-kiel.de/topics/war-against-ukraine/ukraine-support-tracker> (accessed 16 October 2024).

²² Страны ЕАСТ, ассоциированные в рамках ЕЭЗ – Исландия, Лихтенштейн, Норвегия.

²³ *EUR-Lex* (2023) Regulation Of The European Parliament And Of The Council on establishing an instrument for the reinforcement of the European defence industry through common procurement (EDIRPA). Available at: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CONSIL:PE_40_2023_INIT (accessed 16 October 2024).

²⁴ *Assemblée Nationale* (2024) Rapport d'information №2625 sur l'industrie de défense, pourvoyeuse d'autonomie stratégique en Europe? Available at: https://www.assemblee-nationale.fr/dyn/16/rapports/cion_def/116b2625_rapport-information.pdf (accessed 16 October 2024).

(до 40%)²⁵. Задачей *ASAP* заявлено закрытие «узких мест» в изготовлении боеприпасов, прежде всего порохов и взрывчатых веществ.

Будучи основными производителями артиллерийских снарядов в ЕС, Германия и Франция поддержали принятие *ASAP*. 15 марта 2024 г. Еврокомиссия одобрила 31 проект в этой сфере: в список вошли как германские (*Rheinmetall Waffe Munition, Rheinmetall Expal, Rheinmetall Hungary Munition, Nitrochemie Aschau, Alzchem Trostberg*), так и французские (*Eurenco, KNDS France, Nobelsport*) компании²⁶. Камнем преткновения стал вопрос о доступе третьих стран: Германия стремилась облегчить его, Франция – ужесточить. При этом обе стороны высказались против предложения Еврокомиссии отдавать приоритет европейским заказчикам перед неевропейскими и требовать от компаний предоставления конфиденциальных данных о своих промышленных мощностях и цепочках поставок (Schütte, 2023).

В январе 2024 г. Еврокомиссия (по инициативе француза Т. Бретона, еврокомиссара по вопросам внутреннего рынка) предложила создать Оборонный долговой фонд в размере 100 млрд евро, финансируемый за счет займов. Если Франция, Польша и Эстония поддержали его, то Германия и государства, осторожно относящиеся к идеям займов (Дания, Нидерланды, Финляндия, Чехия) не проявили энтузиазма; государства ЕС, не входящие в НАТО, выступили против (Gros-Verheyde, 2024).

5 марта Еврокомиссия и Высокий представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности представили два новых документа – Европейскую оборонно-промышленную стратегию (*EDIS*) и проект Европейской оборонно-промышленной программы (*EDIP*), призванные стимулировать закупки ВиВТ внутри ЕС²⁷. Позиции Германии и Франции по этому вопросу противоречивы. В целом поддерживая развитие европейского ВПК, оба государства не намерены передавать Еврокомиссии больше полномочий в сфере, затрагивающей вопросы суверенитета и безопасности. При этом если Германия выступает против освобождения совместных проектов в сфере обороны от НДС и дополнительного финансирования *EDIP*, то Франция, напротив, называет объем бюджета программы (1,5 млрд евро на период 2025–2027 гг.) недостаточным. Кроме того, Пятая республика опасается риска дублирования функций *EDIP* другими структурами.

²⁵ *European Commission* (n.d.) *ASAP. Boosting defence production*. Available at: https://defence-industry-space.ec.europa.eu/eu-defence-industry/asap-boosting-defence-production_en (accessed 16 October 2024).

²⁶ *European Commission* (2024) *ASAP Results. Boosting ammunition production*. Available at: https://defence-industry-space.ec.europa.eu/document/download/b694b109-fa2c-493e-bf1e-87768ae6469e_en?filename=ASAP%20factsheet.pdf (accessed 16 October 2024).

²⁷ *Europäische Kommission* (2024) *Eine neue europäische Industriestrategie für den Verteidigungsbereich: Erreichen der Verteidigungsbereitschaft der EU durch eine reaktionsfähige und resilienteuropäische Verteidigungsindustrie*. Available at: https://defence-industry-space.ec.europa.eu/document/download/bbe39bd5-7312-4714-9f5d-7d67483d4d72_en?filename=JOIN_2024_10_1_DE_ACT_part1_v3.pdf (accessed 16 October 2024).

С 2022 г. Германия и Франции участвуют и в новых инициативах НАТО. За 75 лет существования Альянса его государства-члены выстроили систему взаимодействия и обеспечения. Так, все они вовлечены в работу Агентства НАТО по поддержке и закупкам (*NSPA*). С 2010-х гг. в организации разрабатывается 21 проект многонациональной кооперации – т.н. *High Visibility Projects (HVP)* (Алешин, 2022). Наиболее результативным из них стала инициатива *MRTT-C* по выпуску в 2020 г. многоцелевого самолета *Airbus A-330*.

Анализ участия двух государств в *HVP* показал, что Германия и Франция не являются лидерами в этой сфере. Первая участвует в 13 из 21 проекта, находясь на 5-м месте; позиции второй в списке еще ниже – 7 проектов и 10-е место²⁸. Германия и Франция заняты в пяти совместных проектах; это больше, чем у каждой из них с США: у ФРГ таких четыре, у Франции и вовсе два.

Если сравнивать участие Германии и Франции в проектах, инициированных до 2022 г. и после, то особой активизации здесь не произошло: Германия до 2022 г. была задействована в семи проектах, а после подключилась еще к шести; Франция фигурировала в шести и присоединилась еще к одному. Вместе оба государства участвуют лишь в Многонациональной инициативе по складированию боеприпасов (*MAWI*), близкой *EDIRPA* и *ASAP*. Она была запущена летом 2021 г. в целях упрощения логистики и снижения издержек для усиленного передового присутствия НАТО (*Enhanced Force Presence, eFP*) на восточном фланге. Франция присоединилась к этой инициативе не позднее февраля 2022 г., Германия – в июне 2023 г. В марте 2022 г. первое хранилище боеприпасов появилось в Эстонии. В свете постоянной ротации союзных групп хранение боеприпасов в одних и тех же местах продлевает их жизненный цикл и снижает издержки на транспортировку²⁹.

Наряду с *MAWI* Германия участвует еще в пяти новых проектах: первый – инфраструктура для учений авиаторов (*NFTE*); далее три проекта, запущенные в рамках «военной мобильности» в 2023 г. – создание инфраструктуры мостов военного назначения (*Gap Crossing*), препятствий для движения войск противника (*Counter-Mobility*) и военно-инженерных транспортных средств (*Military Engineering Vehicles and Systems*); и, наконец, создание сети объектов для организации радиационной, химической и биологической защиты (*CBRN-DF*). Таким образом, о реальной активизации Германии и Франции на практическом уровне проектов *HMV* НАТО можно говорить лишь условно.

При этом с 2022 г. более заметным стало участие Германии и Франции в развертывании *eFP* в Восточной Европе. Первый этап развертывания на ротационной основе начался в 2017 г. Из четырех батальонных тактических групп (БТГ), созданных в Польше, Литве, Латвии и Эстонии, Германия

²⁸ Рассчитано авторами по данным: NATO (2024) Multinational capability cooperation. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_163289.htm (accessed 16 October 2024).

²⁹ NATO (2022) More Allies join NATO's Multinational Ammunition Warehousing Initiative Available at: https://www.nato.int/cps/fr/natohq/news_209075.htm?selectedLocale=en (accessed 16 October 2024).

возглавила литовскую, разместив в стране на ротационной основе 1500 человек под руководством германского штаба. Амбиции Франции оказались скромнее: она ограничилась отправкой 300 военных в эстонскую БТГ под руководством Великобритании.

Второй этап наступил в 2022 г., когда НАТО создала еще четыре БТГ – в Словакии, Венгрии, Румынии и Болгарии. В 2023 г. Германия согласилась с предложением Литвы к 2027 г. разместить на территории последней германскую бригаду численностью 5 тыс. человек – уже на постоянной основе (Трунов, 2024). В дополнение она перебросила небольшой контингент в Словакию в составе БТГ под руководством Испании. Аналогичным образом поступила Франция, которая усилила свои войска в Эстонии за счет сотни десантников и тяжелой техники, а также возглавила новую БТГ в Румынии, направив туда около 1000 человек. Кроме того, германская и французская авиация, а также силы ПВО задействованы в патрулировании восточных границ НАТО – от Эстонии до Румынии. ВМС и авиация Пятой республики также участвуют в наблюдении за Средиземноморьем и Черноморским регионом³⁰.

Анализ вовлеченности двух государств в программы ЕС и НАТО с 2022 г. продемонстрировал, что на практическом уровне, как и на концептуальном, их подходы далеко не идентичны. С одной стороны, правящие элиты Франции и Германии не ставят под сомнение единство союзников в обеих организациях, выдвигая инициативы и совместно участвуя в них. С другой стороны, налицо заметные различия в их отношении к программам под эгидой ЕС и НАТО. Так, Французская республика принимает деятельное участие в продвижении военных проектов в Европейском союзе, стремясь принести как финансовую выгоду для своего ВПК, так и пользу для «Европы-державы». При этом она существенно уступает Германии по степени активности в инициативах Североатлантического альянса – будь то *HVP* или размещение *eFP* в Восточной Европе. В свою очередь ФРГ делает упор на проверенные временем структуры НАТО, а также двусторонние инициативы (например, в плане помощи Украине). Сдержанное отношение Германии к некоторым проектам в рамках ЕС объясняется сомнением в их результативности, нежеланием передавать дополнительные полномочия Еврокомиссии и беспокойством о том, отражают ли эти программы интересы германских производителей и правительства. Неофициально немецкие политики высказывали критику в адрес Т. Бретона, подозревая его в том, что он работает на интересы ВПК Франции (Puglierin, 2024).

Военно-промышленный аспект: закупки вооружений и военной техники

Разница в подходах Франции и Германии к вопросу европейской безопасности заметна и на уровне военно-промышленной кооперации, а именно в практиках закупок ВиВТ у США. Здесь, во-первых, следует отметить

³⁰ *Ministère des Armées* (n.d.) Renforcement du flanc Est de l'OTAN. Available at: <https://www.defense.gouv.fr/operations/operations/otan/renforcement-du-flanc-est-lotan> (accessed 16 October 2024).

высокую степень зависимости государств – членов ЕС от поставок американской военной продукции: по данным СИПРИ, 55% европейского импорта вооружений за 2019–2023 гг. приходилось на США (на 20% больше, чем за период 2014–2018 гг.). Во-вторых, среди стран ЕС этот показатель существенно разнится: для Германии и Франции он составляет 63% и 20% соответственно³¹. Это объясняется тем, что если Западная Германия после 1945 г. по историческим причинам была встроена в американские промышленные цепочки, то Франция в 1950–1960-х гг. создавала и развивала свой ВПК, позволяющий ей обеспечивать себя по большинству номенклатуры ВиВТ.

Эскалация украинского кризиса лишь усилила сложившуюся тенденцию. В Германии *Zeitenwende* ознаменовалось большими инвестициями в модернизацию бундесвера и, соответственно, закупками новых ВиВТ. Наиболее крупными стали контракты с американскими производителями на поставки 60 тяжелых вертолетов *Boeing CH-47 Chinook* и 35 истребителей *F-35*. При этом если покупка первых была безальтернативным решением, то приобретение дорогих военных самолетов спровоцировало острое недовольство Франции. Дело в том, что ранее Германия планировала заменить устаревшие европейские *Tornado* – потенциальные носители американских ядерных бомб *B-61* – на американские *F-18* (30 истребителей-бомбардировщиков *F/A-18E/F SuperHornet* и 15 самолетов радиоэлектронной борьбы *EA-18 Growler*) и к тому же приобрести обновленные европейские истребители *Eurofighter* (Тимофеев & Хорольская, 2020). Решение вместо этого импортировать *F-35* вызвало критику Европарламента и Франции как усиливающее зависимость ЕС от ВПК третьих стран и подрывающее перспективы франко-германского истребителя *FCAS*. Высокая стоимость вкупе с необходимостью модернизировать инфраструктуру авиабазы Бухель под новые самолеты действительно ставят под вопрос заинтересованность Германии в этом проекте. Последняя в свою очередь выражает недовольство процессом разработки *FCAS* и критикует французскую компанию *Dassault* за нежелание делиться чувствительными технологиями (Schütte, 2023).

Франция же не только обеспечивает свои сухопутные силы, авиацию и флот полным комплексом вооружений, но и занимает второе место в мире по объемам экспорта последних (по итогам 2019–2023 гг.). Но даже развитый ВПК не позволяет ей полностью закрыть все проблемные места в номенклатуре ВиВТ. Следствием этого становится кооперация с ФРГ в таких долгосрочных (с 2015–2017 гг.) проектах, как танк *MGCS* и истребитель *FCAS*. По этой же причине Франция закупает у США небольшую линейку ВиВТ

³¹ *Assemblée Nationale* (2024) Rapport d'information №2625 sur l'industrie de défense, pourvoyeuse d'autonomie stratégique en Europe? Available at: https://www.assemblee-nationale.fr/dyn/16/rapports/cion_def/116b2625_rapport-information.pdf (accessed 16 October 2024). P. 43.

в чувствительных областях. Ежегодно французские оружейные компании направляют в США около 1000 запросов на получение лицензии ITAR, то есть партий или контрактов³².

Судя по открытым данным о закупках или заявках Парижа, можно выделить три таких сферы. Первая – авиация, о чем говорят закупки двух военно-транспортных самолетов *C-130J Super Hercules* (2017–2018 г.), трех самолетов дальнего радиолокационного обнаружения *E2-D Hawkeye* (2021 г.), 12 беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) *MQ-9 Reaper* (2021 г.), а также заказы на 82 новых БПЛА *Switchblade* и 8000 ракет *Hellfire-2* для вертолета *Tiger* и авиабомб *JAGM* (2023 г.). Вторая – артиллерия: на вооружении Франции находятся девять совместно произведенных с США в 1980–1990-х гг. реактивных систем залпового огня (РСЗО) *M-270 LRU*, и в связи с их устареванием обсуждается либо закупка РСЗО *M-142 HIMARS*, либо создание собственного аналога. Третья – спутниковая радиосвязь *GPS Navstar*, по которой ориентируются французские ракеты *SCALP* и *AASM*³³. Вся эта номенклатура менее дорогостояща по сравнению с приобретениями Германии, поэтому не получила столь широкого медийного освещения. При этом искренность возмущения французских политических кругов закупками ФРГ может поставить под сомнение как минимум тот факт, что сами французы в 2023 г., выбирая между американскими БПЛА *Switchblade* и польскими *Warmate*, остановились на первых. И тем самым проигнорировали императив европейского единства³⁴.

О том, что противоречия между Францией и Германией по закупкам ВиВТ у США сохраняются даже после 2022 г., свидетельствует и другой пример. Осенью 2022 г. ФРГ анонсировала программу создания системы ПВО и ПРО «Европейский небесный щит» (*European Sky Shield Initiative – ESSI*), участниками которой к настоящему времени являются 17 государств Европы. Германия видит в ней способ существенно укрепить противовоздушную и противоракетную оборону НАТО (*AMD*), хотя в проекте задействованы Австрия и Швейцария, не имеющие прямого отношения к организации. Основу программы должны составить системы зенитных ракетных комплексов (ЗРК) различной дальности. Если ранее говорилось о трех эшелонах обороны, то сейчас все чаще упоминаются четыре. Ближнюю и среднюю дистанции планируется прикрыть германскими системами: на ближней дистанции использовать ЗРК *Ozelot*, позже заменив их новыми ЗРК малой дальности с функциями ПВО (над заявкой на контракт работает группа германских компаний *Rheinmetall*

³² Meddah H. (2023) Exporter des armes sans dépendre des technos américaines. *L'Usine Nouvelle*, 1 April. Available at: <https://www.usinenouvelle.com/article/exporter-des-armes-sans-dependre-des-technos-americaines>. N2105611 (accessed 16 October 2024).

³³ Dick J.-M. (2013) Le GPS Navstar : norme militaire universelle ? *EGE*, 6 November. Available at: <https://www.ege.fr/infoguerre/2013/11/gps-navstar-norme-militaire-universelle> (accessed 16 October 2024).

³⁴ Passot E. (2024) La France va acheter des drones kamikazes aux États-Unis. *Le Figaro*, 2 May. Available at: <https://www.lefigaro.fr/actualite-france/la-france-va-acheter-des-drones-kamikazes-aux-etats-unis-20230502> (accessed 16 October 2024).

Electronic, Diehl Defence и Hensoldt Sensors)³⁵, на средней дистанции – ЗРК *IRIS-T SLM*. Для перехвата ракет на дальней и сверхдальней дистанциях планируется использовать уже американскую технику: на дальней – ЗРК *MIM-104 Patriot* (Wachs, 2023), на сверхдальней – американско-израильскую систему ПРО *Arrow-3*. Причем ФРГ закупила *Arrow-3* на бюджетные средства (3,6 млрд евро), рассматривая комплекс как часть национальной обороны, и одновременно вписывает его в программу *ESSI*³⁶.

Франция заняла более чем сдержанную позицию в этом вопросе. Ее возражения объясняются двумя причинами: промышленной и доктринальной. Первая состоит в том, что контракты на наиболее дорогостоящую часть продукции получают предприятия США и Израиля, а остальные достанутся немецким компаниям. Франция же лоббирует идею закупки франко-итальянских комплексов *SAMP/T* вместо американских ЗРК и не одобряет приобретение государствами – членами ЕС продукции ее конкурентов. Наряду с интересами национального ВПК для нее важна и логика «Европы-державы», требующая развивать производство государств – членов ЕС, а не закупать ВПК извне.

Вторая причина заключается в том, что Франция – единственная ядерная держава в ЕС – в последнее время активно заявляет о готовности «прикрыть» своим ядерным зонтиком небо над Европейским союзом. В этом плане создание немецко-американской системы ПВО вступает в противоречие с французскими ядерными гарантиями, смысл которых не в том, чтобы сбить ракету противника, а в том, чтобы предотвратить ее запуск, используя ядерное оружие как средство устрашения. Впрочем, в 2024 г. Э. Макрон смягчил риторику, заявляя о готовности «начать дискуссию» о возможности совмещения систем ПРО и ядерных гарантий в Европе³⁷, но как «примирить» между собой обе концепции – пока сказать трудно.

В этом плане интерес вызывает новейшая инициатива ЕС – проект *ELSA* (*European Long-range Strike Approach*) по совместному созданию и закупке ракет большой дальности (свыше 1000 км). С подачи Э. Макрона Франция, Германия и Польша 24 июня 2024 г. подписали письмо о соответствующих намерениях в рамках «Веймарского треугольника», 11 июля к проекту присоединилась Италия³⁸. В качестве предполагаемого основного разработчика

³⁵ *Rheinmetall* (n.d.) Luftverteidigungssystem Nah- und Nächstbereichsschutz: Rheinmetall, Diehl und Hensoldt treten gemeinsam an. Available at: <https://www.rheinmetall.com/de/microsites/nnbs> (accessed 16 October 2024).

³⁶ *Bundesministerium der Verteidigung* (2023) Bundeswehr beschafft Arrow-3-Luftverteidigungssystem. Available at: <https://www.bmvg.de/de/aktuelles/bundeswehr-beschafft-arrow-3-luftverteidigungssystem-5709582> (accessed 16 October 2024).

³⁷ Brochet F., Mauret N. and Mitoyen J. (2024) Emmanuel Macron face aux jeunes Européens : « Il y a une hypocrisie démocratique du RN ». *DNA*, 27 April. URL: <https://www.dna.fr/elections/2024/04/27/emmanuel-macron-face-aux-jeunes-europeens-il-y-a-une-hypocrisie-democratique-du-rn> (accessed 16 October 2024).

³⁸ *Ministère des Armées* (2024) Capacités de frappe à longue portée : la France s'associe à trois partenaires de l'Alliance. URL: <https://www.defense.gouv.fr/actualites/capacites-frappe-longue-portee-france-sassocie-trois-partenaires-lalliance> (accessed 16 October 2024).

называют компанию *MBDA*. Не исключено, что проект *ELSA* призван дополнить идею «Небесного щита», что выглядит как попытка найти очередной компромисс между Францией и Германией в обеспечении европейской безопасности.

Анализ двух сюжетов ярко продемонстрировал сохраняющуюся связь между степенью (не)зависимости Франции и Германии от американского ВПК и политическими позициями, занимаемыми двумя государствами в последние годы. Так, для политической элиты ФРГ не характерно стремление к развитию сугубо европейской промышленности в ущерб трансатлантическим связям. События 2022 г. не изменили, а, напротив, скорее усилили этот тренд: по некоторым данным, немецкие политики анонимно подтверждали, что во время принятия решения о закупках не обращали должного внимания на развитие оборонной технологической и промышленной базы ЕС (Schütte, 2023). Это связано с рядом факторов. Во-первых, в условиях некоторой паники в 2022 г. истеблишмент решил, что надежнее вкладываться в уже готовые американские вооружения, чем в находящиеся в процессе разработки европейские проекты. Во-вторых, ни в одном из стратегических документов ФРГ не гарантируется стабильный рост расходов на оборону до 2% ВВП. Специальный фонд бундесвера рассчитан пока на пять лет. В условиях длительного недофинансирования и отсутствия гарантий стабильных вливаний ситуативные закупки выглядят предпочтительнее, чем долгосрочные проекты. В-третьих, как отмечалось ранее, германский ВПК намного сильнее, чем французский, связан с американским. ФРГ участвует в цепочке производства *Patriot*, так как расположенное на ее территории *COMLOG* – совместное предприятие германской *MBDA Deutschland* и американской *Raytheon* – обслуживает, ремонтирует и модернизирует ракеты семейства *PATRIOT PAC-2*, используемые в Европе³⁹; кроме того, в настоящее время она налаживает производство ракет *GEM-T* для европейских партнеров. Германские концерны стремятся укрепить эти связи: сообщается, что *Rheinmetall* будет производить часть фюзеляжа *F-35* в самой Германии (Maulny, 2023).

На этом фоне Франция гораздо свободнее чувствует себя в вопросах обеспечения собственной безопасности. Вместе с тем ее попытки создать на основе национального ВПК общеевропейскую сеть партнерств в производстве ВВТ – с Германией и с другими союзниками, – наталкиваются на встроенность их оборонных индустрий в промышленные цепочки США. Французские производители с трудом выдерживают конкуренцию с американскими. Попытки получить поддержку у ключевого союзника – Германии, – как видно на примерах с *MGCS* и *FCAS*, не дают зримого результата, что побуждает Париж не столько рассчитывать на ЕС и НАТО, сколько опираться

³⁹ *WSD* (2022) Raytheon and MBDA to Jointly Build PATRIOT Missiles in Germany. 1 December. Available at: <https://euro-sd.com/2022/12/articles/28560/raytheon-and-mbda-to-jointly-build-patriot-missiles-in-germany/> (accessed 16 October 2024).

на собственные разработки (Bellais & Nicolas, 2023) или раздумывать о поиске новых партнеров в Европе (имея в виду, например, Швецию и Польшу)⁴⁰. Попытки Германии обеспечить безопасность стран ЕС / НАТО системой ПВО на базе германских, американских и израильских ЗРК прямо противоречат амбициям Франции, претендующей на роль главного гаранта безопасности Европейского союза. Таким образом, несмотря на сплоченность в контексте украинского конфликта, подходы изучаемых государств к выстраиванию системы европейской безопасности существенно различаются, что препятствует углублению военной интеграции ЕС.

Выводы

Сравнение подходов Германии и Франции к роли ЕС и НАТО в обеспечении европейской безопасности на трех уровнях (концептуальном, программно-инициативном и военно-промышленном) позволяет сделать несколько выводов. Во-первых, в случае изучаемых государств такие переменные, как политические позиции, уровень поддержки европейских и трансатлантических программ, а также доля США в импорте вооружений и степень вовлеченности в совместные оборонные проекты ЕС коррелируют между собой. Хотя эта максима может показаться очевидной, выявленная связь подтверждается конкретными фактами 2022–2024 гг. и может быть положена в основу надежного инструментария для анализа различных нарративов, предвыборных заявлений и дебатов политиков о перспективах участия Германии и Франции в инициативах ЕС и НАТО.

Во-вторых, в 2022–2024 гг. евроатлантизм двух государств и их связь с американским ВПК остается важным фактором сплоченности в рамках западного сообщества; разговоры о «смерти мозга» НАТО остались в прошлом. Эскалация украинского кризиса стимулировала углубление военной интеграции в ЕС (ЕФМ, *EDIRPA*, *ASAP*) и появление новых (хотя и не столь многочисленных) инициатив в рамках НАТО (*HVP*, *eFP*). В свою очередь, Германия и Франция стремятся развивать с партнерами собственные коалиционные проекты (*ESSI*, *ELSA*). При этом, хотя в их приоритетах имеется несовпадение, несколько тормозящее качественное развитие каких-либо из обозначенных направлений, они не препятствуют инициативам друг друга.

Далее, сравнив подходы двух государств на трех уровнях, можно констатировать, что их позиции, обусловленные историческими предпосылками и разницей в военно-технических потенциалах, по-прежнему не совпадают. Французское видение основывается на амбициозной цели – превратить ЕС в полюс силы, связанный с НАТО, но обладающий «стратегической автономией» и собственными гарантиями безопасности в виде французского

⁴⁰ *Assemblée Nationale* (2024) Rapport d'information №2625 sur l'industrie de défense, pourvoyeuse d'autonomie stratégique en Europe? Available at: https://www.assemblee-nationale.fr/dyn/16/rapports/cion_def/116b2625_rapport-information.pdf (accessed 16 October 2024). P. 10.

«ядерного зонтика». Поскольку материальные ресурсы Франции ограничены, для реализации этой цели ей необходима поддержка европейских союзников, в особенности Германии. Последняя же выступает за более сдержанный подход, призванный совместить два приоритета – укрепить национальную и европейскую безопасность и по возможности не допустить утяжеления финансового бремени. С этой точки зрения оптимальной ФРГ считает опору на существующие, проверенные временем гарантии США в рамках НАТО. И хотя французская позиция выглядит более амбициозной, по сравнению с заявлениями Германии, неопределенность категории «стратегическая автономия» и путей ее достижения, а также неясность экономических издержек этого подхода делают курс ФРГ более привлекательным среди государств – членов ЕС.

Кроме того, выявленное различие в подходах двух лидеров евроинтеграции стимулирует дальнейшую дискуссию о соотношении ролей ЕС и НАТО в будущей архитектуре европейской безопасности. В условиях ограниченности средств развивать два направления параллельно едва ли представляется возможным. Пока «стратегическая автономия» Европейского союза остается лишь концепцией, Североатлантический альянс будет по-прежнему выступать безальтернативной площадкой, спланивающей США и союзников, поэтому практическая реализация инициатив в духе «армии европейцев» весьма маловероятна.

Таким образом, с одной стороны, кризисный период действительно более рельефно обозначил разницу в подходах двух государств к вопросам безопасности, несовпадение их концептуальных приоритетов и практических инициатив, что затруднило поиск компромиссов. С другой стороны, несмотря на трения в работе франко-германского тандема, оба государства продолжают опираться на одни и те же структуры – военно-политическую (НАТО) и экономико-политическую (ЕС), что позволит им в случае сложных ситуаций, используя имеющееся пространство для маневра, сглаживать противоречия и инициировать решения проблем с участием других союзников.

Список литературы

1. Алешин А.А. (2022) Оборонные проекты PESCO и НАТО: координация или конкуренция? *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН* (4): 35–45. DOI: 10.20542/afj-2022-4-35-45.
2. Арбатова Н.К. (2021) О стратегической автономии Европейского союза. В: *Ежегодник СИПРИ 2020: вооружения, разоружение и международная безопасность*. М.: ИМЭМО: 795–808. DOI: 10.20542/978-5-9535-0594-9.
3. Арбатова Н.К. (2024) Отношения Евросоюза с США и НАТО: дилеммы евроатлантизма. *Политическое исследование* (4): 105–118. DOI: 10.17976/jpps/2024.04.08.
4. Арбатова Н.К., Андреева Т.Н., Басов Ф.А. et al. (2020) *Стратегическая автономия ЕС и перспективы сотрудничества с Россией*. Под ред. Н.В. Павлова, С.К. Ознобищева. М.: Весь мир, 368 с.
5. Войтоловский Ф.Г. (2007) *Единство и разобщенность Запада: идеологическое отражение в сознании элит США и Западной Европы трансформаций политического миропорядка, 1940 – 2000-е гг.* М.: Крафт+, 454 с.

6. Гантман В.И., Волкова Е.Д., Барановский В.Г. et al. (1984) *Система, структура и процесс развития современных международных отношений* Отв. ред. В.И. Гантман. М.: Наука, 419 с.
7. Истомин И.А., Соколов А.П. (2021) Американский контингент в ФРГ: символ безопасности, гарант лояльности, предмет роскоши? *Мировая экономика и международные отношения* 65(3): 60–72. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-3-60-72.
8. Рубинский Ю.И., Синдеев А.А. (2022) Франко-германский тандем: настройка на будущее. *Аналитические записки Института Европы РАН* (4): 52–58. DOI: 10.15211/analytics42920225258.
9. Рубинский Ю.И., Синдеев А.А. (2023) *Эволюция франко-германского тандема*. Доклады Института Европы РАН. М.: ИЕ РАН, 92 с. DOI: 10.15211/report52023_402.
10. Сидоров А.С. (2023) *Военно-политическое измерение европейской интеграции: Позиция Франции (от де Голля до наших дней)*. М.: ИНИОН РАН, 296 с.
11. Соколов А.П. (2023) Quo vadis, Germania? ФРГ после февраля 2022 года. *Россия в глобальной политике* 21(4): 135–149. DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-4-135-149.
12. Тимофеев П.П., Хорольская М.В. (2020) Проектный потенциал франко-германского оборонного сотрудничества. *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН* (4): 62–75. DOI: 10.20542/afj-2020-4-62-75.
13. Трунов Ф.О. (2024) Особенности сотрудничества Германии и Литвы в конце 2010-х – начале 2020-х годов: военные и политические аспекты. *Балтийский регион* 16(1): 61–80. DOI: 10.5922/2079-8555-2024-1-4.
14. Чихачев А.Ю., Гуляев Е.В. (2022) Стратегии Франции и Германии в Индо-Тихоокеанском регионе. *Мировая экономика и международные отношения* 66(5): 59–67. DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-5-59-67.
15. Airiau B., Delagenière B. (2022) À la recherche de l'autonomie perdue: l'Europe et les réalités de la relation transatlantique. *Revue Défense Nationale* (HS2): 80–87. DOI: 10.3917/rdna.hs08.0080.
16. Bellais R., Nicolas A. (2023) *La politique de défense après le « changement d'époque » : l'approche de la France*. Fondation Jean-Jaurès. Available at: <https://www.jean-jaures.org/publication/la-politique-de-defense-apres-le-changement-depoque-lapproche-de-la-france> (accessed 16 October 2024).
17. Gros-Verheyde N. (2024) *L'Europe de la Défense à l'heure de la guerre en Ukraine*. Charleroi: Éditions du Villard, 492 p.
18. Lefebvre M. (2024) *L'heure de la défense européenne peut-elle sonner?* Schuman Paper N° 743. Fondation Robert Schuman. Available at: <https://www.robert-schuman.eu/questions-d-europe/743-l-heure-de-la-defense-europeenne-peut-elle-sonner> (accessed 16 October 2024).
19. Maulny J.-P. (2023) *The impact of the war in Ukraine on the European defence market*. IRIS. Available at: https://www.iris-france.org/wp-content/uploads/2023/09/19_ProgEuropeIndusDef_JPMaulny.pdf (accessed 16 October 2024).
20. Puglierin J. (2024) *Germany's perception of the EU defence industrial "toolbox."* ARES Group. Available at: <https://www.iris-france.org/wp-content/uploads/2024/01/ARES-91-Comment.pdf> (accessed 16 October 2024).
21. Schütte L. (2023) *What future European defense and technological industrial base do we want/need? The German case*. ARES Group. Available at: <https://www.iris-france.org/wp-content/uploads/2023/10/ARES-85-Comment.pdf> (accessed 16 October 2024).
22. Wachs L. (2023) *Russlands Raketen und die European Sky Shield Initiative: die deutschen Pläne zur Luftverteidigung im Kontext der Bedrohungslage*. SWP-Aktuell 40. SWP. DOI: 10.18449/2023A40.

23. Wolff G.B., Burilov A., Bushnell K., Kharitonov I. (2024) *Kriegstüchtig in Jahrzehnten: Europas und Deutschlands langsame Aufrüstung gegenüber Russland*. Kiel Report 1. Kiel Institute für Weltwirtschaft. Available at: https://www.ifw-kiel.de/fileadmin/Dateiverwaltung/IfW-Publications/fis-import/1bcebf8c-84e8-4f3d-a7d3-1793b3ba9850-Kiel_Report_Nr_1.pdf (accessed 16 October 2024).

Comparative Politics. Volume 15. No. 4. October–December / 2024
DOI 10.46272/2221-3279-2024-4-15-8

EUROPEAN SECURITY DILEMMAS: A COMPARISON OF GERMANY AND FRANCE'S APPROACHES TO THE RELATIONSHIP OF THE EU AND NATO ROLES IN EUROPE AFTER 2022

Dr. Pavel P. TIMOFEEV – Head, Section for Regional Issues and Conflicts, Department for European Political Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO RAS).

ORCID: 0000-0002-0512-7436. E-mail: p.timofeyev@gmail.com
23 Profsoyuznaya Str., Moscow, Russia, 117997.

Dr. Maria V. KHOROLSKAYA – Research Fellow, Section for Political Aspects of European Integration, Department for European Political Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO RAS).

ORCID: 0000-0002-1885-7729. E-mail: khorolskaja.marya@yandex.ru
23 Profsoyuznaya Str., Moscow, Russia, 117997.

Received August 26, 2024

Accepted October 6, 2024

Abstract: In 2016–2017, it was the Franco–German tandem which nurtured European security integration. The leaders of both states have been used to reaching a compromise despite different approaches to Atlanticism and Europeanism balance. However, the Ukrainian conflict escalation has changed the defense policies pursued by France and Germany. This paper argues, that during the last two years the differences between the two states concerning security issues have widened. With Germany even more relying on NATO as the most important security guarantor for Europe, France tends to simultaneously argue for a stronger, more independent European defense. Amid limited resources, it became more difficult for both parties to compromise. The article compares shifts in German and French policies on three levels, that are conceptual (the role of NATO and the EU in strategic papers and addresses of the French and German leaders), program–initiative (involvement in NATO and the EU security initiatives over the past two years), and military–industrial (joint projects and procurements). The research reveals that since the Ukrainian crisis escalation France and Germany have tended to rely on NATO as the main security guarantor, still the former is strongly committed to effectively strengthening European security. Germany and France differ in terms of their involvement in NATO and the EU security initiatives as well as procurements. Having its own nuclear weapons and military–industrial complex, the latter is less committed to NATO, yet highly supports European defense projects, seeking economic and political benefits.

Germany prioritizes proven NATO structures, bilateral initiatives, as well as transatlantic defense procurements. The paper reveals a correlation between the policies of Germany and France and their dependence on the US military-industrial complex.

Keywords: France, Germany, Franco-German tandem, Ukrainian conflict, European strategic autonomy, NATO, military-industrial complex, arms procurement, European Sky Shield Initiative

References:

1. Airiau B., Delagenière B. (2022) À la recherche de l'autonomie perdue: l'Europe et les réalités de la relation transatlantique. *Revue Défense Nationale* (HS2): 80–87. DOI: 10.3917/rdna.hs08.0080.
2. Aleshin A.A. (2022) Oboronnye proekty PESCO i NATO: koordinatsiia ili konkurentsii? [PESCO and NATO Defence Projects: Coordination or Competition]. *Analiz i prognoz. Zhurnal IMEMO RAN [Analysis and Forecasting. IMEMO Journal]* (4): 35–45. DOI: 10.20542/afij-2022-4-35-45. (In Russian).
3. Arbatova N.K. (2021) O strategicheskoi avtonomii Evropeiskogo soiuza [On the EU Strategic Autonomy]. In: *Ezhegodnik SIPRI 2020: vooruzheniia, razoruzhenie i mezhdunarodnaia bezopasnost' [SIPRI Yearbook 2021 Armaments, Disarmament and International Security]*. Moscow: IMEMO. P. 795–808. DOI: 10.20542/9785953506113. (In Russian).
4. Arbatova N.K. (2024) Otnosheniia Evrosoiuza s SSHa i NATO: dilemmy evroatlantizma [Relations of the European Union with the United States and NATO: dilemmas of euro-atlanticism]. *Polis. Politicheskie issledovaniia [Polis. Political Studies]* (4): 105–118. DOI 10.17976/jpps/2024.04.08. (In Russian).
5. Arbatova N.K., Andreeva T.N., Basov F.A. et al. *Strategicheskaiia avtonomiia ES i perspektivy sotrudnichestva s Rossiei [Strategic Autonomy of the EU and Prospects for Cooperation with Russia]*. (2020) Moscow: Ves' mir, 368 p. (In Russian).
6. Bellais R., Nicolas A. (2023) *La politique de défense après le « changement d'époque » : l'approche de la France*. Fondation Jean-Jaurès. Available at: <https://www.jean-jaurès.org/publication/la-politique-de-defense-apres-le-changement-depoque-lapproche-de-la-france> (accessed 16 October 2024).
7. Chikhachev A.Iu., Guliaev E.V. (2022) Strategii Frantsii i Germanii v Indo-Tikhookeanskom regione [French and German Strategies in the Indo-Pacific]. *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia [World Economy and International Relations]* 66(5): 59–67. (In Russian).
8. Gantman V.I., Volkova E.D., Baranovskij V.G. et al. (1984) *Sistema, struktura i protsess razvitiia sovremennykh mezhdunarodnykh otnoshenii [System, Structure and Process of Development of Modern International Relations]*. Moscow: Nauka, 419 p. (In Russian).
9. Gros-Verheyde N. (2024) *L'Europe de la Défense à l'heure de la guerre en Ukraine*. Charleroi: Éditions du Villard, 492 p.
10. Istomin I., Sokolov A. (2021) Amerikanskii kontingent v FRG: simvol bezopasnosti, garant loial'nosti, predmet roskoshi? [American Forces in Germany: Security Symbol, Loyalty Warrant or Excessive Luxury?] *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia [World Economy and International Relations]* 65(3): 60–72. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-3-60-72. (In Russian).
11. Lefebvre M. (2024) *L'heure de la défense européenne peut-elle sonner?* Schuman Paper N° 743. Fondation Robert Schuman. Available at: <https://www.robert-schuman.eu/questions-d-europe/743-l-heure-de-la-defense-europeenne-peut-elle-sonner> (accessed 16 October 2024).
12. Maulny J.-P. (2023) *The impact of the war in Ukraine on the European defence market*. IRIS. Available at: https://www.iris-france.org/wp-content/uploads/2023/09/19_ProgEuropeIndusDef_JPMaulny.pdf (accessed 16 October 2024).

13. Puglierin J. (2024) *Germany's perception of the EU defence industrial "toolbox."* ARES Group. Available at: <https://www.iris-france.org/wp-content/uploads/2024/01/ARES-91-Comment.pdf> (accessed 16 October 2024).
14. Rubinskii Iu.I., Sindedev A.A. (2022) Franko-germanskii tandem: nastroiika na budushchee [Franco-German Tandem: Setting up for the Future]. *Analiticheskie zapiski Instituta Evropy RAN [Analytical papers of the Institute of Europe RAS]* (4): 52–58. DOI: 10.15211/analytics42920225258. (In Russian).
15. Rubinskii Iu.I., Sindedev A.A. (2023) *Evolutsiia franko-germanskogo tandema [Evolution of the Franco-German tandem]*. Doklady Instituta Evropy [Reports of the Institute of Europe]. Moscow: IE RAS, 92 p. DOI: 10.15211/report52023_402 (In Russian).
16. Schütte L. (2023) *What future European defense and technological industrial base do we want/need? The German case.* ARES Group. Available at: <https://www.iris-france.org/wp-content/uploads/2023/10/ARES-85-Comment.pdf> (accessed 16 October 2024).
17. Sidorov A.S. (2023) *Voenna-politicheskoe izmerenie evropeiskoi integratsii: Pozitsiia Frantsii (ot de Gollia do nashikh dnei) [Military-Political dimension of European Integration: France's position (from de Gaulle to nowadays)]*. Moscow: INION RAN, 296 p. (In Russian).
18. Sokolov A.P. (2023) Quo vadis, Germania? FRG posle fevralia 2022 goda [Quo vadis, Germania? Germany after the February 2022]. *Rossiiia v global'noi politike [Russia in Global Affairs]* (4): 135–149. DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-4-135-149. (In Russian).
19. Timofeev P.P., Khorol'skaia M.V. (2020) Proektnyi potentsial franko-germanskogo oboronogo sotrudnichestva [Project Potential of the Franco-German Defense Cooperation]. *Analiz i prognoz. Zhurnal IMEMO RAN [Analysis and Forecasting. IMEMO Journal]* 4: 62–75. DOI: 10.20542/afj-2020-4-62-75 (In Russian).
20. Trunov F.O. (2024) Osobennosti sotrudnichestva Germanii i Litvy v kontse 2010-kh – nachale 2020-kh godov: voennye i politicheskie aspekty [Military and political cooperation between Germany and Lithuania in the late 2010s to early 2020s]. *Baltiiskii region [Baltic region]* 16(1): 61–80. DOI: 10.5922/2079-8555-2024-1-4 (In Russian).
21. Voitovsky F.G. (2007) *Edinstvo i razobshchennost' Zapada. Ideologicheskoe otrazhenie v soznanii elit SShA i Zapadnoi Evropy transformatsii politicheskogo miroporiadka, 1940-e – 2000-e gg. [Unity and Disunity of the West. Ideological Reflection of Political World Order Transformations in Minds of the Elites of the United States and Western Europe, 1940s – 2000s]*. Moscow: Kraft+, 454 p. (In Russian).
22. Wachs L. (2023) *Russlands Raketen und die European Sky Shield Initiative: die deutschen Pläne zur Luftverteidigung im Kontext der Bedrohungslage.* SWP-Aktuell 40. SWP. DOI: 10.18449/2023A40.
23. Wolff G.B., Buril'kov A., Bushnell K., Kharitonov I. (2024) *Kriegstüchtig in Jahrzehnten: Europas und Deutschlands langsame Aufrüstung gegenüber Russland.* Kiel Report 1. Kiel Institute für Weltwirtschaft. Available at: https://www.ifw-kiel.de/fileadmin/Dateiverwaltung/IfW-Publications/fis-import/1bceb8c-84e8-4f3d-a7d3-1793b3ba9850-Kiel_Report_Nr_1.pdf (accessed 16 October 2024).

ЗАЩИТА ОТ ИНОСТРАННОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА: ДВУХУРОВНЕВАЯ ЛОГИКА ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ БРИТАНИИ

Кира ГОДОВАНЮК
Институт Европы РАН

Аннотация: В статье исследуются особенности стратегического подхода Соединенного Королевства к политике в отношении России и Китая через призму восприятия британским истеблишментом угроз национальной безопасности. Отталкиваясь от теоретической рамки «смешанного реализма» (англ. *"intermestic realism"*), автор анализирует влияние внутриполитического дискурса на постановку стратегических задач во внешней политике и наоборот. Запрос на защиту демократических процессов, вызванный представлениями об угрозах со стороны авторитарных режимов, а также акцент на противодействии государственным акторам обусловили появление новых нарративов в Великобритании. Эти нарративы воздействуют на лиц, принимающих решения в сфере внешней политики, и сохраняют потенциал влиять на стратегическую культуру вне зависимости от партийной принадлежности британского Кабинета. В российско-британских и британо-китайских отношениях проявляются две тенденции, связанные с обвинениями в злонамеренных вмешательствах, кампаниях по дезинформации и попытках иностранного влияния не только на электоральные и демократические процессы, но и общественное мнение, и, следовательно, на магистральный внутриполитический дискурс. В ответ на эти вызовы формируются новые правоприменительные практики, которые, с одной стороны, предоставляют возможности для маневра в политическом планировании, а с другой – ограничивают политику на российском и китайском направлениях заявлениями об угрозах, создавая долгосрочные тренды на жесткую линию в отношении Москвы и все менее гибкий подход в отношении Пекина.

Ключевые слова: Соединенное Королевство, внешняя политика, защита демократии, авторитарные режимы, злонамеренное влияние, вмешательства, национальная безопасность, Россия, Китай, Гонконг, кибератаки

Кира Анатольевна Годованюк – кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Центра британских исследований, Отдел страновых исследований, Институт Европы РАН.
ORCID: 0000-0002-5205-0021. E-mail: kira.godovanyuk@gmail.com
125009, Москва, ул. Моховая, д.11, стр. 3.

Поступила в редакцию: 02.09.2024

Принята к публикации: 26.09.2024

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарность. Статья подготовлена при поддержке гранта Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития №075-15-2024-551 «Глобальные и региональные центры силы в формирующемся мироустройстве».

Взаимозависимость внутренней и внешней политики государства – важный параметр большинства теоретических подходов к изучению международных отношений. На концептуальном уровне связь двух явлений, в том числе через глобализацию, впервые обосновали представители либеральной мысли (Rosenau, 1969). Позднее реалистская/неореалистская школы предложили концепцию «смешанного реализма» (англ. *"intermestic realism"*) (Manning, 1977), которая описывает конвергенцию внешней и внутренней политики. В таких исследованиях обычно акцентируется то, как внешнеполитические процессы отражаются во внутренней политике и общественном мнении, которое, в свою очередь, влияет на процесс принятия решений.

Сквозь призму реализма комплекс внутренней и внешней политики (англ. *"intermestic politics"*) можно также рассматривать в контексте обеспечения безопасности или борьбы за власть. Исследователь транснационализма Р. Патнэм (Putnam, 1988) описывал связь внутренней и внешней политики как двухуровневую игру, в которой правительство под влиянием внутренних групп давления стремится обеспечить безопасность внутри страны, одновременно пытаясь минимизировать негативные международные последствия. Исходя из этой логики, можно предположить двухуровневое влияние международной повестки на выработку внешнеполитических решений. Таким образом, политический истеблишмент под воздействием мировых трендов формирует представления об угрозах внутри страны и через специальные механизмы противодействия поощряет определенные установки, которые влияют на культуру внешнеполитического планирования, внутривнутриполитическую борьбу и международную повестку.

В последние годы в британском дискурсе, как и в стратегии коллективного Запада, превалирует тезис о разделении игроков мировой политики на демократические и авторитарные режимы¹ (Алешин, 2023). Продвижение прав человека, поддержка гражданского общества и реформ государственного аппарата в странах Содружества наций, постсоветского пространства, Африки и Юго-Восточной Азии остаются приоритетом для Лондона, что провоцирует обвинения во вмешательствах во внутренние дела этих государств. Постепенно дискурс о глобальной «рецессии демократии» (Matlosa, 2023) трансформировался в задачу Великобритании и союзников противодействовать вмешательству со стороны «авторитарных режимов»². Это нашло отражение в исследованиях, посвященных терминологическим спорам (Истомин, 2023; Fridman, 2024), в том числе в контексте межгосударственного противоборства (Сучков, 2024).

¹ См., например: *HM Government* (2023) Integrated Review Refresh 2023: Responding to a more contested and volatile world. Available at: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/1145586/11857435_NS_IR_Refresh_2023_Supply_AllPages_Revision_7_WEB_PDF.pdf (accessed 25 September 2024).

² *Foreign Policy Centre* (2022) The thin end of the wedge: The UK and escalating global authoritarianism, 18 August. Available at: <https://fpc.org.uk/the-thin-end-of-the-wedge-the-uk-and-escalating-global-authoritarianism/> (accessed 1 July 2024).

В Британии дискуссии относительно «рецессии демократии» развиваются по нескольким направлениям. С одной стороны, речь идет об эрозии демократических традиций³ (Baldini, 2015), а с другой – о необходимости адаптации к современным вызовам⁴, связанным с высоким риском вмешательства со стороны «злонамеренных акторов».

Оставляя за скобками академические споры о дефинициях «вмешательства» и «злонамеренного влияния», настоящая статья ставит своей целью анализ британских нарративов в 14-летний период нахождения у власти Консервативной партии (2010–2024 гг.). Внимание уделено мерам противодействия внутривластным угрозам со стороны так называемых авторитарных государств (на примере РФ и КНР), а также выявлению практик защиты политических и электоральных процессов от иностранного вмешательства. Кроме того, исследуется степень влияния указанных угроз на формирование внешнеполитической стратегии Лондона.

Россия: дискурс о «хронических» вмешательствах

Долгое время в Британии квалификация угроз со стороны иностранных государств ограничивалась шпионажем и попытками влиять на общественно-политические организации, в том числе британские партии или профсоюзные организации, особенно во время холодной войны. Меры противодействия этим угрозам регулировались редакциями закона «О государственной тайне» (англ. *"Official Secrets Act"*) 1911 г., 1920 г., 1939 г. и 1989 г. В 2000 г. был принят закон «О политических партиях, выборах и референдумах» (англ. *"Political Parties, Elections and Referendums Act"*), который ввел запрет на финансирование британских партий и избирательных кампаний из-за рубежа.

За последнее десятилетие в восприятии британских политических элит закрепились оценки России как угрозы национальной безопасности страны (Британия после брекзита, 2021: 145–162). Однако предпосылки для этого возникли еще в начале 2000-х гг., когда российско-британские отношения начали ухудшаться (Годованюк, 2022). Причинами этого стали не только противоположные взгляды на систему европейской безопасности, но и критика Лондоном российской внутривластной системы. На этом фоне усилились обвинения в адрес России в попытках оказывать влияние на британские политические партии через диаспоры и личные связи натурализованных подданных Соединенного Королевства с русскими корнями.

³ См. например, дебаты в Палате общин: *UK Parliament* (2024) Social Cohesion and Democratic Resilience: Khan Review. Vol. 749, debated on Tuesday 30 April. Available at: <https://hansard.parliament.uk/Commons/2024-04-30/debates/E4FD6B16-739F-4FBD-AA60-F78D0393C9E1/SocialCohesionAndDemocraticResilienceKhanReview> (accessed 22 September 2024).

⁴ James T.S. (2023) UK Democracy Under Strain: Democratic Backsliding and Strengthening 2019–2023. *Unlock Democracy*. Available at: https://static1.squarespace.com/static/5bd057c434c4e2d8eb0434e6/t/6492f224295cc1115f5bad6f/1687351856614/backsliding_report_digital_v1.pdf (accessed 1 July 2024).

Несмотря на то, что российские механизмы «мягкой силы», особенно ее культурно-гуманитарные аспекты, длительное время не воспринимались как угроза, с середины 2000-х гг. начали вызывать опасения неформальные связи между британскими политиками и гражданами РФ. Российская диаспора в Британии, численность которой составляет около 50 тыс. человек (по данным переписи населения 2021 г.⁵), относительно монолитна. Она преимущественно состоит из бизнесменов, студентов и политических эмигрантов с особой позицией по отношению к политическим процессам в России.

С начала 2010-х гг. Консервативная партия Великобритании неоднократно становилась объектом критики за связи с «прокремлевскими» олигархами. Например, британские СМИ обнародовали компрометирующую информацию о том, что в 2013 г. российские бизнесмены делали пожертвования на ежегодном благотворительном вечере Консервативной партии⁶. Регулярно появлялись сообщения о личных связях представителей российского бизнеса с членами Палаты общин, Палаты лордов, а также с партийной верхушкой тори. В 2014 г. широкую огласку получили мероприятия по сбору средств, в ходе которых российские бизнесмены вносили пожертвования в партийную кассу в обмен на возможность сыграть в теннис с премьер-министром Д. Кэмероном (2010–2016 гг.) и мэром Лондона Б. Джонсоном (2008–2016 гг.)⁷. Особый резонанс вызвало назначение в 2021 г. Е. Лебедева⁸, владельца изданий *The Independent* и *Evening Standard*, членом верхней неизбираемой палаты британского парламента⁹. Его близкая дружба с Б. Джонсоном стала поводом для критики в британских СМИ.

Примечательно, что с 2014 г. важным элементом электоральной стратегии Консервативной партии стала тематика «российской угрозы», которая использовалась преимущественно для нейтрализации политических оппонентов. Обвинения в адрес Москвы во «вмешательстве» в британскую политику стали мейнстримом в 2016 г., накануне референдума о членстве Великобритании в Европейском союзе. Например, приобрел популярность лозунг Д. Кэмерона о том, что «победа сторонников выхода из ЕС» будет соответствовать «только интересам В. Путина и лидера ИГИЛ*»¹⁰. Сенсационные

⁵ Statista (2024) Number of Russian nationals resident in the United Kingdom from 2008 to 2021. Available at: <https://www.statista.com/statistics/1252978/russian-population-in-united-kingdom/> (accessed 20 July 2024).

⁶ *The Guardian* (2014) Tory summer party drew super-rich supporters with total wealth of £11bn. 3 July. Available at: <https://www.theguardian.com/politics/2014/jul/01/-sp-tory-summer-party-drew-super-rich-supporters-with-total-wealth-of-11bn> (accessed 20 July 2014).

⁷ *The Guardian* (2014) Boris Johnson may pull out of tennis match with Russian ex-minister's wife. 23 July. Available at: <https://www.theguardian.com/politics/2014/jul/23/boris-johnson-tennis-match-russian-cherukhin> (accessed 23 November 2024).

⁸ Е. Лебедев стал пожизненным пэром с полным титулом «барон из Хэмптона в лондонском районе Ричмонд-на-Темзе и Сибири в Российской Федерации».

⁹ *House of Commons Library* (2022) Advice relating to the appointment of Lord Lebedev. Available at: <https://commonslibrary.parliament.uk/research-briefings/cdp-2022-0075/> (accessed 23 November 2024).

* Запрещенная в России террористическая организация.

¹⁰ *Independent* (2016) EU referendum: David Cameron says Isis and Vladimir Putin 'might be happy' with Brexit. 27 May. Available at: <https://www.independent.co.uk/news/uk/politics/eu-referendum-david-cameron-isis-putin-brex-it-a7033741.html> (accessed 23 November 2024).

результаты референдума инициировали вопрос о противодействии российскому влиянию, что в свою очередь способствовало дискуссиям о политической легитимности брексита.

Во-первых, спекуляции о том, что «российские хакеры повлияли на исход референдума», вписывались в нарратив западных стран о вмешательстве России в демократические процессы. Эти дискуссии активно развивались на фоне обвинений в адрес России во вмешательстве в выборы США в 2016 г., что способствовало закреплению образа РФ как угрозы западной демократии. Во-вторых, внутриполитические дебаты в Британии постепенно сместились с вопросов незаконного финансирования избирательных кампаний на обсуждение попыток влияния на британский политический процесс через социальные сети и кибератаки.

Несмотря на то, что правящая партия решительно отрицала любые обвинения в связях с пророссийскими донорами, манифест Консервативной партии 2019 г. содержал установку «предотвратить любое вмешательство в наши выборы»¹¹. С одной стороны, партия подчеркивала приверженность обеспечению прозрачности избирательного процесса, с другой – признавала уязвимость системы перед внешними воздействиями и подтверждала свои более ранние оценки России как угрозы. Дополнительным фактором, усиливающим антироссийский дискурс, стала агрессивная позиция части британского истеблишмента, категорически отвергавшей любые нейтральные или положительные высказывания в адрес Москвы. Негативное восприятие России в общественном сознании усилилось в 2018 г. после инцидента с отравлением Скрипалей в Солсбери.

С 2014 г. Великобритания согласовывала и активно лоббировала санкционную политику ЕС в отношении России, а с 2020 г., уже в рамках самостоятельного санкционного режима, ввела дополнительные меры. Эти ограничения преподносились как «ответ на нарушения прав человека в России, коррупцию, кибератаки и атаки с применением химического оружия». Всего по состоянию на сентябрь 2024 г. под британские санкции попали 1707 российских граждан и 334 предприятия¹².

Летом 2020 г. Комитет по разведке и безопасности опубликовал доклад «Россия», в котором Великобритания признана «ключевой целью российского вмешательства, исходя из ведущей роли Лондона на Западе». Попытки российского влияния на британские демократические процессы названы в докладе «новой нормальностью» с отсылкой к неудачным попыткам повлиять на референдум о независимости Шотландии в 2014 г. и референдум

¹¹ *Conservative Party* (2019) *Get Brexit Done: Unleash Britain's Potential*. Available at: https://assets-global.website-files.com/5da42e2cae7ebd3f8bde353c/5dda924905da587992a064ba_Conservative%202019%20Manifesto.pdf (accessed 16 July 2024).

¹² *UK Parliament* (2024) *Sanctions since 2014*. Available at: <https://commonslibrary.parliament.uk/research-briefings/cbp-9481/> (accessed 25 September 2024).

о членстве Британии в ЕС в 2016 г.¹³ В докладе британские депутаты также раскритиковали фрагментарность действующего законодательства и недостаточную проработанность институциональной базы, ограничивающие возможности правоохранительных органов противодействовать иностранному влиянию.

Жесткая внешнеполитическая линия Лондона в отношении Москвы получила доктринальное закрепление в Комплексном обзоре стратегии национальной безопасности, опубликованном в марте 2021 г. В этом документе Россия была охарактеризована как «самая острая угроза национальной и евроатлантической безопасности». Согласно докладу Национального центра кибербезопасности (англ. *National Cyber Security Centre*) за 2023 г., Россия «почти наверняка осуществляла попытки вмешиваться в выборы 2019 г.». Более того, Россия была признана «острой и хронической киберугрозой»¹⁴. Весной 2024 г. ряд британских депутатов призвал *M15* усилить меры безопасности в связи с высокой вероятностью вмешательства, в первую очередь со стороны России, в очередные парламентские выборы, состоявшиеся 4 июля того же года¹⁵

Дискурс о России как угрозе окончательно закрепился во внутренней политике Великобритании, отражая не только общий тренд восприятия Москвы как опасного и иррационального игрока, бросающего вызов «либеральной демократии», но и превращение этого образа в важный фактор внутренней политики. Утвердившиеся нарративы о злонамеренной активности лиц, связанных с российскими властями, способствовали формированию межпартийной культуры стратегического планирования. Ведущие политические силы Британии демонстрируют готовность как противостоять Москве на международной арене, так и минимизировать российское политическое влияние внутри страны (Годованюк, 2024). При этом дискурс об уязвимости британских демократических институтов выявляет два ключевых аспекта. С одной стороны, он стал признанием слабости и ограниченной способности властей контролировать безопасность внутривнутриполитических процессов. С другой – это проявление системного кризиса. Схожие последствия для британского политического процесса имеет нарратив о «китайской угрозе», однако внутривнутриполитические дискуссии развиваются иначе.

¹³ *Intelligence and Security Committee of Parliament* (2021) Russia. Available at: https://isc.independent.gov.uk/wp-content/uploads/2021/03/CCS207_CCS0221966010-001_Russia-Report-v02-Web_Accessible.pdf (accessed 16 July 2024).

¹⁴ *National Cyber Security Centre* (2023) Annual Review 2023: Making the UK the safest place to live and work online. Available at: https://www.ncsc.gov.uk/files/Annual_Review_2023.pdf (accessed 16 July 2024).

¹⁵ *Evening Standard* (2024) General Election 2024: China and Russia may try to interfere in UK poll – new alert calls for M15 action. Available at: <https://www.standard.co.uk/news/politics/general-election-britain-china-russia-interfere-mi5-police-mps-parliament-protect-b1159949.html> (accessed 25 July 2024).

Китай: дискурс о многоступенчатом влиянии

С 2019 г. под влиянием комплекса факторов, в том числе глобальной конкуренции США и КНР, британо-китайские отношения начали стремительно ухудшаться. Одним из знаковых шагов стало решение Лондона о постепенном отказе от использования оборудования компании Huawei в критически важной инфраструктуре, включая сети 5G, с полным завершением этого процесса к 2027 г. В 2021 г. Британия ввела санкции в отношении китайских официальных лиц за нарушения прав уйгуров. Одновременно внимание академического сообщества, части политического истеблишмента и спецслужб Соединенного Королевства все чаще привлекала общественно-политическая активность выходцев из КНР и организаций гражданского общества, связанных как с официальным Пекином, так и с оппозицией, в частности, политическими организациями Гонконга. Распространенное мнение заключалось в том, что Лондон стал важной мишенью для влияния Пекина. Указывалось, что Китай стремится воздействовать на правительственные структуры, британские университеты, средства массовой информации, исследовательские организации, а в конечном счете и на процесс принятия решений в Соединенном Королевстве¹⁶.

Распространение получила точка зрения, что увеличение численности китайской диаспоры в Британии может усилить не только культурное, но и политическое влияние КНР¹⁷. По данным переписи населения 2021 г., в стране проживает чуть более 400 тысяч выходцев из Китая, что составляет около 0,7% населения. Китайская диаспора занимает третье место среди этнических сообществ Великобритании¹⁸. При этом сама диаспора не монолитна и включает представителей различных этнических групп, в том числе выходцев из бывших колоний: например, Гонконга, Малайзии и Сингапура. При этом к 2021 г. эмигранты из КНР в первом поколении составляли сравнительно малочисленную группу – чуть более 120 тыс. человек.

Британские китайцы традиционно относились к сообществу «белых воротничков» – банковских служащих, бизнесменов, юристов, – которые оставались на периферии политической жизни. Первым пожизненным пэром китайского происхождения (родился в Сингапуре) стал лорд Чан в 2001 г.,

¹⁶ Gaston S. & Mitter R. (2020) After the Golden Age: Resetting UK-China Engagement. *British Foreign Policy Group*. Available at: <https://bfpgr.co.uk/wp-content/uploads/2020/07/BFPG-Report-July-2020-FINAL-4.pdf> (accessed 20 June 2024).

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Устойчиво увеличивается численность китайских эмигрантов в первом поколении, в том числе уйгуров, а также жителей Гонконга (САР), рожденных после 1997 г. См. подробнее: *UK Government* (n.d.) Chinese ethnic group: Facts and figures. Available at: <https://www.ethnicity-facts-figures.service.gov.uk/summaries/chinese-ethnic-group> (accessed 20 June 2024).

¹⁹ *Statista* (2024) Number of Chinese nationals resident in the United Kingdom from 2008 to 2021. Available at: <https://www.statista.com/statistics/1241671/chinese-population-in-united-kingdom/> (accessed 20 June 2024).

который оставался членом Палаты лордов до своей смерти в 2006 г.²⁰ С 2010 г. пожизненным пэром стал лорд Вэй (родился в Гонконге)²¹. С 2015 г. в Палате общин от Консервативной партии заседает депутат китайского происхождения А. Мак²². По результатам всеобщих выборов 2024 г. депутатский мандат получила также член Лейбористской партии Ю. Янг. На сегодняшний день она остается единственным депутатом, родившимся в Китае²³.

На фоне объявленной в 2015 г. Д. Кэмероном и Си Цзиньпином «золотой эры» британо-китайских отношений в Соединенном Королевстве «британские университеты считались лучшими партнерами Китая на Западе»²⁴. По мере ухудшения двустороннего диалога эксперты все чаще предупреждали о негативном воздействии Пекина на систему высшего образования Британии. В частности, речь шла о том, что китайское финансирование (плата за обучение²⁵, гранты и пожертвования) создает «стратегическую зависимость» и угрожает национальной безопасности Великобритании²⁶. Второй аспект этой проблемы связывали с уязвимостью «кампусов британских вузов» перед китайским влиянием. Британские эксперты отмечали тесные контакты китайских студентов с дипломатическими кругами Пекина в Лондоне. Например, во время пандемии посольство КНР передавало помощь китайским студентам с маркировкой «Родина всегда на вашей стороне» (Han & Tong, 2021).

Кроме того, предметом критики стало сотрудничество между британскими и китайскими научными учреждениями, «подконтрольными Коммунистической партии Китая (КПК)»²⁷. По данным *Civitas*, правоцентристского британского аналитического центра, минимум 15 британских университетов вели «продуктивные» исследования с китайскими военными производителями и вузами. Связь между британскими университетами и китайскими государственными

²⁰ *UK Parliament* (n.d.) Lord Chan. Available at: <https://members.parliament.uk/member/2164/career> (accessed 20 November 2024).

²¹ *UK Parliament* (n.d.) Lord Wei. Available at: <https://members.parliament.uk/member/4145/contact> (accessed 20 November 2024).

²² *UK Parliament* (n.d.) Alan Mak. Available at: <https://members.parliament.uk/member/4484/contact> (accessed 20 November 2024).

²³ *UK Parliament* (n.d.) Yuan Yang. Available at: <https://members.parliament.uk/member/5267/contact> (accessed 20 November 2024).

²⁴ *Imperial News* (2015) UK universities are China's best academic partners, says Imperial president Available at: <https://www.imperial.ac.uk/news/168496/uk-universities-chinas-best-academic-partners/> (accessed 20 November 2024).

²⁵ Среди выходящих из Китая велика доля молодежи: по разным оценкам в вузах Британии обучается от 100 до 140 тыс. китайских студентов, что составляет треть всех иностранных студентов из стран, не входящих в ЕС. Китайские студенты платят за обучение до 2,5 млрд ф.ст. – треть от всех суммарных поступлений от иностранных студентов (7 млрд ф.ст.). См.: *The Policy Institute* (2021) *The China question*. Available at: <https://www.kcl.ac.uk/policy-institute/assets/china-question.pdf> (accessed 20 June 2024).

²⁶ *The Policy Institute* (2021) *The China question*. Available at: <https://www.kcl.ac.uk/policy-institute/assets/china-question.pdf> P. 5 (accessed 20 November 2024).

²⁷ *Henry Jackson Society* (2024) *The Strategic Dependence of UK Universities on China – and Where Should They Turn Next?* Available at: <https://henryjacksonsociety.org/event/the-strategic-dependence-of-uk-universities-on-china-and-where-should-they-turn-next/> (accessed 30 June 2024).

органами вызвала критику все более растущего крыла синофобов как в Консервативной, так и в Лейбористской партиях²⁸.

В 2019 г. в докладе Комитета по международным делам Палаты общин отмечено, что «МИД Великобритании должен максимально защитить кампусы университетов от влияния иностранных государств, в том числе Китая и России»²⁹. К 2021 г. количество студентов из КНР сократилось на 5%³⁰. Это снижение было обусловлено не только последствиями пандемии *COVID-19*, но и политическими причинами, включая охлаждение британо-китайского сотрудничества и ужесточение миграционного законодательства Великобритании.

С 2020 г. антикитайски настроенная часть политического истеблишмента Великобритании призывала власти ограничить влияние Институтов Конфуция, рассматриваемых как инструмент «мягкой силы» КНР. К 2015 г. на территории Великобритании действовало 29 таких институтов³¹. В 2022 г., в ходе кампании по выборам лидера Консервативной партии, Р. Сунак обещал сократить их число. Вопреки этому, к 2023 г. их количество выросло до 30, на что обратила внимание лоббистская группа депутатов под председательством Т. Тугендхата (*China Research Group*)³². Синофобы внутри Консервативной партии явно оказывали давление на премьер-министра, который в 2022 г. был вынужден официально объявить о «завершении «золотой эры» двусторонних отношений». Более того, в Стратегическом обзоре 2023 г. Китай был признан «вызовом, который определяет эпоху»³³. В первой публичной речи, произнесенной в ноябре 2021 г., Р. Мур, глава британской внешней разведки *M16*, заявил, что Китай является «единственным крупнейшим приоритетом» (англ. "*single greatest priority*") ведомства после России, Ирана и угрозы международного терроризма³⁴.

²⁸ *Civitas* (2024) The Strategic Dependence of UK Universities on China – and Where Should They Turn Next? Available at: <https://www.civitas.org.uk/publications/the-strategic-dependence-of-uk-universities-on-china-and-where-should-they-turn-next/> (accessed 30 June 2024).

²⁹ *UK Parliament* (2019) A Cautious Embrace: Defending Democracy in an Age of Autocracies. Available at: <https://publications.parliament.uk/pa/cm201919/cmselect/cmfaff/109/109.pdf> (accessed 10 July 2024).

³⁰ *The Times* (2024) Demand for a UK university education cools in China, 5 July. Available at: <https://www.thetimes.co.uk/article/demand-for-a-uk-university-education-cools-in-china-6b32m7bdv> (accessed 05 July 2024).

³¹ Первый Институт Конфуция в Британии был открыт в 2004 г. для продвижения китайского языка и культуры. По степени представительства и влияния их часто сравнивают с Британским Советом (организация признана нежелательной на территории РФ). См.: *The Diplomat* (2015) The UK: A success story for China's educational soft power. Available at: <https://thediplomat.com/2015/10/the-uk-a-success-story-for-chinas-educational-soft-power/> (accessed 20 June 2024).

³² *China Research Group* (2022) Briefing: Confucius Institutes in the UK. Available at: <https://static1.squarespace.com/static/5f75a6c74b43624d99382ab6/t/62a72ed29c3be12086690f90/1655123672379/Confucius+Institutes+-+China+Research+Group+-+June+2022.pdf> (accessed 20 June 2024).

³³ *HM Government* (2023) Integrated Review Refresh 2023: Responding to a more contested and volatile world, March. Available at: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/1145586/11857435_NS_IR_Refresh_2023_Supply_AllPages_Revision_7_WEB_PDF.pdf (accessed 25 September 2024).

³⁴ *Eurasian Times* (2024) Wary of Chinese tech prowess, British M16 says China bigger threat to UK than Russia, Iran & global terrorism. Available at: <https://eurasianimes.com/british-m16-says-china-bigger-threat-to-uk-than-russia-iran-global-terrorism/> (accessed 20 June 2024).

Негативное воздействие КНР в академических и общественно-политических кругах Соединенного Королевства связывали и с другими инструментами «мягкой силы», например, СМИ. На фоне попыток властей сократить влияние КНР британский регулятор отозвал лицензию у *China Global Television Network*³⁵. В ответ Пекин в феврале 2021 г. запретил вещание *BBC World TV News* в Китае³⁶.

В докладе «Китай», опубликованном в 2023 г. парламентским Комитетом по разведке и безопасности, отмечалось, что Пекин «многократно и агрессивно нацеливается» на Великобританию³⁷. Еще в 2022 г. *Mi5* обнародовал специальное «предупреждение о безопасности»: предполагаемая китайская шпионка Кристин Ли занималась «политическим вмешательством» в интересах правящего коммунистического режима Китая с целью «создать благоприятный политический ландшафт в Британии». В частности, речь шла о финансировании на сумму свыше 500 тыс. фунтов стерлингов бывшего председателя межпартийной парламентской группы по Китаю, Б. Гардинера, члена Палаты общин от Лейбористской партии³⁸.

В сентябре 2023 г. широкий резонанс получила информация об аресте аналитика-исследователя Палаты общин по подозрению в шпионаже в пользу Китая. Подозреваемый в разное время сотрудничал с министром безопасности Т. Тугендхатом и председателем Комитета по иностранным делам А. Кернс от Консервативной партии³⁹. Оба политика относятся к крылу «ястребов», лоббирующих ужесточение политики в отношении Китая, включая снижение экономической и технологической зависимости.

На внутриполитическом уровне нарратив о злонамеренных действиях Пекина постепенно эволюционировал от предостережений о кибершпионаже относительно промышленной инфраструктуры и опасности стратегической зависимости. Природа «злонамеренного» поведения Китая, по мнению Лондона, исходит из стратегической установки КПК воздействовать на политический курс стран-оппонентов⁴⁰. Основная цель этого воздействия – влияние на ключевых лиц, принимающих решения, для продвижения политических процессов, благоприятных для Пекина.

³⁵ *Ofcom* (2021) *Ofcom revokes CGTN's licence to broadcast in the UK*. 4 February. Available at: <https://www.ofcom.org.uk/tv-radio-and-on-demand/broadcast-standards/ofcom-revokes-cgtn-licence-to-broadcast-in-uk/> (accessed 23 November 2024).

³⁶ *The Guardian* (2023) *China bans BBC World News in retaliation for UK licence blow*. 11 February. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2021/feb/11/china-bans-bbc-world-news> (accessed 23 November 2024).

³⁷ *Intelligence and Security Committee of Parliament* (2023) *China*. Available at: <https://isc.independent.gov.uk/wp-content/uploads/2023/07/ISC-China.pdf> (accessed 20 June 2024).

³⁸ *The Guardian* (2022) *Profile: Christine Lee, the woman at centre of Mi5 security warning*, 13 January. Available at: <https://www.theguardian.com/politics/2022/jan/13/profile-christine-lee-the-woman-at-centre-of-mi5-security-warning> (accessed 28 June 2024).

³⁹ *Politico* (2024) *Shock and recriminations as Chinese spy scandal rocks UK parliament*. Available at: <https://www.politico.eu/article/shock-and-recriminations-as-chinese-spy-scandal-rocks-uk-parliament/> (accessed 16 June 2024).

⁴⁰ *Intelligence and Security Committee of Parliament* (2023) *China*. Available at: <https://isc.independent.gov.uk/wp-content/uploads/2023/07/ISC-China.pdf> (accessed 20 June 2024).

С одной стороны, под влиянием усиливающейся синофобии правительство адаптировало внешнеполитическую линию, официально заявив об отказе от «золотой эры» британо-китайских отношений. С другой стороны, ослабление позиций прокитайски настроенной части политического истеблишмента и общества ограничило возможности для маневра у лиц, принимающих решения. Вместе с тем ни тори, ни пришедшие к власти лейбористы до сих пор не сформулировали исчерпывающую стратегию в отношении Китая.

Механизмы защиты от иностранных угроз: последствия для внутренней и внешней политики

Если в части внешнеполитического курса дискурс об угрозах стал одним из стимулов к ужесточению линии в отношении России и Китая, на внутривнутриполитическом уровне фокус сместился к противодействию «угрозам со стороны государственных акторов» (Scott, 2023). В июле 2021 г. глава *Mi5* К. Маккаллум назвал модернизацию законодательства по противодействию государственным угрозам важным шагом для повышения устойчивости Великобритании перед вызовами, исходящими от России, Китая и Ирана⁴¹. Подтверждая этот тезис, министр обороны Великобритании Г. Шаппс (2023–2024 гг.) подчеркивал, что угроза со стороны враждебных государств превышает уровень времен холодной войны⁴².

Консервативный Кабинет Б. Джонсона еще в Комплексном обзоре стратегии национальной безопасности (март 2021 г.) подчеркнул, что защита демократии является «первой обязанностью любого правительства»⁴³. В обновленной редакции документа (март 2023 г.) были обещаны «новые шаги по защите демократии и экономики внутри страны»⁴⁴.

Кабинет Р. Сунака признал «устойчивость демократии» наиболее «уязвимой сферой». Такой дискурс был обусловлен рядом факторов. Во-первых, правящий консервативный Кабинет не мог игнорировать сообщения о попытках вмешательства в электоральные процессы, широко распространившиеся именно в 14-летний период правления тори. В этих условиях активные меры по защите демократических институтов стали частью электоральной стратегии консерваторов. Во-вторых, признание угроз и рисков вмешательства становилось дополнительным механизмом внутривнутриполитической борьбы, в том числе накануне выборов 2024 г.

⁴¹ *Mi5* (2021) Director General Ken McCallum gives annual threat update. Available at: <https://www.mi5.gov.uk/news/director-general-ken-mccallum-gives-annual-threat-update-2021> (accessed 16 August 2024).

⁴² *HM Government* (2024) Defending Britain from a more dangerous world. Available at: <https://www.gov.uk/government/speeches/defending-britain-from-a-more-dangerous-world> (accessed 16 August 2024).

⁴³ *HM Government* (2021) Global Britain in a competitive age: The Integrated Review of Security, Defence, Development and Foreign Policy. Available at: https://assets.publishing.service.gov.uk/media/60644e4bd3bf7f0c91eababd/Global_Britain_in_a_Competitive_Age_-_the_Integrated_Review_of_Security__Defence__Development_and_Foreign_Policy.pdf (accessed 25 September 2024).

⁴⁴ *HM Government* (2023) Integrated Review Refresh 2023: Responding to a more contested and volatile world, March. Available at: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/1145586/11857435_NS_IR_Refresh_2023_Supply_AllPages_Revision_7_WEB_PDF.pdf (accessed 25 September 2024).

Консервативное правительство внесло ряд институциональных и правовых изменений с тем, чтобы купировать предполагаемые угрозы. Так, в ноябре 2022 г. под эгидой Совета национальной безопасности Великобритании была сформирована Целевая группа по защите демократии (далее – Целевая группа) (англ. *Defending Democracy Taskforce*) под председательством министра по вопросам безопасности. Ее первым председателем стал Т. Тугендхат, с 2024 г. должность занял лейборист Д. Джарвис. К задачам Целевой группы относится защита демократической целостности, борьба с иностранным вмешательством, защита должностных лиц «на всех уровнях» от физических, кибер- и иных угроз, противодействие дезинформации, направленной на «подрыв общенационального диалога и искажение демократических процессов»⁴⁵. Ключевой целью новой структуры стало обеспечение устойчивости избирательных процессов и критически важной инфраструктуры. В 2024 г. Объединенный комитет по национальной стратегии безопасности (англ. *Joint Committee on National Security Strategy, JCNSS*) начал промежуточную оценку результативности Целевой группы в рамках специального расследования «Защита демократии»⁴⁶. Однако результаты этой оценки до настоящего времени не были обнародованы.

Еще одним нововведением консервативного Кабинета стал закон «О национальной безопасности»⁴⁷ (2023 г.), направленный на защиту Великобритании от «угроз национальной безопасности, шпионажа, саботажа и лиц, действующих в интересах иностранных государств». Закон впервые обозначил, что объектами враждебной деятельности иностранных государств являются «демократия, экономика и ценности». Кроме того, был введен новый тип правонарушения – иностранное вмешательство. Еще одним важным нововведением стала процедура обязательной «регистрации иностранного влияния» на портале МВД. Данное требование распространяется на общественные организации и частных лиц, осуществляющих политическую деятельность по поручению иностранных государств⁴⁸. Ожидалось, что новые

⁴⁵ *HM Government* (2022) Ministerial Taskforce meets to tackle state threats to UK democracy. Available at: <https://www.gov.uk/government/news/ministerial-taskforce-meets-to-tackle-state-threats-to-uk-democracy> (accessed 20 November 2024)

⁴⁶ *UK Parliament* (2024) JCNSS launches inquiry on Defending Democracy with UK election expected this year. 1 February. Available at: <https://committees.parliament.uk/committee/111/national-security-strategy-joint-committee/news/199739/jcnss-launches-inquiry-on-defending-democracy-with-uk-election-expected-this-year/> (accessed 20 November 2024)

⁴⁷ *HM Government* (2024) Foreign Interference and National Security Bill Factsheet. Available at: <https://www.gov.uk/government/publications/national-security-bill-factsheets/foreign-interference-national-security-bill-factsheet> (accessed 29 July 2024).

⁴⁸ Так, под политическим влиянием в законе, среди прочего, понимается коммуникация с высокопоставленными лицами, принимающими решения, например членами Кабинета или первыми министрами региональных администраций (Шотландии, Уэльса или Северной Ирландии), кандидатами на выборах, депутатами парламента и старшими государственными служащими Великобритании и пр.

правила вступят в силу в течение 2024 г., однако, по данным СМИ, лейбористское правительство решило отложить данное решение до тех пор, пока не «завершит аудит отношений с Китаем»⁴⁹.

Примечательно, что еще в декабре 2023 г. появились сведения о попытках российских хакеров взломать серверы Избирательной Комиссии Великобритании⁵⁰. Заместитель премьер-министра О. Додден заявил о пяти скоординированных информационных кампаниях в социальной сети *Facebook*⁵¹, направленных на продвижение «прокремлевского нарратива» и поддержку партии «Реформировать Соединенное Королевство» под руководством Н. Фараджа⁵².

В марте 2024 г. Национальный центр кибербезопасности Великобритании обвинил Китай во взломе серверов Избирательной Комиссии и утечке персональных данных британских избирателей. Кроме того, сообщалось о попытках доступа к электронной переписке антикитайски настроенных британских парламентариев, а также о наблюдении за британскими политиками, организованном в том числе хакерской группировкой *APT3*, аффилированной с КНР. В ответ оппозиция заявила, что в случае победы на выборах намерена проводить последовательную и жесткую линию в отношении Китая⁵³.

Действующий лейбористский Кабинет получил в наследство от тори политические практики, которые существенно изменили внутривнутриполитический процесс и подходы к принятию решений в сфере внешней политики на фоне дискурса о вмешательствах. Вместе с тем лейбористов не ассоциируют с непопулярными мерами, которые могли бы быть интерпретированы как продиктованные внешним влиянием России или Китая. Это обеспечивает им свободу маневра, позволяющую преодолевать внутренние алармистские установки относительно дискуссий о злонамеренном иностранном влиянии.

С другой стороны, дискурс о вмешательствах становится полезным рычагом воздействия на электорат, позволяя объяснять внутренние кризисы. Например, в августе 2024 г., на фоне беспорядков в Великобритании, в экспертных и политических кругах продолжились дискуссии о необходимости более глубокого понимания кампаний по дезинформации со стороны иностранных игроков, в том числе России. Так, отмечалось, что Москва, в силу

⁴⁹ *Politico* (2024) UK delays foreign lobbying clampdown as it works out China policy. Available at: <https://www.politico.eu/article/united-kingdom-china-foreign-influence-registration-scheme-delay/> (accessed 24 November 2024).

⁵⁰ *HM Government* (2024) UK exposes attempted Russian cyber interference in politics and democratic processes. Available at: <https://www.gov.uk/government/news/uk-exposes-attempted-russian-cyber-interference-in-politics-and-democratic-processes> (accessed 03 August 2024).

⁵¹ *Facebook* – проект *Meta Platforms Inc.*, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

⁵² *Evening Standard* (2024) Claims of Russian interference in general election 'gravely concerning,' says Oliver Dowden. Available at: <https://www.standard.co.uk/news/politics/oliver-dowden-russia-interference-general-election-2024-kremlin-reform-uk-b1167685.html> (accessed 01 July 2024).

⁵³ *The Guardian* (2024) Labour tells China it will act on interference in UK democracy, 25 March. Available at: <https://www.theguardian.com/politics/2024/mar/25/labour-tells-china-it-will-act-on-interference-in-uk-democracy> (accessed 29 July 2024).

«экзистенциальной борьбы с Западом», продолжает использовать «информационно-психологические операции» для дестабилизации внутривнутриполитической ситуации в стране⁵⁴. В сентябре 2024 г. министр иностранных дел Д. Лэмми на конференции Лейбористской партии подчеркнул намерение правительства «покончить с российской ложью», усилив меры по борьбе с дезинформацией и обеспечению кибербезопасности⁵⁵.

Примечательно также компромиссное заявление нового Кабинета в отношении китайских Институтов Конфуция: их деятельность на территории Соединенного Королевства не запретили, несмотря на требования «ястребов». Вместе с тем было решено прекратить финансирование 30 таких институтов со стороны британского правительства⁵⁶.

Заключение

Усиление межгосударственной конкуренции и трансформация системы международных отношений изменили внутривнутриполитические нарративы о безопасности в Соединенном Королевстве. Разделение международных игроков на демократические и автократические режимы приобрело новую интерпретацию, выразившуюся в утверждении о злонамеренном влиянии последних на внутренние процессы Великобритании. Кроме того, в период нахождения у власти консерваторов дискурс об уязвимости политических процессов во многом формировался на фоне спекуляций об иностранном влиянии на итоги референдума о членстве Великобритании в ЕС. Эти обсуждения негативно сказались на уровне доверия к правящей партии, став дополнительным фактором политической нестабильности.

Двухуровневое влияние тезиса об иностранных вмешательствах проявилось в новых политических и правовых практиках внутри Соединенного Королевства и усилило зависимость внешнеполитического курса от внутренних нарративов, делая его все менее гибким. Тезис о России как угрозе, закрепившийся в британской стратегической культуре в силу комплекса факторов, на внутривнутриполитическом уровне связывается с дестабилизирующей деятельностью Москвы, кампаниями по дезинформации и злонамеренным влиянием на электоральные процессы. Это объясняется представлением о стремлении Кремля навредить «либеральным демократиям» в условиях противостояния с коллективным Западом. Таким образом, жесткая антироссийская линия получила дополнительные стимулы во внутривнутриполитической повестке.

⁵⁴ *RUSI* (2024) How did foreign actors exploit the recent riots in the UK? Available at: <https://rusi.org/explore-our-research/publications/commentary/how-did-foreign-actors-exploit-recent-riots-uk> (accessed 31 August 2024).

⁵⁵ *Labour Party* (2024) David Lammy speech at Labour Party Conference 2024. Available at: <https://labour.org.uk/updates/press-releases/david-lammy-speech-at-labour-party-conference-2024/> (accessed 25 September 2024).

⁵⁶ *The Telegraph* (2024) Funding cut for 'Trojan horse' Chinese institutes at UK universities, 21 September. Available at: <https://www.telegraph.co.uk/news/2024/09/21/funding-cut-trojan-horse-chinese-institutes-uk-universities/> (accessed 25 September 2024).

Одновременно с этим попытки создать механизмы защиты от «китайской угрозы» и купировать промышленный шпионаж актуализировали задачу обезопасить «британские общественно-политические институты от влияния КНР, агентов КПК» и ее попыток воздействовать на лиц, принимающих решения. Такие установки способствовали ужесточению политики консервативного правительства в отношении Китая, которая с незначительными корректировками будет продолжена новым лейбористским Кабинетом.

Обновленное законодательство в части противодействия иностранному вмешательству в большей степени будет воздействовать на внутривнутриполитический процесс. Правовые лакуны в законах создают условия для усиления внутривнутриполитической борьбы и деятельности лоббистских групп внутри политического истеблишмента в контексте выработки внешнеполитического курса страны. Вместе с тем для лейбористского Кабинета они будут служить удобными рычагами влияния на общественное мнение в условиях продолжающегося социально-экономического кризиса.

Список литературы

1. Алешин А.А. (2023) Роль Британии в формировании антироссийской политики Запада. *Современная Европа* 5: 44–56. DOI: 10.31857/S0201708323050042.
2. *Британия после брекзита. Монография.* (2021) Отв. ред. К.А. Годованюк. М.: Ин-т Европы РАН. DOI: 10.15211/report82021_386.
3. Годованюк К.А. (2022) Головоломка российско-британских отношений: системные противоречия и национальные интересы. *Современная Европа* 7: 185–197. DOI: 10.31857/S0201708322070154.
4. Годованюк К.А. (2024) Внешнеполитический консенсус на фоне предвыборной гонки в Британии. *Аналитические записки Института Европы РАН* 15: 56–62. DOI: 10.15211/analytics21520245662.
5. Истомин И.А. (2023) Иностранное вмешательство во внутренние дела: проблематизация сущностно неопределимого концепта. *Полис. Политические исследования* 2: 120–137. DOI: 10.17976/jpps/2023.02.09.
6. Сучков М.А. (2024) Иностранное вмешательство как форма межгосударственного противоборства: типы и мотивы. *Полис. Политические исследования* 3: 8–23. DOI: 10.17976/jpps/2024.03.02.
7. Baldini G. (2015) Is Britain Facing a Crisis of Democracy? *The Political Quarterly* 86(4): 540–549. DOI: 10.1111/1467-923X.12185.
8. Fridman O. (2024) Defining Foreign Influence and Interference. *INSS Special Publication*. 12 p.
9. Han C., Tong Y. (2021). Students at the nexus between the Chinese diaspora and internationalisation of Higher Education: The role of overseas students in China's strategy of soft power. *British Journal of Educational Studies* 69(5): 579–598. DOI: 10.1080/00071005.2021.1935446.
10. Manning B. (1977) The Congress, The Executive, and Intermestic Affairs. *Foreign Affairs* 57(2): 306–324.
11. Matlosa K. (2023) Global Trends and impact of democratic recession: Hard choices for the Global South. *South African Journal of International Affairs* 30(3): 337–355. DOI: 10.1080/10220461.2023.2269149.
12. Putnam R.D. (1988) Diplomacy and Domestic Politics: The Logic of Two-Level Games. *International Organization* 42(3): 427–460.

13. Rosenau J. (1969) *Toward the Study of National-International Linkage*. In Rosenau J. (ed.) *Linkage Politics: Essays on the Convergence of National and International Systems*. New York: Free Press.
14. Scott P.F. (2023) 'State threats', Security, and Democracy: The National Security Act 2023. *Legal Studies* 44(2): 1–17. DOI:10.1017/lst.2023.39.

Comparative Politics. Volume 15. No. 4. October–December / 2024
DOI 10.46272/2221-3279-2024-4-15-9

DEFENSE AGAINST FOREIGN INTERFERENCE: THE TWO-TIER LOGIC OF UK FOREIGN POLICY SHAPING

Dr. Kira A. GODOVANYUK – Leading Research Fellow, Centre for British Studies, Department of Countries Studies, Institute of Europe Russian Academy of Sciences.

ORCID: 0000-0002-5205-0021. E-mail: kira.godovanyuk@gmail.com
11/3 Mokhovaya street, Moscow, Russia, 125009.

Received September 2, 2024

Accepted September 26, 2024

Acknowledgments. This article was prepared with the support of a grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for major scientific projects in priority areas of scientific and technological development No. 075-15-2024-551 "Global and regional centers of power in the emerging world order".

Abstract: The article explores the specific features of the UK strategic approach to policy towards Russia and China through the British establishment's perception of threats to national security. Based on the Interstitial Realism theoretical model, the author analyses how the broad domestic political discourse influences strategic tasks being formulated in foreign policy and vice versa. The demand for the protection of the democratic process as widely seen now to be threatened by authoritarian regimes, as well as the emphasis on the counteraction against some state actors, have brought about the emergence of new narratives in the UK. These trends affect decision-makers in the field of foreign policy, and retain the potential to influence strategic culture regardless of which party the Cabinet belongs to. In terms of the UK-Russia and UK-China relations, two trends are emerging, related to the discourse on malicious interference and attempts at foreign influence not only on electoral and democratic processes, but also on public opinion, and, consequently, on the mainstream domestic political discourse. New law enforcement practices formulated in response to these challenges, on the one hand, provide some leeway in UK policy planning, and on the other hand, confine the policy only to a threat-centered discourse, creating long-term hard line towards Moscow and an increasingly less flexible approach towards Beijing.

Keywords: UK, foreign policy, defense of democracy, authoritarian regime, malign influence, interference, national security, Russia, China, Hongkong, cyberattacks

References:

1. Aleshin A.A. (2023) Rol' Britanii v formirovanii antirossijskoj politiki Zapada [The UK's Role in Shaping the Anti-Russian Policy of the West]. *Sovremennaya Evropa [Contemporary Europe]*5: 44–56. DOI: 10.31857/S0201708323050042. (In Russian).
2. Baldini G. (2015) Is Britain Facing a Crisis of Democracy? *The Political Quarterly* 86(4): 540–549. DOI: 10.1111/1467-923X.12185.
3. Fridman O. (2024) Defining Foreign Influence and Interference. *INSS Special Publication*. 12 p.
4. Godovanyuk K.A. (2022) Golovolomka rossijsko-britanskikh otnoshenij: sistemnye protivorechiya i nacional'nye interesy [The Riddle of Russia-UK Relations: Systemic Contradictions and National Interests]. *Sovremennaya Evropa [Contemporary Europe]*7: 185–197. DOI: 10.31857/S0201708322070154. (In Russian).
5. Godovanyuk K.A. (2024) Vneshnepoliticheskij konsensus na fone predvybornoj gonki v Britanii [Foreign Policy Consensus against the Backdrop of the UK Election Campaign]. *Analiticheskie zapiski Instituta Evropy RAN [Analytical papers of IE RAS]* 15: 56–62. DOI: 10.15211/analytics21520245662. (In Russian).
6. Godovanyuk K.A. (ed.) (2021) *Britaniya posle brekzita [The United Kingdom after Brexit]* Moscow: Institute of Europe RAS. DOI: 10.15211/report82021_386. (In Russian).
7. Han C., Tong Y. (2021). Students at the nexus between the Chinese diaspora and internationalisation of Higher Education: The role of overseas students in China's strategy of soft power. *British Journal of Educational Studies* 69(5): 579–598. DOI: 10.1080/00071005.2021.1935 446.
8. Istomin I.A. (2023) Inostrannoe vmeshatel'stvo vo vnutrennie dela: problematizaciya sushchnostno neopredelimogo koncepta [Foreign Interference in Internal Affairs: Deconstruction of an Essentially Indeterminate Concept]. *Polis. Politicheskie issledovaniya [Polis. Political Studies]*2: 120–137. DOI: 10.17976/jpps/2023.02.09. (In Russian).
9. Manning B. (1977) The Congress, The Executive, and Intermestic Affairs. *Foreign Affairs* 57(2): 306–324.
10. Matlosa K. (2023) Global Trends and impact of democratic recession: Hard choices for the Global South. *South African Journal of International Affairs* 30(3): 337–355. DOI: 10.1080/10220461.2023.2269149.
11. Putnam R.D. (1988) Diplomacy and Domestic Politics: The Logic of Two-Level Games. *International Organization* 42(3): 427–460.
12. Rosenau J. (1969) Toward the Study of National-International Linkage. In Rosenau J. (ed.) *Linkage Politics: Essays on the Convergence of National and International Systems*. New York: Free Press.
13. Scott P.F. (2023) 'State threats', Security, and Democracy: The National Security Act 2023. *Legal Studies* 44(2): 1–17. DOI:10.1017/Ist.2023.39.
14. Suchkov M.A. (2024) Inostrannoe vmeshatel'stvo kak forma mezghosudarstvennogo protivoborstva: tipy i motivy [Foreign Interference as a Form of Interstate Competition: Types and Motives]. *Polis. Politicheskie issledovaniya [Polis. Political Studies]* 3: 8–23. DOI: 10.17976/jpps/2024.03.02. (In Russian).

ИННОВАЦИОННО-ЦИФРОВОЙ ПОТЕНЦИАЛ МИРОВОЙ КОСМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ЭТАПА

Людмила ПАНКОВА, Ольга ГУСАРОВА
ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН

Аннотация: В настоящей статье рассматриваются общие аспекты развития космической деятельности: рост «экономики космоса»; увеличение количества субъектов космической деятельности (как в страновом аспекте, так и функциональном – государство, частный сектор, государственно-частное партнерство); подчеркивается воздействие космической деятельности на развитие других отраслей экономики. Особый акцент в проведенном анализе делается на американской космической деятельности. Обсуждается спирально-эволюционный подход к развитию космической деятельности. Авторы выделяют ключевые космические технологии как в плане развития средств и систем космического базирования, так и в плане производственного комплекса космонавтики, а также определяют основные подходы ведущих космических держав (России, США, Китая) к развитию космических вооружений. Обозначенные аспекты в совокупности подчеркивают необходимость расширения дискуссионных площадок для активизации дебатов по определению перспектив развития мировой космической деятельности.

Ключевые слова: космическая деятельность, «экономика космоса», цифровые технологии, государственно-частное партнерство, коммерциализация, спирально-эволюционный подход, сдерживание

Людмила Владимировна Панкова – доктор экономических наук, заведующая Отделом военно-экономических исследований безопасности, заведующая Сектором военной экономики и инноваций, Центр международной безопасности, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН.

ORCID: 0000-0003-3500-4741. E-mail: lpankova@imemo.ru
117997, Москва, ул. Профсоюзная, д. 23.

Ольга Владимировна Гусарова – руководитель Центра научно-образовательных проектов, научный сотрудник, Отдел военно-экономических исследований безопасности, Центр международной безопасности, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН.

ORCID: 0000-0001-5414-0365. E-mail: olgusarova@imemo.ru
117997, Москва, ул. Профсоюзная, д. 23

Поступила в редакцию: 23.07.2024

Принята к публикации: 06.12.2024

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарность: Статья подготовлена при поддержке гранта Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития №075-15-2024-551 «Глобальные и региональные центры силы в формирующемся мироустройстве».

Космическая деятельность находится на переломном этапе своего развития, что обуславливает проведение детализированных исследований по оценке роли и значения космических технологий в области экономики (в том числе военной), политики и стратегической стабильности. Беспрецедентный по масштабам, динамике, уровню совершенствования технологий мировой инновационно-цифровой сдвиг является важной силой для развития космической деятельности на рубеже второго и третьего десятилетия XXI века. Изучение инновационно-цифрового потенциала космонавтики с его широким набором перспективных многофункциональных технологий заслуживает особого внимания в академических исследованиях.

Развитие мировой космической деятельности

С начала своего развития космические технологии находятся в центре высокотехнологичного наукоёмкого комплекса двойного назначения, оказывающего значительное влияние на технологичный аспект мирового научно-технологичного развития. Показательно, что развитие процесса передачи технологий из военной области в гражданскую (*спин-офф*) было первоначально инициировано и наиболее явно проявилось именно в сфере развития технологического комплекса космонавтики (Панкова & Гусарова, 2020). Позднее стал активно развиваться процесс передачи технологий из гражданской сферы в военную (*спин-он*). В XXI веке эти два процесса не только все более динамично взаимодействуют между собой, но и требуют внимания с организационно-управленческой точки зрения в контексте углубления взаимодействия военной и гражданской экономики в целом. Хотя в большинстве ведущих стран мира процесс взаимодействия военной и гражданской составляющих экономики закреплен законодательно и концептуально проработан, в ряде государств эта сфера находится на начальном этапе своего формирования. Особенно явно и достаточно последовательно (с конца прошлого столетия) взаимодействие военной и гражданской составляющих проявляется в развитии космической деятельности США. В частности, значимым моментом в развитии упомянутых процессов стала Стратегия интеграции коммерческого космоса Министерства обороны США от 2024 года¹. При этом американский опыт в большой степени перенимался, копировался другими игроками мировой политики.

Наблюдаются высокие темпы повышения роли космической составляющей в мировой экономике. Так, по данным ОЭСР, объем «экономики космоса»² за 2020–2023 гг. вырос с 371 млрд долл. (в 2020 году³) до более 500 млрд долл.

¹ U.S. Department of Defense (2024) 2024 DOD Commercial Space Integration Strategy, 16 p. Available at: <https://media.defense.gov/2024/Apr/02/2003427610/-1/-1/1/2024-DOD-COMMERCIAL-SPACE-INTEGRATION-STRATEGY.PDF> (accessed 14 November 2024).

² The Organisation for Economic Co-operation and Development (2024) Space economy. Available at <https://www.oecd.org/en/topics/space-economy.html> (accessed 26 October 2024).

³ Satellite Industry Association (2021) 2020 Top-Level Global Satellite Industry Findings. Available at: <https://sia.org/wp-content/uploads/2021/06/SSIR21-Executive-Summary-2-Page-FINAL.pdf> (accessed 26 October 2024).

в 2023 г. Согласно некоторым оценкам, к 2035 году этот показатель достигнет 1,8 трлн долл.⁴ Подобный рост обуславливает повышенное внимание к развитию космической промышленности со стороны как государственных акторов, так и коммерческого сектора. Следует также иметь в виду, что результаты космической деятельности оказывают воздействие на многие другие отрасли экономики: сельское хозяйство, энергетику, природные ресурсы, образование и др. В качестве другого примера можно привести данные от средств и систем космического базирования (ССКБ), которые вносят заметный вклад в развитие цифровой экономики⁵ и обеспечение «устойчивости цифровой трансформации» (Giannopoulos, Staveris-Poykalas & Metallinos, 2022), являясь, по сути, ее неотъемлемым элементом.

Активность на околоземных орбитах резко возросла не только в ведущих космических державах (Россия, США, Китай), но и в Японии, Индии, отдельных государствах Евросоюза, в Великобритании, Бразилии. В общей сложности в настоящее время в мировой космической деятельности принимают участие порядка 90 стран мира⁶, а способностью независимого доступа в космос⁷ обладают уже 16 государств.

По утверждению российских экспертов, космос становится стратегическим фактором геэкономии (Клинова, 2024; Логинов & Логинов, 2010). При этом на текущем этапе усиливается значение космической деятельности как стратегического фактора геополитики, который вносит существенный вклад в состояние и перспективы обеспечения стратегической стабильности в мире. Вхождение в третье десятилетие XXI века связывается с переходом к новой фазе активного освоения не только околоземного, но и окололунного (цислунного⁸) пространства. Так, при активном международном сотрудничестве, хотя и в рамках выстраиваемого американоцентричного формата, развивается американская лунная программа «Артемиды», идет разработка российско-китайского лунного проекта, обсуждаются проекты ряда других стран и десятков частных организаций. Усиливается внимание к освоению

⁴ Van Gerven P. (2024) Space industry set to triple in 12 years. *Bits&Chips*. Available at: <https://bits-chips.nl/article/space-industry-set-to-triple-in-12-years/> (accessed 26 October 2024).

⁵ Например, согласно данным Международного союза электросвязи, экономический вклад широкополосной связи, цифровизации и информационно-коммуникационных технологий оценивается следующим образом: в среднем увеличение на 10% мобильной широкополосной связи (сети мобильного широкополосного доступа) ведет к росту ВВП на 1,5%(Giannopoulos, Staveris-Poykalas & Metallinos, 2022).

⁶ *The Organisation for Economic Co-operation and Development* (2024) Space economy. Available at: <https://www.oecd.org/en/topics/space-economy.html>(accessed 26 October 2024).

⁷ Независимый доступ в космос означает обладание собственными космодромами и возможностью производства средств запуска.

⁸ Термин «цислунное пространство» (англ. *cislunar space*) является еще не до конца устоявшимся, однако обычно под ним понимается регион космоса, включающий Землю, Луну и все точки Лагранжа этой системы. См.: Парфенов В. (2021) Космические силы США начали готовиться к операциям за пределами околоземной орбиты. *Naked Science*, 24 октября. Available at: <https://naked-science.ru/article/cosmonautics/a-primer-on-cislunar-space?nowprocket=1> (дата обращения: 26.10.2024).

цислунного пространства со стороны военных ведомств: например, по мнению ряда экспертов, космические силы США уже разрабатывают теоретическую основу для операций в так называемом цислунном пространстве⁹.

Стоит отметить, что на сегодняшний день экономические и стратегические активы цислунного пространства далеко не ясны. При этом налицо проблемы космического мусора, заполненности радиочастотного спектра, а также соперничество и конкуренция в области ССКБ. В этой связи космическое пространство часто называют «Космос 3С»¹⁰ (англ. *congested, contested and competitive* – перегрузка, соперничество, конкуренция). Задача мирового сообщества состоит в трансформации космического пространства в надежный, безопасный, стабильный и устойчивый регион («Космос 4S» – *safety, security, stable and sustainable*). Это имеет значение и для военных США, ориентирующихся на усиление кооперации со своими партнерами на международном уровне. Как отмечал доктор Дж. Пламб, помощник министра обороны США по вопросам оборонной составляющей космической политики, существует ряд мер, которые США совместно с партнерами могут предпринять для сдерживания конфликтов в космосе и повышения надежности, безопасности и стабильности космического домена.

Однако тренд на расширение милитаризации космоса вплоть до его «вепонизации»¹¹ проявляется все более явно, и прежде всего в США, а также в рамках НАТО. В целом, в третьем десятилетии нынешнего столетия действуют два разнонаправленных трека: на «вепонизацию» и на расширение мирного использования космического пространства, что в условиях динамичного наращивания космической активности требует оценки вклада космической деятельности в формирование полицентричного мироустройства.

Основные этапы эволюции космической программы США

США доминируют практически по всем важнейшим показателям космической деятельности: на них приходилось 62% глобального космического бюджета в 2022 г. и более 68% находящихся на орбите действующих спутников¹². На май 2023 г. на орбите находилось 5 174 американских спутника¹³, из которых только 258 или менее 5% – военные. По состоянию на сентябрь 2024 года только компания *SpaceX* заявляет уже о 6 426 спутниках *Starlink* на орбите, 6 371 из которых работают.¹⁴

⁹ Там же.

¹⁰ UN (2013) Outer Space Increasingly “Congested, Contested and Competitive”, First Committee. Sixty-eighth General Assembly. 25 October. Available at: <https://press.un.org/en/2013/gadis3487.doc.htm> (accessed 26 October 2024).

¹¹ Термин «вепонизация» широко используется в российских и зарубежных экспертных и академических кругах, но официально не входит в правовую российскую терминологию. Под ним понимают размещение оружия в космосе.

¹² По данным на май 2023 г.

¹³ РБК (2024) На что способны военные спутники и противокосмическое оружие разных стран. Available at: <https://www.rbc.ru/politics/06/07/2024/667976719a79474df43b7d1d?ysclid=lysl3jbgp9354870469> (дата обращения: 26.10.2024).

¹⁴ Pultarova T., Howell E. (2024) Starlink satellites: Facts, tracking and impact on astronomy. *Space.com*, 27 February. Available at: <https://www.space.com/spacex-starlink-satellites.html> (accessed 26 October 2024).

В Табл. 1 в схематично-визуальной интерпретации представлено развитие средств и систем космического базирования, а также отмечены наиболее важные вехи на примере космической программы США. Авторами исследования определяется спирально-эволюционный подход к развитию американской программы, что в целом укладывается в логику теории «спиральной динамики». В Табл. 1 в хронологической последовательности отмечены не только важнейшие инициативы и программы США в сфере космической деятельности¹⁵, но и соответствующие изменения в американской системе организации и управления: от чисто государственных программ к государственно-частному партнерству, развитию коммерциализации и далее к самоподдерживающейся системе в рамках самоорганизующихся сетей. Кроме того, в каждом временном промежутке (двадцатилетний период) выделены наиболее важные аспекты развития: процессы спин-офф и спин-он; взаимодействие военной и гражданской составляющих, процесс законодательно-правового обеспечения космической деятельности, начавшийся в 1980 г. с принятия Закона Стивенсона-Уайдлера¹⁶. На схеме авторы также подчеркивают расширение процесса коммерциализации: от появления частных космических компаний (*Space X*, *Blue Origin* и др.) до создания в 2015 г. *DIUx* (позднее переименованное в *DIU – Defense Innovation Unit*) – Отдела оборонных инноваций Министерства обороны США, расположенного в Кремниевой долине (с целью ускорения передачи научно-технических достижений частного сектора в военное ведомство) и разработки Стратегии интеграции коммерческого космоса, а также создания Космических сил США в 2018 г. Показательно, что среди целей создания американских Космических сил, помимо защиты американских национальных интересов в космосе и сдерживания агрессии (в космосе, из космоса и по отношению к космическим аппаратам), заявлено проведение космических операций¹⁷.

На заседании Национального совета по космосу США 9 сентября 2022 г. было принято решение, что в течение 180 дней НАСА, Министерство обороны США и Министерство торговли выработают рекомендации по ускорению национальных возможностей производства космических технологий при наращивании способности обеспечения потребностей по развитию производственной базы космонавтики¹⁸. За полтора года (с 9 сентября 2022 г. по 2 апреля 2024 г.) были определены важные положения, касающиеся развития американской космической деятельности. Среди важнейших

¹⁵ За рамками исследования остались выдающиеся достижения космической программы США в области планетологии и исследований межзвездного пространства.

¹⁶ Stevenson-Wydler Technology Innovation Act of 1980 – P.L.96-480.

¹⁷ *Congressional Research Service* (2023) Defense Primer: The United States Space Force. March 15. Available at: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/IF/IF11495> (accessed 26 October 2024).

¹⁸ *NASA, DoD, DoC* (2023) Space Manufacturing Technology Report. Submitted to The National Space Council. P. 2. Available at: <https://www.nasa.gov/wp-content/uploads/2023/12/nspc-space-manufacturing-technology-report-rev-12.20.23-final.pdf> (accessed 26 October 2024).

концептуальных документов и наработок следует выделить Национальную оборонно-промышленную стратегию 2023 г.¹⁹, стратегию «конкурентоспособной выносливости» Солтцмана, Объединенную концепцию конкурентоспособности²⁰, Стратегию интеграции коммерческого космоса 2024 г.

В выдвинутой Космическими силами США Стратегии «конкурентоспособной выносливости» в рамках новой американской «теории успеха»²¹ провозглашается необходимость обеспечения способности вооруженных сил США по достижению превосходства в космосе²². Вместе со Стратегией интеграции коммерческого космоса 2024 г., направленной на ускорение использования коммерческих достижений в интересах военного ведомства, а также на защиту коммерческих спутников со стороны МО США, стратегия «конкурентоспособной выносливости» демонстрирует углубление милитаризации космического пространства. С начала нового десятилетия идет усиление американской глобальной космической архитектуры. Одновременно с этим ведется активная работа по уменьшению ее уязвимости и повышению выживаемости.

При этом под превосходством в космосе американским военно-политическим руководством понимается способность использовать космические возможности для поддержки военных целей, одновременно не давая противникам использовать свои собственные²³.

¹⁹ *National defense Industrial Strategy (NDIS)* (2023) Department of Defense, USA.

²⁰ *The Joint Concept of Competing* (2023) Available at: <https://s3.documentcloud.org/documents/23698400/20230213-joint-concept-for-competing-signed.pdf> (accessed 6 December 2024).

²¹ Gordon C. (2023) Saltzman Unveils 'Theory of Success' as Space Force Debates Future. *Air and Space Force Magazine*, February 22. Available at: <https://www.airandspaceforces.com/saltzman-unveils-theory-of-success-as-space-force-debates-future/> (accessed 26 October 2024).

²² Hadley G. (2023) Saltzman Unveils 'Competitive Endurance' Theory to Guide Space Force. *Air and Space Force Magazine*, 7 March. Available at: <https://www.airandspaceforces.com/saltzman-unveils-competitive-endurance-theory-to-guide-space-force/> (accessed 26 October 2024).

²³ Harrison T. (2024) Where the Space Force's new 'theory of success' succeeds. *Defense One*, 22 January. Available at: <https://www.defenseone.com/ideas/2024/01/where-space-forces-new-theory-success-succeeds/393526/> (accessed 26 October 2024).

Таблица 1. Схематично-визуальное представление развития средств и систем космического базирования на примере космической программы США²⁴
 Table 1. Schematic-Visual Representation of the Space-Based Assets and Systems Development on the Example of the United States Space Program

Организационно-управленческие особенности Период	Государство		Государство и Государственно-частное партнерство (ГЧП)	Гос-во + ГЧП + начало движения к коммерциализации в рамках самоорганизующихся сетей	Гос-во + ГЧП + начало движения к коммерциализации + движение к самоподдерживающейся системе
	Министерство обороны (МО) и Национальный консультативный комитет по воздухоплаванию	МО (включая ДАРПА) и НАСА (1958)			
Начало 1950-х	A	ответ на так называемый технологический спор: запуск искусственного спутника Земли СССР(1957)			
1957 – 1970-е	Путь AB: <ul style="list-style-type: none"> • Научные открытия; исследования в сфере планетологии, околоземного пространства; • совершенствование РКТ; • процесс сплин-оф; развитие противоспутниковых систем (1961) 	<p>Программа Аполлон, начало разработки Спейс Шаттл и др.</p>	<p>1981 – первый полет Спейс Шаттл; 1991 – использование С4/обеспечение ВС США</p>	<p>МКС Создание коммерческих компаний (Space X, Blue Origin и др.) 3D-производство в космосе</p>	<p>Заключительный полет Спейс Шаттла (08.07.2011); Начало испытательных полетов космолана Х-37В(2011); Лунная программа «Артемиды»; Цислунное пространство</p>
1980-е -1990-е	Путь BC: <ul style="list-style-type: none"> • Взаимодействие военных и гражданских организаций; законодательно правовое регулирование; создание систем С4/и их использование в системе обеспечения действий ВС США (1991) 				
2000-е -2010-е	Путь CD: <ul style="list-style-type: none"> • Процессы сплин-офф и сплин-он; • создание международной космической станции (МКС); • создание коммерческих компаний (Space X, Blue Origin, Virgin Galactic и др.) • создание подразделения DUX(2015) МО США (расширение коммерциализации); • усиление процесса цифровизации; • создание Космических сил (2018) 				
2020-е -2030-е	Путь DE: <ul style="list-style-type: none"> • Новые цифровые технологии; • совершенствование традиционных технологий, включая ядерные энергетические установки; • новый мандат космических агентов (устойчивость развития космической деятельности); • ужесточение курса на милитаризацию (включая Стратегию интеграции коммерческого космоса 92024) и проработка доктрин, операционных концепций, тактики Космических сил США. 				
2040-е -2050-е	Путь EF: ?				Новый технологический спор: за?

²⁴ Составлено авторами на основе открытых источников: Панкова, 2006; Балухто, 2018; Wall M. (2019) The Private Spaceflight Decade: How Commercial Space Truly Soared in the 2010s. Space.com, 21 December. Available at: <https://www.space.com/private-spaceflight-decade-2010s-retrospective.html> (accessed 26 October 2024).

Космические технологии: основные компоненты и важнейшие инструменты ускорения развития

Космические технологии входят во все важнейшие списки критически важных и зарождающихся технологий не только ведущих мировых космических держав (прежде всего США, России и Китая), но и отдельных организаций и объединений, таких как НАТО²⁵ и ЕС. Еще в 2010–х гг. доктор экономических наук И.Э. Фролов отмечал, что космические технологии (имея в виду ракетно-космические технологии) потенциально могут послужить «ядром распространения не только кластера новых технологий, но и базовым условием формирования принципиально нового глобального нововведения» (Фролов, 2017) – создание нового инновационного продукта, способствующего научно-технологическому сдвигу, закладывающему переход к новому инновационному прорыву.

Справедливо может возникнуть вопрос, что станет новым «технологическим сюрпризом» в сфере космической деятельности. Новые возобновляемые транспортные системы, космоланы и межорбитальные буксиры, ядерные технологии при создании новых двигательных установок или сам процесс активной коммерциализации космической деятельности, создания новых форм государственно-частного партнерства, в том числе и на международном уровне, развитие военно-космических союзов? Авторы полагают, что новизну в ближайшее десятилетие принесут технологии освоения цислунного пространства и Луны (Блок 1).

Блок 1.

Что может сыграть роль глобального нововведения или нового технологического сюрприза? Новые возобновляемые транспортные системы, космоланы и межорбитальные буксиры, ядерные технологии при создании новых двигательных установок или сам процесс активной коммерциализации космической деятельности, создания новых форм государственно-частного партнерства, в том числе и на международном уровне, развитие военно-космических союзов? Может быть, технологии освоения цислунного пространства? (2020–2040–е гг. и далее).

Сегодня космический инновационно-цифровой потенциал становится все более важной составляющей совершенствования вооруженных сил и военной техники и повышения эффективности проведения военных операций (Панкова & Гусарова, 2023). Это обуславливает проведение постоянного мониторинга развития инновационно-цифрового потенциала, сравнительного межстранового анализа в рассматриваемой сфере и детальной оценки вклада космической деятельности с учетом формирования нового баланса сил.

²⁵ По признанию руководства НАТО, «космическое пространство – высоко динамичная и быстро меняющаяся сфера, которая принципиально важна для последовательной структуры сдерживания и обороны. Paulauskas K. (2020) Космос как важнейший рубеж НАТО. *NATO Review*. Available at: <https://www.nato.int/docu/review/ru/articles/2020/03/18/kosmos-kak-novejshij-rubeyo-nato/index.html> (дата обращения: 26.10.2024).

Следует также учитывать сложности и взаимное влияние основных критически важных и зарождающихся технологий широкого профиля, включая технологии военно-ориентированного характера в главных центрах инновационно-цифрового сдвига (Панкова & Гусарова, 2022). При этом, однако, далеко не завершена концептуальная проработка интеграционных возможностей новых зарождающихся технологий (Hooker, 2016; Панкова & Гусарова, 2023).

С появлением новых возможностей возникают и новые угрозы: кибератаки, углубление скрытности неправомерного доступа к информационным ресурсам, возможность несанкционированного воздействия на нейробиологические архитектуры и др.

Цифротехнологический пакет космонавтики²⁶

Рассмотрим критически важные космические технологии²⁷.

Цифровые составляющие: искусственный интеллект (ИИ) с глубоким обучением; интеллектуальная автономизация; квантовые технологии (информационные и сенсорные)²⁸; анализ больших данных; машинное обучение; сенсоры / мультисенсоры; моделирование и имитирование²⁹, аддитивные технологии; робототехника и автоматизация (включая технологии системы принятия решений); цифровые производственные системы;

Перспективные традиционные технологии: новые транспортные системы, включая многоразовые; перспективные двигатели (ионные, воздушно-ракетные электрические двигатели, космические плазменные сверхмалые двигатели); ядерные источники энергии в космосе; лазерно-оптические технологии; фотонные технологии³⁰; метагруппировки спутниковых систем (тысячи составляющих); технологии радиочастотного мониторинга³¹ (или космический радиочастотный мониторинг); «умные» спутники (в том числе и мини-спутники); космопланы; межорбитальные буксиры; технология направленной энергии; околоземные космические станции; перспективные материалы; чистое и устойчивое производство; производство электронных устройств; гиперзвуковые технологии.

²⁶ На основании изучения соответствующих материалов, прежде всего, ведущих космических держав: США, России, Китая.

²⁷ Более подробно критически важные, в том числе космические, технологии рассмотрены авторами в Панкова & Гусарова, 2022.

²⁸ NATO (2024) Summary of NATO's Quantum Technologies Strategy. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_221777.htm (accessed 26 October 2024).

²⁹ DoD (2023) National Defense Industrial Strategy (NDIS). P. 52. Available at: https://www.businessdefense.gov/docs/ndis/2023-NDIS.pdf&ved=2ahUKewjal97iqrOHAxUMJxAlHQZBE7EQFnoECBUQAQ&usg=AOvVaw2PoG-93SMaGm4QNmjcBR_Ql (accessed 26 October 2024).

³⁰ Для датчиков, измерительной и преобразующей аппаратуры, многоспектральных камер, компонентной базы и метаматериалов.

³¹ Erwin S. (2024) Space-based monitoring of electronic signals is now a commercial battleground. *Space News*, 3 June. Available at: <https://spacenews.com/space-based-electronic-eavesdropping-becomes-commercial-battleground/> (accessed 26 October 2024).

При этом семь технологий, выделенных в двух классах: (1) аддитивные технологии цифро-технологического пакета; (2) робототехника и автоматизация; (3) цифровые производственные системы; (4) перспективные материалы; (5) чистое и устойчивое производство, (6) электронное производство и (7) гиперзвуковые технологии³² – занимают приоритетные позиции в развитии производственной космической базы США³³.

Государственно-частное партнерство как инструмент развития

Государственно-частное партнерство (ГЧП) в США имеет длительную историю развития – уже почти 45 лет. В других государствах мира, в том числе в России и Китае, эти процессы получили развитие уже в нынешнем столетии.

Взаимодействие главных потенциальных участников ГЧП в сфере исследований и разработок (Rausser, Choi & Bayen, 2023) (государства, частных компаний и академии) достаточно хорошо отработано на протяжении длительного периода совершенствования американского законодательства в сфере инновационной деятельности начиная с Закона Стивенсона-Уайдлера (*Stevenson Wydler Technology Innovation Act of 1980 P.L. 96-480*) и Закона Бей-Джозела (*University and Small Business Patent Procedures Act of 1980 P.L. 96-517*). С начала 1980-х гг. просматривается движение к развитию ГЧП и в космосе, знаменующее новый этап в развитии космической программы США. В целом, по мнению некоторых экспертов, государственно-частное партнерство является одним из ключевых компонентов, управляющих инновационно-технологическим развитием и движением к национальному лидерству³⁴.

В условиях наращивания масштабов «экономики космоса» и перехода к новому этапу инновационно-технологического развития роль ГЧП как на национальном³⁵, так и на международном уровнях резко возрастает. Формируются новые модели, создаются новые продуктовые и сервисные рынки.

Международная космическая станция (МКС) – важный и в достаточной степени уникальный пример новой модели ГЧП, функционирующей в космосе. Так как космические агентства пытаются найти оптимальные решения в области «стоимость-эффективность», участие в МКС стимулировало промышленную активность, а также исследования и разработки частного сектора

³² Речь идет о производственных технологиях критически важных для разработки гиперзвуковых аппаратов, которые важны и для космического производства, имеются в виду материалы, теплозащитные покрытия, двигательные системы и т.д., которые противостоят высоким температурам и аэродинамическим силам, связанным с гиперзвуковыми фазами космического полета. NASA, DoD, DoC (2023) Space Manufacturing Technology Report. Submitted to The National Space Council. P. 7. Available at: <https://www.nasa.gov/wp-content/uploads/2023/12/nspc-space-manufacturing-technology-report-rev-12.20.23-final.pdf> (accessed 26 October 2024).

³³ Ibid, p. 2.

³⁴ ISS National Laboratory (2024) Public-Private Partnership in Space. Available at: <https://www.issnationallab.org/research-on-the-iss/public-private-partnerships-in-space/> (accessed 26 October 2024).

³⁵ Между государственными ведомствами и организациями, а также между государством и частным сектором.

(коммерческие запуски, коммерческие капсулы, коммерческие робототехнические средства, коммерческие услуги по сбору, анализу и оценке в области космического мусора). В 2005 г. посредством законодательного механизма американский космический сегмент МКС стал рассматриваться в качестве национальной лаборатории, с широким доступом к исследованиям и разработкам обширного класса государственных, коммерческих и академических организаций (пользователей). На рубеже третьего десятилетия текущего столетия такие агентства, как *JAXA* (Япония), *NASA* и *EKA* (Европейское космическое агентство), пытаются найти новые типы ГЧП³⁶.

С середины 2010-х гг. в США просматривается движение к партнерству государства и частного сектора через взаимодействие государства с коммерческим сектором. Важным событием явилось создание в 2015 г. в рамках Министерства обороны США Отдела оборонных инноваций (*DIUx*), непосредственно расположенного в Кремниевой долине. Основная задача *DIUx* – ускорение внедрения в вооруженные силы достижений коммерческого сектора. В апреле 2024 г. также была обнародована Стратегия интеграции коммерческого космоса (*Commercial Space Integration Strategy*)³⁷.

Появление частного сектора в области развития космических технологий – ключевой фактор быстрых технологических изменений в данной сфере. Это особенно затрагивает стоимость доставки спутников на орбиту: благодаря разработке частными предприятиями инновационных подходов по проектированию и эксплуатации, удалось значительно снизить стоимость доставки³⁸. Такие качества коммерческой составляющей космического сектора, как инновационные способности, масштабируемость производства, высокие скорости обновления технологий, укрепляют способность к быстрой адаптации упругость космической архитектуры национальной безопасности и открывают возможности создания новых конфигураций государственно-частных партнерств и сотрудничества, в том числе на международном уровне.

Сегодня коммерциализация космического сектора расширяется, диверсифицируя мандат их космических агентств, усиливая стремление к партнерству с промышленностью на национальных уровнях, отвечая техническим и инженерным вызовам³⁹.

³⁶ *OECD* (2019) *The Space Economy in Figures: How Space Contributes to the Global Economy*, OECD Publishing, Paris. DOI: 10.1787/c5996201-en. Available at: https://www.oecd.org/en/publications/the-space-economy-in-figures_c5996201-en.html (accessed 26 October 2024).

³⁷ *Department of Defense, USA* (2024) *Commercial Space Integration Strategy*. Available at: <https://media.defense.gov/2024/Apr/02/2003427610/-1/-1/2024-DOD-COMMERCIAL-SPACE-INTEGRATION-STRATEGY.PDF> (accessed 26 October 2024).

³⁸ См., например: Jones H.W. (2018) *The Recent Large Reduction in Space Launch cost*. Available at: <https://www.semanticscholar.org/paper/The-Recent-Large-Reduction-in-Space-Launch-Cost-Jones/1a4659bc1320f193ae0965811e78425985f58055> (accessed 27 November, 2024.); *Future Timeline* (2018) *Launch costs to low Earth orbit, 1980–2100*. September 1. Available at: <https://futuretimeline.net/data-trends/6.htm> (accessed 27 November, 2024).

³⁹ Thomas T., Martinez M., Eidem M., Scott C., Reche M. (2024) *Strategies for Space Agency Success in a Commercial Era*. *Boston Consulting Group*. Available at: <https://www.bcg.com/publications/2024/strategies-for-space-agency-success-in-a-commercial-era> (accessed 26 October 2024).

В то же время следует обратить внимание на то, что де-факто Стратегия интеграции коммерческого космоса Министерства обороны США ставит под свой контроль практически весь спектр передовых цифровых решений, а также новые формы ГЧП.

Вместо заключения: космическая составляющая «сдерживания»

Долгосрочные планы мировой космонавтики будут реализовываться через эволюцию критически важных зарождающихся технологий и инновационно-цифровых прорывов, выстраиваемых в рамках непрерывного совершенствования национальных организационно-управленческих структур⁴⁰, расширения сотрудничества и формирования военно-космических союзов на международном уровне.

Изучение новых критически важных зарождающихся технологий свидетельствует не только о неизбежности их вклада в изменение характера вооруженной борьбы, но и о формировании некоего нового формата стабильности. В военно-политических кругах США все чаще говорят о «космическом сдерживании», которое фокусируется на предотвращении нападений на средства и системы космического базирования, а не обязательно на использовании космических средств для сдерживания агрессии как таковой (Richter, 2024).

Милитаризация космического пространства (связанная, прежде всего, с использованием систем *C4ISR* и *PNT* для обеспечения действия вооруженных сил) и, по мнению авторов, неуклонное движение к «вепонизации» космоса – свидетельство нарастающей конфликтности в космической сфере. Показательно, что даже в НАТО разработана новая концепция использования космоса (2022 г.), что, безусловно, требует неотложных и широких дискуссий на мировом уровне.

Совершенствование информационно-коммуникационных возможностей космических систем, доказанная результативность их использования в системах высокоточного оружия способствуют активизации исследований в области создания космических вооружений. Сегодня существуют (и уже испытаны США, Россией, Китаем и Индией) лишь системы противоспутникового оружия.

Изучение инновационно-цифрового потенциала ведущих космических держав показывает, что следует обратить внимание на военное использование космопланов, уже существующих в США *X-37B*, разрабатываемых в Китае и находящихся на стадии НИР в России; использование направленной энергии (лазеры, пучковое оружие); средств радиоэлектронного противодействия; возможностей кибер-атак и спутников-инспекторов. Все это свидетельствует о необходимости более активных обсуждений, касающихся вопросов развития космических вооружений, с целью недопущения вепонизации космического пространства.

⁴⁰ Как продемонстрировал проведенный анализ, это особенно наглядно проявляется в рамках эволюции космической программы США.

Список литературы

1. Балухто А.Н. (2018) Искусственный интеллект в космических многоспутниковых системах на базе малых космических аппаратов: технологии и основные направления применения. *Симпозиум. 53-и Научные чтения, посвященные разработке научного наследия и развитию идей К.Э. Циолковского*. Available at: <https://readings.gmik.ru/lecture/2018-ISKUSSTVENNIY-INTELLEKT-V-KOSMICHESKIH-MNOGOSPUTNIKOVYH-SISTEMAH-NA-BAZE-MALIH-KOSMICHESKIH-APPARATOV-TEHNOLOGII-I-OSNOVNIE-NAPRAVLENIYA-PRIMENENIYA> (дата обращения: 26.10.2024).
2. Клинова М.В. (2024) Экономика космоса: глобальный контекст и опыт Франции. *Мировая экономика и международные отношения* 2(68): 16–26.
3. Логинов Е.А., Логинов А.Е. (2010) Космос как стратегический приоритет в борьбе за экономическое лидерство в XXI веке. *Национальные интересы: приоритеты и безопасность* 25(82): 52–61.
4. Нестеров А. (2020) Влияние космических технологий на американскую стратегию сдерживания. *Дипломатическая служба* 6. DOI:10.33920/vne-01-2006-04.
5. Панкова Л.В. (2023) Экономика космоса: общий подход, основные показатели и факты. *Московский экономический журнал* 6: 585–598. DOI: 10.55186/2413046X_2023_8_6_296.
6. Панкова Л.В., Гусарова О.В. (2020) Научно-технологическая проекция космической деятельности. В: А.Г. Арбатов (ред.) *Контроль над вооружениями в новых военно-политических и технологических условиях*. М., ИМЭМО РАН., 2020. 177 с.
7. Панкова Л.В., Гусарова О.В. (2022) Мировая инновационно-цифровая экспансия: особенности момента. *Вестник Российской академии наук* 10(92): 971–983. DOI: 10.31857/S0869587322100097.
8. Панкова Л.В., Гусарова О.В. (2023) Перспективные технологии стратегического уровня. В: А.Г. Арбатов, К.В. Богданов, О.В. Гусарова, М.Г. Евтодьева (ред.) *Международная безопасность: новый миропорядок и технологическая революция*. ИМЭМО РАН. Москва: Издательство «Весь Мир». 432 с.
9. Фролов И.Э. (2017) Развитие мировых высокотехнологичных производств и космические рынки: сможет ли космонавтика стать новым глобальным нововведением? *Экономическая наука современной России* 4: 47–57. Available at: <https://www.ecr-journal.ru/jour/article/view/205> (дата обращения: 26.10.2024).
10. Giannopapa C., Staveris-Poykalas A., Metallinos S. (2022) Space as an enabler for sustainable digital transformation: The new space race and benefits for newcomers. *Acta Astronautica* 198: 728–732. DOI: 10.1016/j.actaastro.2022.06.005.
11. Hooker R.D. (ed.) (2016) *Charting a Course. Strategic Choices for a New Administration*. Washington, DC: National Defense University Press. 381 p. Available at: <https://ethz.ch/content/dam/ethz/special-interest/gess/cis/center-for-securities-studies/resources/docs/NDU-charting-a-course.pdf> (accessed 26 October 2024).
12. Rausser G., Choi E., Bayen A. (2023) Public-private partnerships in fostering outer space innovations. *Proceedings of the National Academy of Sciences* 43(120). DOI: 10.1073/pnas.2222013120. Available at: <https://www.pnas.org/doi/10.1073/pnas.2222013120> (accessed 26 October 2024).
13. Richter E.C. (2024) Achieving Alliance Space Deterrence: A proposal for NATO "Space Deterrence". *Air War College, Air University*. 22 March. Available at: https://www.spacecom.mil/Portals/57/Achieving%20Alliance%20Space%20Deterrence-A%20Proposal%20for%20NATO%20Space%20Defense_Lt%20Col%20E%20Richter%20USAFR_May%202024.pdf (accessed 26 October 2024).
- 14.中国人民解放军国防大学 (National Defense University) (2020) *战略学 (2020版) 第八章 战略威慑* (Science of Military Strategy (2020 Ed.) Chapter 8: Strategic Deterrence). CSIS Interpret: China, original work published in National Defense University Press [中国人民解放军国防大学出版社], August 1, 2020. Available at: <https://interpret.csis.org/translations/science-of-military-strategy-2020-ed-chapter-8-strategic-deterrence/> (accessed 26 October 2024).

INNOVATION AND DIGITAL POTENTIAL OF GLOBAL SPACE ACTIVITIES: PECULIARITIES OF THE CURRENT STAGE

Dr. Ludmila V. PANKOVA – Head of Department of Military–Economic Security Studies, Head of the Sector of Military Economy and Innovations, Center for International Security, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations Russian Academy of Sciences (IMEMO RAS).

ORCID: 0000-0003-3500-4741. E-mail: lpankova@imemo.ru
23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997.

Olga V. Gusarova – Head of Center for Scientific and Educational Projects Research Fellow, Department of Military–Economic Security Studies, Center for International Security, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations Russian Academy of Sciences (IMEMO RAS).

ORCID: 0000-0001-5414-0365. E-mail: olgusarova@imemo.ru
23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997.

Acknowledgments: The article was prepared with the support of a grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for conducting large-scale scientific projects in priority areas of scientific and technological development No. 075-15-2024-551 “Global and regional centers of power in the emerging world order”.

Abstract: The article is devoted to the analysis of the main aspects of the development of the world space activities: the growth of the space economy; an increase in the number of space activities subjects (both in the country aspect and in the functional aspects, such as the state, the private sector, public-private partnership). The impact of the space activities on the development of other sectors of the economy is emphasized. Particular emphasis of this conducted research is on the American space activities. The spiral-evolutionary approach to the development of space activities is discussed. The most important key space technologies both in terms of the development of space-based facilities and systems and the space production complex and also the main approaches of the leading space countries to the development of the space weapons are determined by the authors. In total identified aspects underline the necessity for the extension of the discussion platforms for the activating debates concerning determination of the prospects for the development of the world space activity.

Keywords: space activities, space economy, digital technologies, public-private partnership, commercialization, spiral-evolutionary approach, deterrence.

References:

1. Balukhto A.N. (2018) *Iskusstvennyi intellekt v kosmicheskikh mnogosputnikovykh sistemakh na baze malykh kosmicheskikh apparatov: tekhnologii i osnovnye napravleniia primeneniia* [Artificial intelligence in space multi-satellite systems based on small spacecraft: technologies and main areas of application]. *Simposium. 53-i Nauchnye chteniia*,

- posviashchennye razrabotke nauchnogo nasledii i razvitiu idei K.E. Tsiolkovskogo [53rd Scientific Readings Dedicated to the Development of the Scientific Heritage and the Development of the Ideas of K.E. Tsiolkovsky]*. Available at: <https://readings.gmik.ru/lecture/2018-ISKUSSTVENNIY-INTELLEKT-V-KOSMICHESKIH-MNOGOSPUNIKOVIIH-SISTEMAH-NA-BAZE-MALIH-KOSMICHESKIH-APPARATOV-TEHNOLOGII-I-OSNOVNIE-NAPRAVENIYA-PRIMENENIYA> (accessed 26 October 2024) (In Russian).
2. Frolov I.E. (2017) Razvitie mirovykh vysokotekhnologichnykh proizvodstv i kosmicheskie rynki: smozhet li kosmonavtika stat' novym global'nym novovvedeniem? [The Development of the World High Technology Manufacturing and Space Markets: Will Astronautics Become a New Global Innovation?] *Ekonomicheskaya nauka sovremennoi Rossii [Economics of Contemporary Russia]* 4: 47-57. Available at: <https://www.ecr-journal.ru/jour/article/view/205> (accessed 26 October 2024) (In Russian).
 3. Giannopapa C., Staveris-Poykalas A., Metallinos S. (2022) Space as an enabler for sustainable digital transformation: The new space race and benefits for newcomers. *Acta Astronautica* 198: 728-732. DOI: 10.1016/j.actaastro.2022.06.005.
 4. Hooker R.D. (ed.) (2016) *Charting a Course. Strategic Choices for a New Administration*. Washington, DC: National Defense University Press. 381 p. Available at: <https://ethz.ch/content/dam/ethz/special-interest/gess/cis/center-for-securities-studies/resources/docs/NDU-charting-a-course.pdf> (accessed 26 October 2024).
 5. Klinova M.V. (2024) Ekonomika kosmosa: global'nyi kontekst i opyt Frantsii [Space Economy: Global Dimension and France's Experience]. *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia [World Economy and International Relations]* 2(68): 16-26. (In Russian).
 6. Loginov E.A., Loginov A.E. (2010) Kosmos kak strategicheskij prioritet v bor'be za jekonomicheskoe liderstvo v XXI veke [Space as a strategic priority in the struggle for economic leadership in the 21st century]. *Nacional'nye interesy: priority i bezopasnost' [National interests: priorities and security]* 25(82): 52-61. (In Russian).
 7. Nesterov A. (2020) Vliianie kosmicheskikh tekhnologii na amerikanskuiu strategiiu sderzhivaniia [Impact of space technology on us deterrence strategy]. *Diplomaticheskaja sluzhba [Diplomatic Service]* 6. DOI:10.33920/vne-01-2006-04. (In Russian).
 8. Pankova L.V. (2023) Ekonomika kosmosa: obshchii podkhod, osnovnye pokazateli i fakty [The Space Economy: Common Approach, Basic (Major) Indices and Facts]. *Moskovskii ekonomicheskii zhurnal [Moscow Economic Journal]* 6: 585-598. DOI: 10.55186/2413046X_2023_8_6_296. (In Russian).
 9. Pankova L.V., Gusarova O.V. (2020) Nauchno-tekhnologicheskaya proekciya kosmicheskoi deyatel'nosti [Scientific and Technological Projection of Space Activities]. In: A.G. Arbatov (ed.) *Kontrol' nad vooruzheniyami v novyh voenno-politicheskikh i tekhnologicheskikh usloviyah [Arms Control in New Military, Political and Technological Conditions]*. M.: IMEMO RAN. 177 p.
 10. Pankova L.V., Gusarova O.V. (2022) Mirovaia innovatsionno-tsifrovaia ekspansii: osobennosti momenta [World Innovative Digital Expansion: Characteristics of the Moment]. *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk [Herald of the Russian Academy of Sciences]* 10(92): 971-983. DOI: 10.31857/S0869587322100097. (In Russian).
 11. Pankova L.V., Gusarova O.V. (2023) Perspektivnye tekhnologii strategicheskogo urovnia [Prospective strategic-level technologies]. In: A.G. Arbatov, K.V. Bogdanov, O.V. Gusarova, M.G. Evtodyeva (eds.) *Mezhdunarodnaia bezopasnost': novyi miroporiadok i tekhnologicheskaja revoliutsiia [International security: the new world order and technology revolution]*. IMEMO RAN. Moscow: Ves Mir Publishing House. 432 p. (In Russian).
 12. Rausser G., Choi E., Bayen A. (2023) Public-private partnerships in fostering outer space innovations. *Proceedings of the National Academy of Sciences* 43(120). DOI: 10.1073/pnas.2222013120. Available at: <https://www.pnas.org/doi/10.1073/pnas.2222013120> (accessed 26 October 2024).

13. Richter E.C. (2024) Achieving Alliance Space Deterrence: A proposal for NATO "Space Deterrence". *Air War College, Air University*. 22 March. Available at: https://www.spacecom.mil/Portals/57/Achieving%20Alliance%20Space%20Deterrence-A%20Proposal%20for%20NATO%20Space%20Defense_Lt%20Col%20E%20Richter%20USAFR_May%202024.pdf (accessed 26 October 2024).
14. 中国人民解放军国防大学 (*National Defense University*)(2020) 战略学 (2020版) 第八章 战略威慑 (Science of Military Strategy (2020 Ed.) Chapter 8: Strategic Deterrence). CSIS Interpret: China, original work published in National Defense University Press [中国人民解放军国防大学出版社], August 1, 2020. Available at: <https://interpret.csis.org/translations/science-of-military-strategy-2020-ed-chapter-8-strategic-deterrence/> (accessed 26 October 2024).

ВЛИЯНИЕ АНТИРОССИЙСКИХ САНКЦИЙ ЕС НА ТОРГОВЛЮ ЭНЕРГОНОСИТЕЛЯМИ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ЕЕ КЛЮЧЕВЫМИ ПАРТНЕРАМИ

Светлана БАЛАХОНОВА, Екатерина КНЯЗЬКИНА,
Екатерина АРАПОВА
МГИМО МИД России

Аннотация: Российская энергетическая отрасль является объектом санкций ЕС с 2014 г. С февраля 2022 г. Европейский союз ввел серию беспрецедентных ограничений, затрагивающих торговлю российским топливом – весьма чувствительную для обеих сторон сферу, в которой каждая из них имеет прагматический интерес. Установление в 2022 г. «потолка» цен на нефть явилось апогеем санкционной политики объединения в отношении российского топливно-энергетического комплекса, став одной из самых жестких мер за всю историю антироссийских ограничений ЕС в области энергетики. С целью адаптации к новым реалиям направления экспорта российской нефтяной отрасли были переориентированы из Европы в Азию. Санкционная политика Европейского союза в отношении российского ТЭК и оценка ее влияния на мировой рынок энергетики находятся в фокусе внимания ряда отечественных и зарубежных исследователей. Вместе с тем недостаточно изученными остаются вопросы эффективности российской стратегии адаптации к ограничениям ЕС в данной сфере, а также влияние этой стратегии на ключевых торговых партнеров России. Цель настоящего исследования заключается в том, чтобы выявить, какое воздействие санкции ЕС в отношении российского топливно-энергетического комплекса оказывают на торговлю энергоносителями между Россией и ее основными контрагентами; отразить современные

Светлана Игоревна Балахонова – младший научный сотрудник, Институт международных исследований, МГИМО МИД России.

ORCID: 0009-0009-2857-4405. E-mail: s.balakhonova@inno.mgimo.ru
119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76.

Екатерина Сергеевна Князькина – младший научный сотрудник, Институт международных исследований, МГИМО МИД России.

ORCID: 0009-0003-4709-8949. E-mail: e.s.knyazkina@yandex.ru
119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76.

Екатерина Яковлевна Арапова – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт международных исследований; заместитель декана Факультета международных отношений, МГИМО МИД России.

ORCID: 0000-0001-8765-9825. E-mail: arapova_katrin@mail.ru
119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76.

Поступила в редакцию: 22.05.2024

Принята к публикации: 16.09.2024

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарность. Статья подготовлена при финансовой поддержке Института международных исследований МГИМО МИД России, проект № 2025-04-06.

тенденции торговых отношений России с Китаем, Индией и Турцией в области энергетики; оценить эффективность российской стратегии адаптации к новым реалиям. В результате проведенного анализа авторы приходят к следующему выводу: в краткосрочной перспективе отечественной нефтяной отрасли удалось оперативно отреагировать на возникшие вызовы, что стало возможным за счет предоставления значительных скидок новым партнерам. В ходе применения данной стратегии адаптации российской экономики к актуальным условиям на мировом энергорынке определился круг ключевых бенефициаров последствий санкционной политики ЕС: Индия, Китай и Турция.

Ключевые слова: санкционная политика, санкции в области энергетики, топливно-энергетический комплекс, торговля энергоносителями, Россия, ЕС, Китай, Индия, Турция

С 2014 г. Европейский союз проводит в отношении России политику ограничительных мер, ряд которых направлен против российского топливно-энергетического сектора. Поскольку избранный курс затрагивает совокупность наиболее чувствительных для объединения сфер, его имплементация носит селективный характер и учитывает прагматические интересы, что выражается в использовании стратегии «выборочного взаимодействия».

Введение ценового «потолка» на нефть стало апогеем санкционного давления на российский энергетический сектор. И хотя применение этого инновационного инструмента имеет ряд ограничений (что в свою очередь свидетельствует о наличии определенных сдерживающих факторов в санкционной политике ЕС на данном направлении), оно способствовало адаптации российской энергетической отрасли к новым условиям, тем самым оказав влияние как на саму Россию, так и на ее ключевых торговых партнеров, включая Индию, Китай и Турцию.

Санкционная политика ЕС в отношении российского топливно-энергетического комплекса (ТЭК) и дискуссия о ее влиянии на мировой энергетический рынок уже находятся в фокусе внимания российских и зарубежных исследователей.

Особое место в работах отечественных специалистов занимает анализ рисков для экономики, в числе которых влияние «потолка» цен на перспективы реализации российского топлива на мировом рынке. Так, А.В. Голубчик и Е.В. Пак приходят к выводу о том, что полное вытеснение российской нефти из международной торговли маловероятно (Голубчик & Пак, 2023). Некоторые авторы обращают внимание на инструментальный характер энергетической политики ЕС и России и ставят под сомнение вероятность сохранения их взаимозависимости в условиях глубокого ценностно-политического разрыва (Боровский, 2023а; Боровский, 2023б). Отдельный блок исследований посвящен выявлению ключевых бенефициаров санкционной политики ЕС в энергетической сфере, среди которых США, Великобритания, Катар, Норвегия, Индия, Китай, ОАЭ и Саудовская Аравия (Nguyen & Khominich, 2024).

Одни зарубежные специалисты фокусируются на оценке результативности применения экономического инструментария ЕС с точки зрения его влияния на поведение России (Schmidt-Felzmann, 2019). Другие изучают распределение экономических эффектов санкций для России и для государств, входящих в состав объединения, заключая, что для первой последствия примерно в пятнадцать раз более ощутимы, чем для второго. При этом между его странами – участницами эффекты распределены неравномерно – в Восточной Европе они более выражены, что, помимо прочего, связано с отсутствием необходимой инфраструктуры и большей энергетической зависимостью (Giumelli, 2017; Imbs & Pauwels, 2023). Ряд иностранных экспертов на примере введенных Европейским союзом ограничений в области энергетики оценивает степень его субъектности на международной арене сквозь призму возможности проводить согласованную политику и отвечать на внешние вызовы. Авторы приходят к следующему выводу: рестриктивные меры неразрывно связаны с другими компонентами и инструментами общей политики ЕС; возникающие разногласия между государствами-членами относительно принятия новых пакетов санкций в энергетической сфере обусловлены опасениями, связанными с безопасностью поставок, географическими ограничениями или реализацией коммерческих интересов (Giumelli, 2021; Portela, 2021; Batzella, 2024).

Таким образом, в отечественной и зарубежной литературе рассматривается эффективность санкций ЕС в области энергетики, их место в общей политике объединения, а также влияние на Россию и на третьи страны (преимущественно в разрезе компаний). Вместе с тем сохраняются лакуны в понимании амбивалентной природы санкционной политики ЕС, в рамках которой вводимые ограничения соизмеряются с прагматическим интересом. Недостаточно изученными остаются вопросы эффективности российской стратегии адаптации к ограничительным мерам ЕС в сфере энергетики, а также влияния этой стратегии на ключевых торговых партнеров России. Отдельно следует отметить политизированность зарубежной аналитики по данной проблематике.

Настоящее исследование представляет собой попытку более объективно оценить влияние санкций ЕС в отношении российского ТЭК на торговлю энергоносителями между Россией и ее ключевыми торговыми партнерами, выявить актуальные тенденции сотрудничества России с Китаем, Индией и Турцией в области энергетики и дать оценку эффективности стратегии адаптации России к новым реалиям.

Место российского топливно-энергетического комплекса в санкционной политике ЕС в отношении России с 2014 г.

Проводя всеобъемлющую санкционную политику против России с 2014 г., Европейский союз сохраняет удивительную степень единства и устойчивости, несмотря на разногласия между входящими в его состав государствами, перманентные опасения и скепсис относительно возможности достичь соглашения о продлении санкций в будущем. Любые же предложения о заключении

энергетических и торговых сделок, поступающие со стороны России непосредственно в адрес членов Евросоюза, рассматриваются как попытка внести раскол в объединение.

При проведении санкционной политики в отношении России ЕС руководствуется в том числе принципами, оформленными в Глобальной стратегии внешней политики и политики безопасности Европейского союза 2016 г.¹, среди которых для последующего анализа можно выделить следующие:

- повышение устойчивости к внешним угрозам, включая гибридные, а также в энергетической и информационной сферах;
- стремление к «выборочному взаимодействию» с Россией в тех сферах, где присутствует явный интерес ЕС (климатическая повестка, Арктика, обеспечение безопасности на море, образование, наука, трансграничное сотрудничество).

Данные принципы представляют собой комбинацию защитных мер и избирательного применения силы, оставляя пространство для реализации собственного прагматического интереса и поиска компромисса между государствами-членами. В этих условиях проведение санкционной политики по-прежнему воспринимается как целесообразное, возможностей для каких-либо существенных изменений в отношениях с Россией не просматривается. Политика ЕС на соответствующем направлении основывается на сдерживании и экономических санкциях, признаки готовности идти на компромисс отсутствуют. Взаимное разочарование, вероятно, останется ключевой характеристикой двусторонних отношений в кратко- и среднесрочной перспективе. Взаимодействие в сфере торговли топливно-энергетическими ресурсами не является исключением.

Комплементарное положение ЕС – как основного потребителя энергоресурсов – и России – как их основного поставщика – в двусторонних торговых отношениях обусловило состояние взаимозависимости, что вкупе с географической близостью привело к возникновению проблемных вопросов в области энергетики. Взаимодействие ЕС и России в данной сфере исторически характеризовалось сочетанием обоюдной зависимости, сотрудничества и некоторой напряженности (Goldthau & Sitter, 2015; Prontera, 2017; Siddi & Kustova, 2021) и рассматривалось в терминах безопасности (имеется в виду прежде всего стремление к снижению рисков для поставок в ЕС и включение энергетической независимости в число целей внешней политики) (Casier, 2011). В силу перечисленных обстоятельств санкционная политика, инициированная в 2014 г. и достигшая своего апогея в 2022 г., влияет на динамику отношений ЕС и России в энергетической сфере и ведет к обострению имеющихся в последнее время проблем. При этом рестрикции характеризуются

¹ *European External Action Service (2016) A Global Strategy for the European Union's Foreign And Security Policy "Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe."* Available at: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/eugs_review_web_0.pdf (accessed 8 October 2024).

амбивалентностью, поскольку затрагивают наиболее чувствительную как для России, так и для ЕС область, в которой до февраля 2022 г. происходило наиболее тесное взаимодействие сторон, разделяющих прагматический интерес.

Отмеченные обстоятельства выступают в роли ограничительных факторов санкционной политики ЕС в данной сфере. В то время как США, например, могут ввести рестриктивные меры против России с относительно небольшим ущербом для собственной экономики («сланцевая революция» превратила Соединенные Штаты в ведущего экспортера нефти и газа (Боровский, 2023b)), подход ЕС требует большей осмотрительности.

Так, начиная с весны 2022 г., на фоне витка напряженности в отношениях с Россией Европейский союз утвердил серию санкционных пакетов, в которых в качестве объекта фигурировал и российский энергетический сектор. Примечательно, что в большинстве случаев введение рестрикций не сопровождалось существенными разногласиями между государствами – членами объединения, чего, впрочем, нельзя сказать об ограничительных мерах в отношении импорта нефти и услуг по ее транспортировке. Они были включены в шестой санкционный пакет, принятый с определенным временным лагом по сравнению с предыдущими пятью². Отсутствие единодушия по вопросу санкций ЕС в энергетическом секторе было связано с различными факторами, в том числе с уровнем энергетической зависимости от России и коммерческими интересами отдельных государств, входящих в состав Европейского союза.

Тем не менее подобные шаги демонстрируют, что на стратегическом уровне государства – члены ЕС способны проявлять солидарность, даже если речь идет об интересах в энергетической сфере, и идти на весьма серьезные жертвы, когда на кону оказываются ценностные установки так называемого западного мира (Боровский, 2023b).

Новым санкционным инструментом стал законодательный механизм для установления предельной цены на российскую нефть (*pricetap*). В целях его соблюдения был введен запрет для лиц, находящихся в юрисдикции государств-инициаторов (включая членов ЕС), перевозить нефть российского происхождения и оказывать сопутствующие услуги в виде страхования и финансирования, если ее конечная стоимость будет превышать предписанный лимит³.

Установление ценового «потолка» на нефть стало своего рода кульминацией санкционной политики в отношении российского ТЭК. Однако стоит иметь в виду, что торговля нефтью в сравнении с торговлей газом никогда

² *Center for Strategic and International Studies* (2022) European Union Prepares to Ban Russian Oil. Available at: <https://www.csis.org/analysis/european-union-prepares-ban-russian-oil> (accessed 8 October 2024).

³ *European Commission* (2024) Oil Price Cap. Related Provision: Article 3 of Council Regulation 833/2014. Available at: https://finance.ec.europa.eu/system/files/2024-01/guidance-russian-oil-price-cap_en.pdf (accessed 8 October 2024).

не являлась полем тесного взаимодействия России и ЕС. Кроме того, более радикальные ограничения по данному направлению отсутствуют. Из этого следует, что, несмотря на стремление к снижению топливной зависимости (Кавешников, 2011) и секьюритизацию энергетической сферы (Потемкина, Кавешников & Кондратьева, 2012), обуславливающую весь санкционный курс, Европейский союз принимает в расчет свой прагматический интерес при введении новых рестрикций и их законодательном закреплении на уровне объединения. По этой причине ограничительные меры коснулись лишь угля, нефти и нефтепродуктов, оставив нетронутыми такие важные компоненты торговли между ЕС и Россией, как газ и атомная энергетика.

Вместе с тем применение санкций в отношении российского ТЭК, а также использование новой для ЕС практики тиражирования вторичных санкций за нарушение режима⁴ не только оказали влияние на двустороннее взаимодействие в энергетической сфере, но и послужили импульсом для изменений на мировом энергетическом рынке, побудив Россию искать новых крупных торговых партнеров. К настоящему времени определился круг основных бенефициаров последствий санкционной политики ЕС.

Влияние санкционной политики ЕС в отношении российского ТЭК на торговлю энергоносителями между Россией и ее ключевыми торговыми партнерами

Переориентация направлений российского экспорта энергоносителей

Установление «потолка» цен на российскую нефть и нефтепродукты сопровождалось неопределенностью относительно того, как данный механизм будет работать, что в купе с риском возникновения дефицита оказало существенное влияние на перспективы участия России в мировой экономической системе.

Несмотря на беспрецедентно жесткие ограничения ЕС, критического сокращения производства и продаж российской нефти не произошло: в 2022 г. суточный объем добычи увеличился на 1,8% по сравнению с 2021 г., при этом на протяжении 2013–2023 гг. этот показатель возрастал в среднем на 0,2% ежегодно⁵. В 2022 г. физический объем поставок нефти из России в ЕС уменьшился на 17% относительно среднего уровня 2020–2021 гг., а в 2023 г. – в 6 раз⁶. Если в 2021 г. на западные страны, включая членов ЕС, приходилось более половины российского экспорта нефти (около 57%), то по итогам 2022 г. их доля снизилась до 38%, а по итогам 2023 г. – до 9%. По состоянию на 2024 г. Россия поставляет нефть только в те страны ЕС, которые получили исключение

⁴ Council of the EU (2022) Council Regulation (EU) 2022/1905 amending Regulation (EU) No 269/2014 concerning restrictive measures in respect of actions undermining or threatening the territorial integrity, sovereignty and independence of Ukraine. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2022/1905> (accessed 8 October 2024).

⁵ The Energy Institute Statistical Review of World Energy (2024) Available at: https://www.energyinst.org/_data/assets/pdf_file/0006/1542714/684_EI_Stat_Review_V16_DIGITAL.pdf (accessed 8 October 2024).

⁶ Bruegel Datasets (2022) Russian foreign trade tracker. Available at <https://www.bruegel.org/dataset/russian-foreign-trade-tracker> (accessed 11 September 2024).

из эмбарго: в Болгарию, Чехию, Словакию и Венгрию. Благодаря скидкам по-токи нефти были переориентированы из Европы в Азию. Основными покупателями российской нефти на сегодняшний день являются Китай, Индия и Турция: объем экспорта нефти в Китай в 2023 г. увеличился на 25% по сравнению с 2021 г. (с 80 до 100 млн т), в Индию – в 35 раз (с 2 до 70 млн т), в Турцию – в 2,5 раза.⁷

Показатели экспорта российского природного газа в КНР по трубопроводу повысились на 49% в 2022 г. и в 1,5 раза в 2023 г.; объемы экспорта сжиженного природного газа (СПГ) также демонстрировали рост: на 35,2% в 2022 г. и на 23% в 2023 г.⁸ На ближайшие годы планируется углубление стратегического газового партнерства между Россией и Китаем, чему в значительной степени может поспособствовать развитие транспортной инфраструктуры (в частности, строительство газопровода «Сила Сибири – 2»).

Тем не менее рост поставок в страны Азии оказался недостаточным для того, чтобы в полной мере избежать падения объемов добычи и экспорта нефти и газа. Так, объем добычи природного газа в 2022 г. сократился на 12%, объем экспорта – на 25%. В то же время показатели производства и продажи СПГ возросли: на 8,1 и 7,9% соответственно⁹.

Среди аспектов негативного влияния санкционной политики ЕС на российский ТЭК следует выделить риск падения объемов производства нефтепродуктов, которые были востребованы в первую очередь на рынках ЕС. В Азии существуют свои центры переработки нефти, поэтому при переориентации экспорта российских энергоресурсов на восток риск сокращения объемов нефтепереработки выше, чем добычи сырой нефти. Тем не менее некоторые страны все же проявляют интерес к закупке российских нефтепродуктов. Так, после закрытия доступа на рынок ЕС основными направлениями экспорта нефтепродуктов из России стали Турция, Бразилия, некоторые страны Азии и Африки (Ливия, Марокко, Нигерия, Гана)¹⁰.

При этом следует учитывать, что объемы потребления нефтепродуктов в странах, в пользу которых происходит переориентация российского экспорта, не достигают уровня спроса европейской экономики¹¹. Более того, за эти объемы российские экспортеры вынуждены конкурировать с поставщиками

⁷ *Invest Heroes research portal* (n.d.) Available at <https://portal.invest-heroes.ru/analytics/shares?market=rus§or=%D0%9D%D0%B5%D1%84%D1%82%D0%B5%D0%B3%D0%B0%D0%B7> (accessed 8 October 2024).

⁸ Kardaš S. (2023) Conscious uncoupling: Europeans' Russian gas challenge in 2023. In: *European Council on Foreign Relations*. Available at: <https://ecfr.eu/article/conscious-uncoupling-europeans-russian-gas-challenge-in-2023/> (accessed 8 October 2024).

⁹ *Росстат* (2023) Динамика промышленного производства в 2022 году. Available at: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/196621> (дата обращения: 09.10.2024); Российский ТЭК 2022: вызовы, итоги и перспективы (2023) *Энергетическая политика*, 13 декабря. Available at: <https://energypolicy.ru/rossijskij-tek-2022-vyzovy-itogi-i-perspektivy/business/2023/12/13/> (дата обращения: 09.10.2024).

¹⁰ Россия поставила рекорд по поставкам нефтепродуктов по морю (2023) *Lenta.ru*, 5 апреля. Available at: <https://lenta.ru/news/2023/04/05/mnogo/> (дата обращения: 09.10.2024).

¹¹ Расчеты авторов по данным *The Energy Institute* (2024) *Statistical Review of World Energy*. Available at: https://www.energyinst.org/__data/assets/pdf_file/0006/1542714/684_EI_Stat_Review_V16_DIGITAL.pdf (accessed 8 October 2024).

из Азии, исторически присутствовавшими на данных рынках. Предоставление дополнительных скидок в экономических (необходимость продать уже добытую нефть) и политических (стремление укрепить связи с дружественными государствами) целях позволяет покупателям получать дополнительную выгоду, в то время как доходы российского бюджета сокращаются.

Влияние на ключевых торговых партнеров России

Для того, чтобы адаптироваться к новым ограничениям после санкционной волны 2022 г., Россия перенаправила основные потоки торговли энергоносителями в Турцию, Индию и Китай. Следует, однако, признать, что перспективы переориентации экспорта углеводородов с европейского рынка на азиатский остаются неоднозначными в силу ограниченных возможностей логистической инфраструктуры России, в частности, подходящей для обеспечения поставок газа в Восточную и Южную Азию.

Необходимо отметить, что на конфигурацию мирового энергетического рынка оказывают влияние не только ограничения, введенные ЕС непосредственно в отношении российского ТЭК, но и возможность применения вторичных санкций. Так, китайские и индийские компании объявляют¹² о прекращении закупок российской нефти именно в связи с этими опасениями. Впрочем, определенный люфт остается, поскольку европейские и американские регуляторы заявляют о том, что продукты нефтепереработки, произведенные из российского сырья за пределами России, не будут считаться российскими¹³; это открывает окно возможностей для компенсации издержек, возникших в результате отказа некоторых контрагентов от сотрудничества, и восстановления объемов экспорта российской нефти на рынки Азии. В целом, на данный момент эффективность «потолка» обусловлена возможностью контролировать оказание услуг по страхованию и вводить вторичные санкции в отношении предприятий, которые нарушают установленные условия.

Влияние на торговлю энергоносителями между Россией и Индией

В 2022 г. взаимодополняемость России и Индии в энергетическом секторе была обусловлена внешними факторами, в первую очередь антироссийскими санкциями, которые привели к существенному росту мировых цен на углеводороды и перебоям в поставках. В июне 2022 г. Россия опередила Ирак и Саудовскую Аравию по объемам продажи нефти на индийском

¹² Будрис А. (2023) Россия перенаправила нефть в Китай и Индию: достаточно ли этих двух рынков. *Forbes*, 3 апреля. Available at: [https://www.forbes.ru/biznes/486911-rossia-perenapravila-neft-v-kitaj-i-indiu-dostatochno-li-etih-dvuh-rynkov?ysclid=m229zqheqt478941821](https://www.forbes.ru/biznes/486911-rossia-perenapravila-neft-v-kitaj-i-indiu-dostatochno-li-etih-dvuh-rynkov) (дата обращения: 09.10.2024); Индия отказывается от нефти из России: кто станет новым покупателем. *Рамблер / финансы*, 20 марта. Available at: <https://finance.rambler.ru/economics/52465699-indiya-otkazyvaetsya-ot-nefti-iz-rossii-kto-stanet-novym-pokupatelem/?ysclid=m229zynaqh448270734> (дата обращения: 09.10.2024).

¹³ *European Commission* (2024) Oil Imports. Related Provisions: Article 3m and Article 3n of Council Regulation 833/2014. Available at: https://finance.ec.europa.eu/system/files/2023-08/faqs-sanctions-russia-oil-imports_en.pdf (accessed 8 October 2024).

рынке. Нефтехимическая промышленность Индии – одна из наиболее развитых в Азии, на нее приходится около 12% экспорта страны, и в настоящее время до 15% продукции отрасли производится из российского сырья¹⁴.

Согласно данным статистического обзора нефтяной компании *BP*, по состоянию на 2021 г. 57% потребляемой Индией энергии приходилось на уголь и 27% – на нефть¹⁵. В 2022 г. Россия существенно нарастила поставки обоих видов топлива в Индию. Так, объем экспорта угля увеличился в 3,6 раза – с 2,35 до 8,43 млн тонн¹⁶. Столь заметный рост продаж на фоне рекордных мировых цен на уголь был обеспечен значительным дисконтом, к которому были вынуждены прибегнуть российские экспортеры, чтобы выдержать конкуренцию с поставщиками из Австралии и Южной Африки. В июле 2022 г. скидка на российский уголь составляла около 50% от его стоимости на мировом рынке, а в октябре достигла 70%¹⁷. Тем не менее реализация больших объемов продукции в долгосрочной перспективе представляется маловероятной: Индия планирует наращивать внутреннее производство угля и сокращать его импорт.

Аналогичным образом со значительным дисконтом закупается российская нефть: после установления «потолка» цен в декабре 2022 г. скидка на продукцию марки *Urals* к цене сорта *Brent* увеличилась с 10–11 до 12–15 долл.¹⁸ США. Это означает, что в некоторых случаях российское топливо продавалось по цене ниже себестоимости. Индия официально не присоединилась к решению «Группы семи» о предельной цене на российскую нефть, однако банки страны рекомендовали нефтеперерабатывающим заводам (НПЗ) не покупать сырье из России по стоимости, превышающей установленный лимит. Государственный банк Индии (*State Bank of India*) и Банк Бароды (*Bank of Baroda*) предупредили местные НПЗ, что не будут проводить платежи за энергоресурс в случае несоответствия «потолку» цен¹⁹. Несмотря на это, в 2023 г. Индия стала вторым (после КНР) по величине импортером необработанной нефти из России с долей в 34%²⁰.

¹⁴ *Petro-logistics* (2022) The Indian Oil Bridge Between Russia and its Sanctioners. Available at: <https://www.petro-logistics.com/blog/posts/the-indian-oil-bridge-between-russia-and-its-sanctioners/> (accessed 8 October 2024).

¹⁵ *BP* (2022) Statistical Review of World Energy. Available at: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2022-india-insights.pdf> (accessed 8 October 2024).

¹⁶ Щукин П. (2023) Россия с помощью скидок утроила поставки угля в Индию. (2023) *Lenta.Ru*, 10 января. Available at: <https://lenta.ru/news/2023/01/10/three/?ysclid=m22aohb23t158928512> (дата обращения: 09.10.2024).

¹⁷ Там же.

¹⁸ Кагалынов Э. (2022) РФ продает в Индию нефть по цене значительно ниже потолка. *Коммерсантъ*, 14 декабря. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/5721562> (дата обращения: 09.10.2024).

¹⁹ *Vortexa* (2023) Crude Analytics. Available at: <https://www.vortexa.com/product-crude-oil/> (accessed 8 October 2024).

²⁰ *The Energy Institute* (2024) Statistical Review of World Energy. Available at: https://www.energyinst.org/_data/assets/pdf_file/0006/1542714/684_EI_Stat_Review_V16_DIGITAL.pdf (accessed 8 October 2024).

Несмотря на очевидную экономическую выгоду от закупки дешевого российского сырья, риск применения вторичных санкций вызывает в Дели определенные опасения, на фоне которых со стороны представителей дипломатических структур ЕС звучат призывы к принятию в отношении нее дополнительных мер²¹. Необходимость подобных шагов мотивируется тем, что Индия наращивает импорт российской нефти, которая затем может поступать на территорию государств – членов объединения. При этом индийские продукты нефтепереработки востребованы на европейском рынке, собственных мощностей которого недостаточно для покрытия внутреннего спроса.

Таким образом, в 2022 г. более 70% энергопотребления в Индии обеспечивалось по ценам, значительно более выгодным в сравнении с мировыми²². Использование относительно дешевого топлива для выработки электричества позволяет снизить себестоимость производства в энергопотребляющих отраслях, таких как черная и цветная металлургия, химическая и нефтехимическая промышленность, машиностроение, легкая промышленность. Россия конкурирует с Индией в торговле продукцией всех перечисленных отраслей: сталью, прокатом, трубами, алюминием, медью, удобрениями, графитированными электродами, шинами для автомобилей и спецтехники, нефтепродуктами, продовольственными и сельскохозяйственными товарами. Предоставляя скидки на энергоносители, Россия, с одной стороны, обеспечивает сбыт сырьевых товаров, а с другой – потенциально снижает конкурентоспособность продукции собственной обрабатывающей промышленности. В условиях торговых ограничений, введенных западными государствами, на которые традиционно был ориентирован российский экспорт данных товаров, это оказывает существенное влияние на положение соответствующих производителей и экспортеров.

Неясной остается перспектива сохранения тенденции к увеличению объемов двусторонней торговли нефтью: Дели стремится избежать зависимости от российского топлива, постепенно увеличивая закупки в других странах, в том числе в Ираке. Кроме того, Индия выражает намерение соблюдать установленный западными государствами «потолок» цен, в связи с чем продолжение сотрудничества с Россией все в большей степени обуславливается готовностью последней к предоставлению скидок. Ведущиеся переговоры по созданию зоны свободной торговли (ЗСТ) между ЕАЭС и Индией пока не могут рассматриваться как потенциальная гарантия продолжения сбыта российских энергоресурсов. В то же время рост экспорта нефти в страну при отсутствии сопоставимого по объему встречного импортного потока создает валютный дисбаланс в двусторонней торговле.

²¹ Боррель считает обходом санкций закупки Индией российской нефти. И теперь грозит санкциями Индии. (2023) *Бизнес FM*, 16 мая. Available at: <https://www.bfm.ru/news/525470> (дата обращения: 09.10.2024).

²² Рассчитано авторами по данным *Enerdata* (n.d.) India Energy Information. Available at: <http://surl.li/tthofu> (accessed 9 October 2024).

Влияние на торговлю энергоносителями между Россией и Китаем

Россия поставляет нефть в Китай по магистральному трубопроводу Восточная Сибирь – Тихий океан, транзитом через Казахстан, а также танкерами; значительная часть углеводородов отправляется морем из Козьмино в порты на севере Китая. По итогам 2022 г. объем экспорта нефти в КНР увеличился на 8,2% в физическом выражении и на 43,9% – в стоимостном; Россия заняла второе после Саудовской Аравии место по поставкам этого энергоресурса. В 2023 г. первая опередила вторую на 22%; Китай, в свою очередь, стал основным направлением российского экспорта (44%)²³.

В условиях сокращения поставок в ЕС Россия вынуждена продавать энергоресурсы азиатским потребителям со значительной скидкой, в то время как имеющейся инфраструктуры для экспорта в других направлениях недостаточно. Возникает риск образования монополии, поскольку России необходимо в срочном порядке сбывать высвободившиеся объемы нефти и газа. Попытки диверсифицировать маршруты поставок за счет строительства новых экспортных мощностей СПГ ограничиваются отсутствием доступа к западным технологиям.

Согласно прогнозам *ETRI*²⁴ в долгосрочной перспективе нефть и газ останутся доминирующими источниками энергии в Китае: их доля в первичной энергетической структуре сохранится на уровне 25% в 2040 г., из которых нефть будет составлять 13–14%, а природный газ – 11–12%, что несколько ниже текущего суммарного показателя в 27%. Вместе с тем в средне- и долгосрочной перспективе Китай будет стремиться адаптировать производство к «зеленым» стандартам для обеспечения экспорта товаров на рынок ЕС, где действует Механизм трансграничного углеродного регулирования (МТУР)²⁵, требующий предоставлять информацию об углеродоемкости продукции.

Тем не менее на данном этапе добыча природного газа внутри страны увеличивается медленно. Для восстановления экономики после коронавирусных ограничений требуются дополнительные объемы, что обуславливает наращивание импорта. Сокращать объемы закупок нефти в кратко- и среднесрочной перспективах Китай не спешит по двум причинам.

Во-первых, с 2002 г. в стране реализуется проект по созданию нефтяных резервов по аналогии с существующими в США. Во время снижения цен на энергоресурсы Китай пополняет запасы (как это было, например, в 2020 г. на фоне коронакризиса), а в периоды действия высоких цен расходует

²³ *The Energy Institute* (2024) Statistical Review of World Energy. Available at: https://www.energyinst.org/_data/assets/pdf_file/0006/1542714/684_EI_Stat_Review_V16_DIGITAL.pdf (accessed 8 October 2024).

²⁴ *S&P Global* (2023) China's natural gas demand to peak in 2040 at 605.9 Bcm: ETRI. Available at: <https://www.spglobal.com/commodityinsights/en/market-insights/latest-news/lng/120823-chinas-natural-gas-demand-to-peak-in-2040-at-6059-bcm-etri> (accessed 8 October 2024).

²⁵ *EUR-Lex* (2023) Regulation (EU) 2023/956 of the European Parliament and of the Council of 10 May 2023 establishing a carbon border adjustment mechanism. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2023/956/oj> (accessed 8 October 2024).

их на нужды внутреннего потребления (примером является период восстановительного роста цен на нефть в 2021–2022 гг.), что позволяет нивелировать влияние ценовых шоков на себестоимость нефтепереработки. Китай приобретает данный вид топлива только у тех поставщиков, которые предоставляют скидки, что обусловило рост закупок российской нефти в 2022 г.

Во-вторых, Китай обладает значительными мощностями для переработки нефти. В 2022 г. они были увеличены, и объем производства максимально приблизился к таковому в США²⁶. Китайская экономика сталкивается со структурным несоответствием, которое заключается в избыточных нефтеперерабатывающих мощностях и недостаточном предложении высококачественных нефтехимических продуктов²⁷. Новые проекты 2022 г., предполагающие увеличение импорта сырья, а значит, и выпуска продукции, могут способствовать устранению этого несоответствия.

Кроме того, приобретение топлива с дисконтом способствует снижению себестоимости продукции энергоемких отраслей промышленности КНР, а именно черной и цветной металлургии, производства удобрений. На мировом рынке китайские поставщики указанных групп товаров конкурируют с российскими. Из этого следует, что, как и в случае с Индией, сбыт нефтегазовых ресурсов в Китае по сниженным ценам способствует созданию неблагоприятных условий конкуренции для российских экспортеров неэнергетической продукции. Вкупе с активно используемыми в КНР механизмами господдержки данный фактор существенно осложняет переориентацию российского экспорта с рынков стран Запада на рынки «дружественных» стран Азии.

Так, снижение средней закупочной цены на природный газ и, как следствие, платы за электроэнергию, которая составляет до 35% затрат на производство тонны первичного алюминия, существенно влияет на стоимость готовой продукции. С одной стороны, это обеспечивает китайским товарам конкурентное преимущество, а с другой – рискует спровоцировать новый виток протекционизма, ограничивающего импорт из Китая, в тех странах, которые имеют собственную алюминиевую промышленность. Впрочем, в связи с санкциями против российского алюминия спрос на китайскую продукцию, вероятно, возрастет; в таком случае государства-импортеры будут склонны проводить более мягкую торговую политику в отношении Китая.

Таким образом, в условиях постковидного восстановления экономики и санкционного давления ЕС переориентация поставок энергоносителей на китайское направление, несмотря на необходимость значительных скидок, представляется целесообразной, поскольку в краткие сроки позволила сбыть имеющиеся объемы нефти. В средне- и долгосрочной перспективах Китай будет стремиться к снижению объемов импорта нефти и газа по ходу

²⁶ *Enerdata* (n.d.) Refined oil products production. Available at: <https://yearbook.enerdata.net/oil-products/world-refined-production-statistics.html> (accessed 9 October 2024).

²⁷ *Globuc* (2022) Китай запустил крупный нефтеперерабатывающий проект. Available at: <https://globuc.com/ru/news/kitay-zapustil-kрупnyy-neftepererab/> (дата обращения: 09.10.2024).

расширения электрификации внутренней транспортной инфраструктуры, а также по мере снижения уровня углеродоемкости при производстве товаров с целью поддержать конкурентоспособность собственной экономики и адаптировать ее к действию МТУР ЕС.

Влияние на торговлю энергоносителями между Россией и Турцией

Россия рассматривает Турцию как одного из ключевых партнеров по энергетическому сотрудничеству в Европе. В последние два десятилетия Турция демонстрирует наиболее быстрорастущий среди стран ОЭСР спрос на энергию, в мировом масштабе уступая лишь Китаю²⁸. При этом в части его удовлетворения страна в значительной степени зависит от импорта.

Турция также демонстрирует намерение стать «газовым хабом» посредством организации на своей территории транспортных магистралей, которые соединили бы страны ЕС с Россией, Восточным Средиземноморьем, Азербайджаном, Ираком, Ираном и Туркменистаном. Планы создания такого хаба в Турции прорабатываются уже давно, однако основной поставщик газа в Европу – Россия – до 2022 г. экспортировала газ по собственной инфраструктуре, и необходимость в посредниках отсутствовала. Падение поставок по данному маршруту на фоне санкционного давления придало планам Анкары новый импульс.

Значение «газового хаба» для Турции велико. Некоторые эксперты²⁹ полагают, что его создание окажет позитивное влияние на перспективы вступления государства в ЕС. Кроме того, турецкие промышленные предприятия, вероятно, будут иметь постоянный доступ к энергоресурсам по более низким ценам относительно тех, по которым он будет перепродаваться в другие страны, что повысит конкурентоспособность товаров внутреннего производства. Вместе с тем экономический эффект этого проекта будет в большей степени зависеть от способности истейблишмента договориться с поставщиками, а также от взвешенного подхода к ценовой политике в отношении подлежащего реэкспорту топлива. Усилия Турции сейчас сосредоточены не на наращивании объема импорта, а на создании механизма местного ценообразования и организации платформы для продажи. С тем чтобы обеспечить сбыт по приемлемой для европейского потребителя стоимости, турецкая сторона занимает жесткую позицию в переговорах с Россией: закупки уже осуществляются со скидкой и отсрочками оплаты, и, несмотря на это, Анкара рассчитывает добиться еще «более разумных цен» на газ³⁰. Как представляется,

²⁸ РСМД (2021) Россия и Турция: состояние и перспективы энергетического сотрудничества: рабочая тетрадь. Available at: <https://russiacouncil.ru/papers/Russia-Turkey-Energy-WorkingPaper63.pdf> (дата обращения: 09.10.2024).

²⁹ Mironova I. (2023) Who Is The Main Beneficiary Of The Gas Hub In Turkey? *RussiaPost*, 13 November. Available at: https://russiapost.info/economy/gas_hub (accessed 9 October 2024).

³⁰ ТАСС (2023) Турция ожидает «более разумных цен» на газ из России в ближайшие годы. Available at: <https://tass.ru/ekonomika/18756007> (дата обращения: 09.10.2024).

такой подход не в последнюю очередь определяется продолжающейся девальвацией турецкой национальной валюты³¹.

Задача также осложняется тем, что в условиях западных санкций компаниям и операторам будет непросто получить финансирование и доступ к необходимым технологиям; вероятны препоны по ходу строительства. Если же данные вопросы удастся решить, то в случае запуска газопровода могут возникнуть сложности с его техническим обслуживанием и покупкой запасных частей, а также проблемы, связанные с (не)соответствием продаваемого газа нормам ЕС и с сертификации операций по его продаже.

Учитывая приверженность государств-членов стратегии *REPowerEU*³², которая содержит цель отказаться от российского газа к концу 2027 г., перспективы его реэкспорта из Турции остаются неопределенными. В этой связи Турция стремится диверсифицировать источники закупок, чтобы не впасть в зависимость от одного поставщика. При обсуждении создания «газового хаба» в Турции выдвигалось предложение смешивать российский газ с углеводородами из Азербайджана, Ирана и Ирака³³. Впрочем, принимая во внимание беспрецедентное санкционное давление ЕС на Россию и в целом откровенно недружественное отношение к ней, его практическая реализация вызывает сомнения в силу непредсказуемости реакции европейских покупателей.

Что касается нефти, в 2022 г. Турция стала третьим по величине направлением российского экспорта после Китая и Индии³⁴.

Заключение

Взаимодействие России и ЕС в области торговли энергоресурсами характеризуется двусторонней зависимостью, что предопределяет амбивалентную природу санкционной политики объединения в отношении российского ТЭК. С одной стороны, Европейский союз заявляет о стремлении обеспечить энергетическую безопасность, подразумевая отказ от импорта энергоносителей из России. В результате сотрудничество с ней секьюритизируется (Кавешников, 2015), что служит объяснением тому, почему вообще политика объединения затронула столь чувствительную сферу. С другой стороны, принимая ограничительные меры на наднациональном уровне, ЕС соизмеряет их целесообразность с прагматическим интересом.

³¹ По данным Центрального банка Турецкой Республики.

³² *The European Commission* (2022) REPowerEU: Joint European action for more affordable, secure and sustainable energy. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_22_1511 (accessed 8 October 2024).

³³ R. Soyulu. (2022) Could Turkey become a gas hub for Europe? *Middle East Eye*, 13 November. Available at: <https://www.middleeasteye.net/news/turkey-gas-hub-europe-could-become> (accessed 9 October 2024).

³⁴ *S&P Global* (2024) Global oil flow tracker. Available at: <https://www.spglobal.com/commodityinsights/en/market-insights/latest-news/oil/072122-interactive-global-flow-tracker-recording-changes-russian-oil-exports> (accessed 8 October 2024).

Так, до 2022 г. ограничительные меры касались преимущественно проектов, связанных с производством более дорогих нефтяных ресурсов – арктических, глубоководных и сланцевых. Санкционная волна, инициированная ЕС в феврале 2022 г., сопровождалась принятием серии пакетов, которые предусматривали запрет на импорт российского угля, а также на продажу, поставку, передачу и экспорт в Россию определенных товаров и технологий, используемых в процессе нефтепереработки. Кульминацией данной политики стало введение предельной цены на российскую нефть. Апробация этой «санкционной инновации» стала возможной потому, что торговля нефтью в отличие от торговли газом не являлась для ЕС сферой тесного взаимодействия с Россией.

Введенные меры, а также применение практики вторичных санкций ЕС оказали влияние на мировой энергетический рынок, уже определились бенефициары последствий санкционной политики. С целью адаптироваться к новым реалиям Россия переориентировала основные торговые потоки топливно-энергетических ресурсов в Индию и Китай, что позволило предотвратить колоссальное сокращение продаж российской нефти и нивелировать угрозу коллапса российского ТЭК, которого, вероятно, ожидали многие. Следует, однако, учитывать, что подобный маневр стал возможен за счет предоставления значительного дисконта новым покупателям, что влечет за собой риск снижения конкурентоспособности российской продукции обрабатывающей промышленности (стали, проката, труб, алюминия, меди, удобрений, шин для автомобилей, нефтепродуктов, продовольственных и сельскохозяйственных товаров).

При этом предоставляемые Россией скидки и отсрочки, а также рост текущих объемов поставок не являются гарантией того, что в долгосрочной перспективе новые направления сбыта – Индия, Китай и Турция – станут основой географической структуры экспорта продукции российского ТЭК. Поскольку государства, которые на официальном уровне не присоединились к западным санкциям, под угрозой применения вторичных санкций соблюдают установленные Западом правила торговли (в частности, «потолок» цен на нефть), многое будет зависеть от общего геополитического и политико-экономического фона. Коммуникация с покупателями в значительной степени определяется тем обстоятельством, что российская сторона находится в заведомо уязвимой переговорной позиции, поскольку российский ТЭК активно зависит от экспорта.

Таким образом, в краткосрочной перспективе российской нефтяной отрасли удалось купировать риски критического падения экспорта. Вместе с тем в долгосрочной перспективе, вероятно, потребуются искать новые рынки и способы адаптации ввиду необходимости поддержания конкурентоспособности собственной продукции, а также тренда на снижение углеродоемкости мировой экономики.

Одним из способов обеспечения некоей гарантии продолжения поставок в Индию и Китай может стать расширение взаимной торговли в части наращивания Россией импорта продукции, производимой в этих странах. При этом следует учитывать интересы российских производителей: экспансия китайских товаров в целом ряде отраслей способна нанести существенный ущерб отечественной промышленности. Работа по укреплению сотрудничества с Дели может проводиться в рамках переговорного процесса по созданию ЗСТ между Индией и ЕАЭС; одновременно следует рассмотреть вопрос балансирования торговли в национальных валютах. Поиск иных способов адаптации российской нефтяной отрасли к новым реалиям в средне- и долгосрочной перспективах открывает возможности для будущих исследований.

Список литературы

1. Боровский Ю.В. (2023a) Россия и Евросоюз: смена тренда в энергетических отношениях. *Российский социально-гуманитарный журнал* (3). DOI: 10.18384/2224-0209-2023-3-1323.
2. Боровский Ю.В. (2023b) Чем движим Запад в своей энергетической политике? *Международные процессы* 21(1): 189–211. DOI: 10.17994/IT.2023.21.1.72.4.
3. Боровский Ю.В., Шишкина О.В. (2022) Энергетическая политика ЕС и ее движущие силы. *Полис. Политические исследования* (3): 67–79. DOI: 10.17976/jpps/2022.03.06.
4. Голубчик А.В., Пак Е.В. (2023) Российский экспорт нефти и «ценовой потолок»: адаптация возможна. *Российский внешнеэкономический вестник* (1): 56–63. DOI: 10.24412/2072-8042-2023-1-56-63.
5. Кавешников Н.Ю. (2011) Многоликая энергетическая безопасность. *Международная жизнь* (12): 88–103.
6. Кавешников Н.Ю. (2015) Энергетический союз ЕС как ответ на «российский вызов». *Институт Европы РАН. Аналитическая записка № 25*.
7. Потемкина О.Ю., Кавешников Н.Ю., Кондратьева Н.Б. (2012) *Европейский Союз в XXI веке: время испытаний*. М.: Весь мир.
8. Сидорова Е.А. (2016) Энергетика России под санкциями Запада. *Международные процессы* 14(1): 143–155. DOI: 10.17994/IT.2016.14.1.44.11.
9. Тимофеев И.Н. (2018) Экономические санкции как политическое понятие. *Вестник МГИМО-Университета* 2(59): 26–42. DOI: 10.24833/2071-8160-2018-2-59-26-42.
10. Юдина О.Н. (2022) Энергетический диалог Россия-ЕС в 2000–2014 гг.: ключевые приоритеты, этапы, противоречия, результаты. *Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика* (2): 40–75. DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-2-40-75.
11. Batzella F. (2024) Slowly but surely? Assessing EU actorness in energy sanctions against Russia. *Energy Policy* 192. DOI: 10.1016/j.enpol.2024.114233.
12. Casier T. (2011) The Rise of energy to the Top of the EU–Russia Agenda: from interdependence to dependence? *Geopolitics* 16(3): 536–552.
13. Giumelli F. (2017). The redistributive impact of restrictive measures on EU members: Winners and losers from imposing sanctions on Russia. *JCMS: Journal of Common Market Studies* 55(5): 1062–1080. DOI: 10.1111/jcms.12548.
14. Giumelli F., Hoffmann F., Książczaková A. (2021) The when, what, where and why of European Union sanctions. *European Security* 30(1): 1–23.
15. Goldthau A., Sitter N. (2015) *A Liberal Actor in a Realist World: the European Union Regulatory State and the Global Political Economy of Energy*. 1st ed. Oxford: Oxford University Press.

16. Imbs J., Pauwels L. (2023) *An Empirical Approximation of the Effects of Trade Sanctions with an Application to Russia*. DOI: 10.2139/ssrn.4396080.
17. Nguyen D.H., Khominich I.P. (2024) Financial performance of EU-27 fossil fuel companies and their counterparts after imposing energy sanctions on Russia: A comparative analysis. *Russian Journal of Economics* 10(2): 190–210. DOI: 10.32609/j.ruje.10.124364.
18. Portela C., Pospieszna P., Skrzypczyńska J., Walentek D. (2021) Consensus against all odds: explaining the persistence of EU sanctions on Russia. *Journal of European Integration* 43(6): 683–699.
19. Prontera A. (2017) *The New Politics of Energy Security in the European Union and beyond: States, Markets, Institutions*. 1st ed. Routledge. DOI: 10.4324/9781315555126.
20. Schmidt-Felzmann A. (2019) Negotiating at cross purposes: Conflicts and continuity in the EU's trade and energy relations with Russia, pre- and post-2014. *Journal of European Public Policy* 26(12): 1900–1916. DOI: 10.1080/13501763.2019.1678057.
21. Siddi M., Kustova I. (2021) From a liberal to a strategic actor: the evolution of the EU's approach to international energy governance. *Journal of European Public Policy* 28(7): 1076–1094. DOI: 10.1080/13501763.2021.1918219.

Comparative Politics. Volume 15. No. 4. October–December / 2024
 DOI 10.46272/2221-3279-2024-4-15-11

IMPACT OF EU ANTI-RUSSIAN SANCTIONS ON ENERGY TRADE BETWEEN RUSSIA AND ITS KEY PARTNERS

Svetlana I. BALAKHONOVA – Junior Research Fellow, Institute for International Studies, MGIMO University.

ORCID: 0009-0009-2857-4405. E-mail: s.balakhonova@inno.mgimo.ru
 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454.

Ekaterina S. KNYAZKINA – Junior Research Fellow, Institute for International Studies, MGIMO University.

ORCID: 0009-0003-4709-8949. E-mail: e.s.knyazkina@yandex.ru
 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454.

Dr. Ekaterina Ya. ARAPOVA – Leading Research Fellow, Institute for International Studies; Deputy Dean, School of International Relations, MGIMO University.

ORCID: 0000-0001-8765-9825. E-mail: arapovakatrin@mail.ru
 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454.

Received May 22, 2024

Accepted September 16, 2024

Acknowledgements. The article was prepared with the financial support of the grant of the Institute for International Studies, MGIMO University, project No. 2025-04-06.

Abstract: The EU sanctions have targeted Russian energy industry since 2014. Since February 2022, the European Union has imposed a series of unprecedented restrictions affecting Russian fuel trade, a highly sensitive area for both sides, each having a pragmatic interest hereinunder. Energy price cap established in 2022 became the climax of the EU' sanctions policy against the

Russian fuel and energy complex, making it one of the toughest measures in the history of the EU's anti-Russian energy restrictions. In order to adapt to the new realities, the export directions of the Russian oil industry were reoriented from Europe to Asia. A number of domestic and foreign researchers have focused on the EU' sanctions policy against the Russian fuel and energy industry, assessing its impact on the global energy market. At the same time, some issues remain insufficiently studied, including the effectiveness of the Russian adaptation strategy, as well as the impact of this strategy on Russia's key trading partners. The purpose of this study is to identify the impact of the EU' sanctions against the Russian fuel and energy complex on energy trade between Russia and its main counterparts; to reflect the current trends in Russia's energy trade relations with China, India and Turkey; to assess the effectiveness of Russia's strategy tailored to adapt to the EU' restrictions in this area; and to evaluate the effectiveness of this strategy. The research shows that in the short term, the domestic oil industry has managed to promptly respond to the challenges that arose, which was possible due to significant discounts provided to the new partners. While Russian economy was trying to adapt to the current conditions in the global energy market, using the aforementioned strategy, key beneficiaries of the EU' sanctions policy were clearly identified, including India, China and Turkey.

Keywords: sanctions policy, energy sanctions, fuel and energy industry, energy trade, Russia, EU, China, India, Turkey

References:

1. Batzella F. (2024) Slowly but surely? Assessing EU actorness in energy sanctions against Russia. *Energy Policy* 192. DOI: 10.1016/j.enpol.2024.114233.
2. Borovskii Yu.V. (2023a) Rossiia i Evrosoiuz: smena trenda v energeticheskikh otnosheniakh [Russia and the EU: a trend change in energy relations]. *Rossiiskii sotsial'no-gumanitarnyi zhurnal [Russian social and humanitarian journal]* (3). DOI: 10.18384/2224-0209-2023-3-1323. (In Russian).
3. Borovsky Yu. (2023b) Chem dvizhim Zapad v svoei energeticheskoi politike? [What drives the West in its energy policy?]. *Mezhdunarodnye protsessy [International Trends]* 21(1): 189–211. DOI: 10.17994/IT.2023.21.1.72.4. (In Russian).
4. Borovsky Yu.V., Shishkina O.V. (2022) Energeticheskaia politika ES i ee dvizhushchie sily [The EU's energy policy and its driving forces]. *Polis. Politicheskie issledovaniia [Polis. Political Studies]* (3): 67–79. DOI: 10.17976/jpps/2022.03.06. (In Russian).
5. Casier T. (2011) The Rise of energy to the Top of the EU-Russia Agenda: from interdependence to dependence? *Geopolitics* 16(3): 536–552.
6. Giumelli F. (2017) The redistributive impact of restrictive measures on EU members: Winners and losers from imposing sanctions on Russia. *JCMS: Journal of Common Market Studies* 55(5): 1062–1080. DOI: 10.1111/jcms.12548.
7. Giumelli F., Hoffmann F., Książczaková A. (2021) The when, what, where and why of European Union sanctions. *European Security* 30(1): 1–23.
8. Goldthau A., Sitter N. (2015) *A Liberal Actor in a Realist World: the European Union Regulatory State and the Global Political Economy of Energy*. 1st ed. Oxford: Oxford University Press.
9. Golubchik A.V., Pak E.V. (2023) Rossiiskii eksport nefti i «tsenovoi potolok»: adaptatsiia vozmozhna [Russia's Oil Exports and the Price Cap: One Can Adapt]. *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik [Russian Foreign Economic Journal]* (1): 56–63. DOI: 10.24412/2072-8042-2023-1-56-63. (In Russian).
10. Imbs J., Pauwels L. (2023) *An Empirical Approximation of the Effects of Trade Sanctions with an Application to Russia*. DOI: 10.2139/ssrn.4396080.

11. Kaveshnikov N.Yu. (2011) Mnogolikaia energeticheskaia bezopasnost' [The multifaceted energy security]. *Mezhdunarodnaia zhizn' [International Affairs]*(12): 88–103. (In Russian).
12. Kaveshnikov N.Yu. (2015) Energeticheskii soiuz ES kak otvet na «rossiiskii vyzov» [EU Energy Union as a response to the “Russian challenge”]. *Institut Evropy RAN. Analiticheskaiia zapiska [Institute of Europe RAS. Analytical note]* №25. (In Russian).
13. Nguyen D.H., Khominich I.P. (2024) Financial performance of EU-27 fossil fuel companies and their counterparts after imposing energy sanctions on Russia: A comparative analysis. *Russian Journal of Economics* 10(2): 190–210. DOI: 10.32609/j.ruje.10.124364.
14. Portela C., Pospieszna P., Skrzypczyńska J., Walentek D. (2021) Consensus against all odds: explaining the persistence of EU sanctions on Russia. *Journal of European Integration* 43(6): 683–699.
15. Potemkina O.Iu., Kaveshnikov N.Iu., Kondrat'eva N.B. (2012) *Evropeiskii Soiuz v XXI veke: vremia ispytaniia [The European Union in the 21st Century: A Time of Trials]*. Moscow: Ves' mir. (In Russian).
16. Prontera A. (2017) *The New Politics of Energy Security in the European Union and beyond: States, Markets, Institutions*. 1st ed. Routledge. DOI: 10.4324/9781315555126.
17. Schmidt-Felzmann A. (2019) Negotiating at cross purposes: Conflicts and continuity in the EU's trade and energy relations with Russia, pre- and post-2014. *Journal of European Public Policy* 26(12): 1900–1916. DOI: 10.1080/13501763.2019.1678057.
18. Siddi M., Kustova I. (2021) From a liberal to a strategic actor: the evolution of the EU's approach to international energy governance. *Journal of European Public Policy* 28(7): 1076–1094. DOI: 10.1080/13501763.2021.1918219.
19. Sidorova E.A. (2016) Energetika Rossii pod sanktsiiami Zapada [Russian energy industry under the Western sanctions]. *Mezhdunarodnye protsessy [International Trends]* 14(1): 143–155. DOI: 10.17994/IT.2016.14.1.44.11. (In Russian).
20. Timofeev I.N. (2018) Ekonomicheskie sanktsii kak politicheskoe poniatie [Economic sanctions as a concept of power politics]. *Vestnik MGIMO-Universiteta [MGIMO Review of International Relations]* 2(59): 26–42. DOI: 10.24833/2071-8160-2018-2-59-26-42. (In Russian).
21. Yudina O.N. (2022) Energeticheskii dialog Rossiia-ES v 2000–2014 gg.: kliuchevye priority, etapy, protivorechiia, rezul'taty [Russia–EU energy dialogue in 2000–2014: key priorities, stages, contradictions, and outcomes]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriia 25: Mezhdunarodnye otnosheniia i mirovaia politika [Moscow University Bulletin of World Politics]*(2): 40–75. DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-2-40-75. (In Russian).